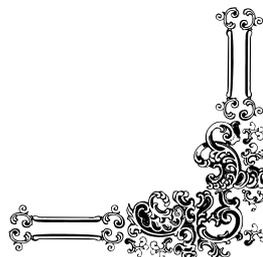
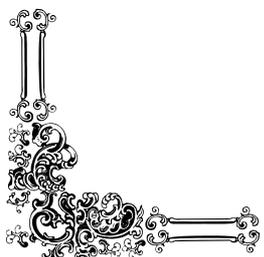

**РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ.
НЕКОТОРЫЕ РЕЦЕНЗИИ
И ОТЗЫВЫ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ
АЛЕКСЕЯ ЯШИНА**

Леонид Ханбеков
(г. Москва)

ИСТОРИК И ЕГО ИСТОРИЯ*

Самыми значительными на сегодня его книгами, по моему разумению, являются три: «Историк и его история» (2004), «В час волка» (2005) и «Подводная лодка «Капитан Старосельцев» (2006).

Кто-то прибавит к ним еще и весьма нарядный, респектабельный том с обворожительной красоткой на обложке — «Живые шахматы» (2006), я же придерживаюсь на сей счет другого мнения и постараюсь несколько позже его обосновать.

Итак, «Историк и его история».

Менее всего в этом опусе меня занимает... занимательная сторона — дьяволиада. История продажи скромным провинциальным архивистом Виктором Ильичом своей бессмертной души Аседону-младшему. Она написана искрометно, с раблезианской широтой и веласкесовой сочностью деталей. Одна история «открытия», что же это такое «рулонная» семга на пиршественном столе — чего стоит!

А сотворение тульскими умельцами из объединения «Меткость», или какого другого, в данном случае не имеет значения, емкостей для технического спирта, которые легко и изящно помещаются в канцелярскую папку для бумаг!

А визит рассказчика, пусть и во сне в образе полковника разведки, в кабинет Верховного!

Слов нет, обстоятельно и со вкусом выписанные свидания не-

* Отрывки из книги: Ханбеков Л. В. Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина.— М.: «Московский Парнас», 2008.— 90 с. + 16 с. вкл.

удержимого ловеласа Виктора Ильича с некоей замужней дамочкой тускнеют, когда у провинциального архивиста появляется возможность покуражиться над собственным начальством, еще недавно подвизавшимся в недостижимых для Виктора Ильича номенклатурных сферах.

Вот уж простор фантазии и сатире! Гоголевский и щедринский размах! Гнущийся в три погибели перед вчерашним клерком патрон. Вчера в упор не видевший своего подчиненного, он на блюдечке с золотой каемочкой подносит теперь приказ о назначении того в свои заместители, а в придачу еще более лакомый кусочек — свою дочку. В жены этому наглецу!

«История» Алексея Яшина куда богаче того, что преподается на истфаках современных университетов и пединститутков, тесно ей и во многих академических фолиантах, поскольку кандидаты и доктора привычно молятся на труды своих учителей.

А он совершает дальние экскурсии в XVI—XVII века и по своему анализирует становление российской государственности, бесконечные поползновения на гигантские православные просторы католической Европы, не брезгает поразмышлять о сторонниках и противниках гомосексуализма в России, вчерашней и нынешней, о борьбе Сталина с поднимавшим головы троцкизмом во всех его проявлениях.

Ученый, он вспоминает тщательно замалчиваемый анализ работ Эйнштейна, который шесть десятков лет назад опубликовал в Штатах автор теоремы о неполноте Гёдель в своих заметках о научной теории и идеалистической философии.

Я не большой знаток теории относительности, но мне были страшно интересны яшинские размышления об ее истинных отцах — Лоренце, Пуанкаре, Минковском, Богданове...

Скажете, причем тут авантюрный роман? И соглашусь: совершенно ни при чем. Иное дело, когда Виктор Ильич, по архивной своей специальности будучи патриотом оружейного края, раскапывает занимательнейшую историю с явлением миру знаменитой русской трехлинейки. Попутно мы узнаем, как штабс-капитан Мосин, выиграв со своей винтовкой в 1885 году конкурс оружейников и получив солидную премию, отдал, не дрогнув, ее как отступное

разорившемуся помещику Арсеньеву, и тот отпустил подобру-поздорову свою жену Варвару Николаевну, возлюбленную изобретателя, в Москву.

Ничуть не удивляюсь тому обстоятельству, что «демократическая критика» помалкивает о романистике Алексея Яшина. Для этой публики одного упоминания о том, как досадовал Сталин, что не мог предать гласности разворовывания Троцким и его приспешниками национальных богатств страны, достаточно. А тот досадовал, поскольку не любил неточностей. Но даже Анастас Микоян, ответственный исполнитель известного ленинского постановления СНК от 7 февраля 1921 года, разрешающего продажу и вывоз за рубеж, не знал размеров этого санкционированного грабежа.

Позже, уже в 1929 году, сведущие люди сообщили, что из Алма-Аты в Одессу прибыл целый спецпоезд с народным добром, нахапанным в личное пользование неистовым народным трибуном и пламенным революционером, который на словах всегда ставил интересы революции выше интересов всякой личности. Кроме своей, разумеется. И гигантские коллекционные сокровища уплыли с Лейбой Троцким в Мексику. Сторонников, помощников и сочувствующих у него было предостаточно.

Сталин же махать после драки кулаками не любил. Для «демократической истории» нет развязавшего «красный террор» и открывшего первые концлагеря тирана и душегуба Троцкого, есть лишь невинная жертва политической борьбы душка Лев Давыдович — почитатель поэтической и художественной богемы.

Впрочем, и о поползновениях клеветов Троцкого к созданию Крымской автономии также усердно помалкивают. Никак не могут простить Сталину двух решительных шагов: упреждающего все их изыски создания автономной области на Дальнем Востоке, в составе Хабаровского края, поблизости от очагов японской агрессии, и решительного выкорчевывания из органов НКВД тех, кто под видом славных «ежовых рукавиц» уничтожал интеллектуальный цвет молодой республики Советов.

У читателей могут быть и иные соображения на этот счет, но Яшин-историк во всем помогает Виктору Ильичу — архивисту. Вот и нередко выстраивает он свои рассуждения и открытия в ви-

де исторического курьеза, давая возможность своему «герою» легко вернуться из конца XX века в его начало или середину. Для чего? А для того, чтоб он мог побеседовать с вождем... лично. А что? Облачив Виктора Ильича в полковничью форму с орденами Красного Знамени и Красной Звезды на кителе и сделав его кадровым разведчиком Устюжниным, он сообщает читателю редкостные вещи о ситуации, сложившейся в высших эшелонах военного командования перед финской кампанией, перед вторжением на советскую землю гитлеровских полчищ.

Авантюрная канва романа порой прерывается и очень надолго. Скажем, Виктор Ильич отправляется в дальние монастырские села Архангельщины, где его бабка была старостихой при церкви Преображения, куда, оказывается, снесли все самое ценное из Богородичного храма, из местного монастыря. Глядишь, там сохранилось что-то ценное из старинных книг? Но попутно, на много страниц, рассказывается сама по себе очень завлекательная история возникновения и печального конца самопровозглашенной коммуны комиссара Гоши — обыкновенного жулика и авантюриста, которая хозяйничала в тамошних местах, самолично выписывая себе всяческие мандаты на экспроприацию. Искал наш исследователь-архивист старинные книги, а обнаружил «дело».

Впрочем таким внушительным и объемным, и так, между прочим, кратким экскурсам в современную и отдаленную, в российскую и европейскую историю, наш герой находит вполне подходящее обоснование.

Скажем, болтается в утомительной качке где-то у берегов Италии судно, на которое забросил рогатый бес нашего героя, любителя приключений и житейских прелестей. Ну и болтайся в свое удовольствие, ведь рядом неутомимая юная красотка. Но герой-то — историк, архивист, и самое время вспомнить гибель линкора «Новороссийск», — бывшего флагмана флота Муссолини линкора «Джулио Цезаре» (Юлий Цезарь), полученного по репарации Советским Союзом. Таких, по случаю, воспоминаний, а точнее, разысканий, неутомимого историка в книге масса. Они различны по манере изложения, по фактуре, по объему. Но это всегда — история, в которой нет места голословным заявлениям. Вот читаем мы прослав-

ленные «демократическими» средствами массовой информации книги Александра Исаевича Солженицына. Они, знаем, настояны, как украинская горилка на перце, на теме «незаконных репрессий». Наш же историк обращает внимание почтенной публики на то обстоятельство, что среди этих самых «незаконно репрессированных» было немало и осужденных вполне законно. За сотрудничество с оккупантами, за службу в полиции и карательных отрядах, в которые фашисты старательно набирали скороспело амнистированных Советской властью перед войной уголовников, а после войны — в их число попали тысячи весьма и весьма высокопоставленных мародеров, вывезших из Германии, несмотря на запреты, предметы искусства, составляющие национальную ценность.

Я в общем-то не об отступлениях лирического свойства, на которые имеет полное право всякий романист. Это в некотором роде даже и похвально, поскольку автор, или его герой, предстают перед читателем в этом случае куда более объемно и убедительно, демонстрируя свои пристрастия и привязанности, увлечения и круг общения. Кто же против, если в сюжетной канве романа появляется главка-другая о том, как люди карьерного толка искали тех, кто охотно состряпает им приличную «пролетарскую биографию», поскольку для партийной карьеры ее наличие имело весьма продуктивное значение. Подобным образом нынче ищут следы дворянского происхождения, выстраивают — за энные суммы в «зеленых» — несуществующие генеалогические развесистые деревья. А там глядишь, и местечко в райских природных куцах отведено с соответствующим льготами для восстановления «сметенного классовыми бурями» жалованного государем предкам (а как же иначе?) за службу Отечеству поместья.

Так вот в советские времена наш архивист волею судеб оказался в приятелях у Витьки Логинова. Отец того в войну подвизался по интендантской части и вывез из поверженной Германии целый музей. Достаточно сказать, что у оборотистого полковника оказался полный комплект наград 3-го рейха, парадные кинжалы и шпаги штурмовиков и эсэсовцев, издание «*Mein Kampf*» за номером 9 из уникального тиража в 100 экземпляров, а что-то еще более ценное для коллекционеров хранилось в специальном сейфе...

Что там перечислять, если Витькин родитель прихватил из Берлина даже стол рейхс-маршала авиации Геринга? Наверное, было еще немало такого, за что коллекционеры отдали бы любые деньги, если Витькин папаша, ныне полный военный и гражданский пенсионер, был среди тех, кто выселял по приказу Верховного в 24 часа крымских татар...

Вот и понадобилась Витьке Логинову, наследничку шикарной усадьбы в Зареченской части города, предназначенной под застройку, помощь приятеля-архивиста. Все же снесут к чертовой матери, если не доказать какой-то особой, исторической ценности его подворья. Докажи, что здесь еще до коронации царя Николая II бывал известный городской революционер, слесарь с Оружейного завода Федька Селифанов. Вот бы дом-музей соорудить! Мемориальная таблица. Охраняется законом. То, се. А не подсуетись вовремя — и пошло все под снос. И пусть тот подпольный свободолюбец приходил сюда с молодкой из местных заполночь, а уходил, как водится, чуть свет, чтоб народу глаза не мозолить, не в этом суть. Ты — архивист, тебе и карты, то есть документы, в руки. А в награду за труды — вот, хоть шпагу от парадного эсэсовского мундира и серебряный значок члена национал-социалистической партии. Реликвии. Хоть и вражеские.

Захмелел тогда Виктор Ильич от кальвадоса домашней выделки и легко согласился помочь приятелю с необходимыми бумагами...

Сама по себе эта история, легко тянувшая на яркую сатирическую повесть, как-то не увлекла автора. Жаль. Вы только прикиньте: один внешний рисунок чего стоит. Наш ученый архивариус за месяц кропотливой работы отыскивает следы «революционной деятельности»: забирали Федьку Селифанова в участок не за революционные подвиги. А за дебош в Заречье. Хорошо, нашлись в жандармских протоколах намеки старательных филеров-доглядчиков, что в том же Заречье в одном заброшенном помещении попадались им в руки втоптаные в грязь типографские наборные литеры. Ага, можно присовокупить к Федьке. Пустили дело по инстанции.

На счастье искателям «революционных подвигов», нашелся среди зареченских комсомольских деятелей инструктор по фамилии Селифанов. Этот, недолго размышляя, отнес себя к дальним род-

ственникам незабвенного героя, пусть более всего доказывали его родство тяга к выпивке и к дебошам...

В итоге: дом-то не снесли. Поставили на контроль. Конечно, это дополнительный штрих к характеристике персонажей данной истории: не отдал Логинов архивисту обещанную шпагу, а нацистский значок кто-то из сотрудников архива спер из стола. Крепко подозревал наш герой, что сделал это один из тех, кому он показал вещицу из драгметалла...

Авторская фантазия делает порой совершенно невероятные кульбиты, и сюжетные ходы то вытягиваются в прямые линии, то делают замысловатые зигзаги...

Наш автор выбрал путешествие по дальним странам и весям под покровительством рогатого Аседона-младшего, который легко устраняет с пути тульского Магеллана языковые барьеры, таможенные процедуры, временные границы и моральные ограничения... И великолепно. Фаустиада в ее философско-нравственном или религиозно-мистическом развитии требовала одних приемов и типов, а авантюрный роман в 3-х частях, как заявлено автором, — все таки, если быть строгим и последовательным, несколько иная штука. Пока, в первой его части, мы видели одну «авантюру» — подписание героем договора с Аседоном-младшим, самозабвенное кувырканье архивариуса в кровати со старинной приятельницей Нелли и мстительный кураж над собственным начальством и его дочкой. Ну, сатира, фантазмагория, анекдот. И только. Довольно далеко от романа авантюрного и вообще от всякого романа, затянутая на множество страниц убористого текста история с курсовой работой начинающего архивиста под названием, которое, как говорится, без поллитры и не выговоришь. Однако попробуем: «Онтологические и герменевтические аспекты языковедения в многоязычной среде обитания в соотношении сознательное — бессознательное». Также, как на это ни смотри, выбиваются из романного текста научно-публицистические выкладки о том, на какие-такие языковые сферы выходил вчерашний, выходит сегодняшний и станет выходить завтрашний читатель; явно запоздалые соображения автора о практике художественного перевода в СССР и в современной России, глубокие, тут уж ничего не отнять, размышления о

тенденциях в организации массового изучения иностранных языков... То, что суть работы, хитро замаскированная терминологической эквилибристикой, в расчете на потомственного преподавателя Архивного института Рабиновича, однако (и понятно, почему!) сильно взволновала кагэбешного доцента Громобойцева, замечательно, милейший, великолепно. Но ведь ни потомственный доцент Рабинович, ни кагэбешный Громобойцев в романе, кроме как своими выразительными фамилиями, никак не обозначены. Вот и обильно процитированная в романе курсовая героя — ни к селу, ни к городу. Рогатый Аседон, кажется, вообще ее никак не заметил.

Подобный «романный» провал и в подробном описании книжных сокровищ, которые сумел организовать у себя на холостяцкой квартире наш герой, и как потом запоздало романист ни пытается убедить нас, что устал спорить с Рогатым о неких постулатах, высказанных Гёте или Толстым, Достоевским или Фрейдом, содержимое книжных полок — это одно, а пружина романного действия — совершенно иное.

Слишком велика и «эротическая начинка» авантюрного романа. Поверьте, я вовсе не моралист и не зануда. Но мне трудно поверить в этого ученого и философа, критика и геополитика, когда тот так старательно перебирает в памяти своих подружек, раздумывая, кого же из них взять с собой в путешествие.

Вот хотя бы Светка, Светочка, Светланка с их поцелуями до изнаменования на скамейке в скверике, или не обласканная из-за обоюдной нерешительности и скромности сокурсница по Архивному институту Ида, или свалившаяся, как снег на голову, «отвязанная» по сексуальной части, как сейчас говорят, Вероника. Прочие, прочие, случайные и «законные»...

А, может, попросту, как частенько бывает с нашим братом, увлек автора экскурс в историю сексуальной революции? Историк же! Я только против изложения в таком объеме практической стороны дела, ведь автор с холодностью и обстоятельностью врача-гинеколога представляет механические и физиологические параметры сексуальных партнеров.

И вы хотите уверить меня, что это тоже необходимая часть романа?

Никогда не стану спорить, что автор волен (тем более в авантюрном-то романе!) бросать своего героя в разные века и разные страны, в разные психофизические состояния, но самые смелые геополитические прогнозы, а такой в книге есть, что могло быть с мироустройством, останови Сталин наши войска на границе, когда разгром фашистской Германии стал неминуем, и подпиши с Гитлером перемирие, увы, всего лишь прогнозы. История не знает со- слагательного наклонения. Да и для авантюрного романа это слишком серьезно. Куда веселей и страшней, убедительней и фантазмагоричнее два кульбита океанского лайнера в штормовые дни, устроенные Рогатым. Я имею в виду посещение сексуально-озабоченной парочкой Государства Восходящего Хмеля, некоего Карримардака. Жизнь пивного острова со всеми его установлениями, вплоть до забавных текстов: государственного гимна, подробного изложения местной религии, культа священной Матери буфетчицы и т.п.

Смешно, по-настоящему смешно. Но убежден, что редкий читатель, — разве что самый упертый? — выдержит... опрос, который учинил нашим путешественникам карримардакский чиновник по поводу того, какое пиво, и как, и с чем вприкуску собираются пить.

Роман остается романом. Шикарное пивное меню его не испортит. Только место ли ему в книге?

Вырвались путешественники из объятий Пивных Людей и Матери Буфетчицы — и попали в руки Военных Людей, в суперсекретный Хиндельбраант, весь «оплетенный заборами из колючей проволоки, подвешенной на белых, как зубы молодых негрятенок, изоляторах высокого напряжения».

Авантюрный роман, слава Богу, продолжен. Но и тут не удержусь от замечания. Зачем в текст включены... ноты каримардакских песен и ...схемы некоего французского замка, в апартаментах которого после посещения страны Военных Людей, жили наши любовники. Куда уместнее были бы картинки, изображающие самого Рогатого беса и корабельного бодмана, ставшего собеседником и собутыльником архивиста.

Согласен, с оформлением книг нынче трудно. И мне очень импонирует оформление, которое «изобрел» Алексей Яшин в «Часе

волка», повторив его и в «Живых шахматах» и даже в «Подводной лодке «Капитан Старосельцев». Речь идет о некоем даже самостоятельном житии оформлении в книге, если такое в принципе возможно. Кто-то из яшинских читателей, допускаю, в принципе не приемлет такого приема. Однако он живет! Я имею ввиду прекрасные иллюстрации к «Мертвым душам» Гоголя и другим изданиям второй половины XIX века, тексты к которым, совершенно блестящие, саркастические, сегодняшние по всей своей содержательной сути, да, да, не имеющие порой совершенно никакого отношения к тексту книги, но имеющие прямое отношение к миропониманию автора, к вечным коллизиям жизни, живут в книге. Спасибо уникальной яшинской библиотеке!

Однако вернемся к книге.

Просветительство — важнейшее дело. Только подходящее ли для этого место — авантюрный роман? Да еще в беседах с историком-архивистом, который очень уж увлеченно предается любовным утехам с прелестницей-попутчицей, ошалевшей перед возможностью тратить, тратить и тратить... Ей же невдомек, что немислимые похупные и иные возможности, в том числе и сексуальные, ему обеспечивает искуситель Дьявол.

Право, времени для погружения читателя-собеседника в философские и исторические «темные пятна» или, на его взгляд, слишком поверхностные истолкования иных трудов и судеб, в частности, Яна Гуса, Яна Жижки, Томаса Мора, Томазо Кампанеллы, Маркса и Энгельса, Зиновьева, российских писателей разных времен и взглядов — от Сологуба и Арцыбашева, Гоголя и Достоевского, Соловьева и Зиновьева (уже — философа и писателя — Л. Х.), Верстакова и Бунина, он оставляет нам не слишком много. Да и откуда ему взяться, если нам предлагается между делом перелистать многотомное сочинение Рида «Две тысячи лет Сиона», и тут же автор устремляется в кабинет Сталина и, вертя штурвал машины времени, высказывает одну историческую версию за другой. И поскольку нашему архивисту в силу особенности его профессии могли быть доступны некие необнародованные и секретные документы, вот одна из таких версий. Это вовсе не наши героические разведчики и их агенты выкрали в США атомные секреты, а

наши, отечественные разработки были вывезены из страны и потом с величайшими трудами возвращены...

Еще одна деталь. Уже полсотни с лишним лет «демократическая история» вопит о ненужности рытья канала «Волго-Балт», о бесчисленных утратах, едва ли не кандалном труде — и дружный молчок о том, что именно этим каналом из Сормово с Волги прошли на театр боевых действий на флотах наши знаменитые подлодки «Щуки», которыми командовали Лунин, торпедировавший немецкий линкор — линкор! — «Тирпиц», и Маринеско, пустивший на дно вместе с крейсером «Вильгельмом Густловым» экипажи семидесяти — 70! — подводных лодок врага, то есть целый подводный флот, который мог прикрыть Германию от нашего и британского флотов. А ведь он, Маринеско, торпедировал еще и транспорт «Генерал фон Штойбен», на борту которого был личный состав целой танковой армии!

Как вождь бросает в бой полки и дивизии, писатель-историк бросает в свое сочинение соображения, предположения, факты, гипотезы, обобщения о целях и методах мирового правительства по уничтожению как монархий и империй, так и религий, наиболее серьезных преград на пути к овладению миром. Вульгарные политики-временщики, отдав приоритет классовой борьбе, как основной движущей силе развития общества, отсекали все остальные силы и потоки, относя их в область сакрального, мифологического, оккультизма. Но существуют — и это убедительно показали события ушедшего века, — международные институты, фонды, банки и подчиненная им четвертая власть.

Роман и об этом.

Переиздать бы его, Алексей Афанасьевич, обрезав, как это делает по весне садовник, мешающие дереву сухие ветки!

Ирина Кедрова
(г. Москва)

**...ЕЩЕ РАЗ ОБ
«ИСТОРИКЕ И ЕГО ИСТОРИИ»**

Постоянный автор нашего журнала Ирина Николаевна Кедрова преподает этикет и москвоведение в Московском государственном педагогическом университете. Профессор, доктор педагогических наук, кандидат исторических наук. Профессионально занимается литературной работой: прозаик, драматург, литературовед. Член Союза писателей России, академик Академии российской литературы, входит в редакционный совет альманаха (журнала) «Московский Парнас», член одноименного Творческого клуба. Редколлегия «Приокских зорь», публикуя материал Ирины Кедровой (ранее рецензии на роман печатались в «ПЗ», «Тульском литераторе» и других изданиях), имеет в виду тот интерес, который читатели проявили к «Историк и его История». Отметим, что за этот роман его автор был отмечен литературными премиями им. Л. Н. Толстого (2005) и им. Валентина Пикуля (2007).*

Сюжет романа, на первый взгляд, стар, и к нему не однажды обращалась всемирная литература. Древность сюжета подчеркивается и избранным стилем, и трехчастным построением романа, и неспешным раскручиванием действия, с дополнениями, воспоминаниями, отступлениями, обращениями автора к читателю.

Витиеватый слог, подаренный нам девятнадцатым веком, на-

* Яшин А. А. Историк и его История: Авантюрный роман в 3-х частях.— Тула: «Гриф и К», 2004.— 481 с.

полнил роман сочной окраской таких слов и словосочетаний, как: «почитай», «полагал», «добрейший профессор», «личность неординарная», «почивший с миром», «напасть приключилась», «не будем ему докучать». Как небольшие фрагменты прошлого слога, они разбросаны по всему тексту, и вносят в него аромат забытого письма и прочных мыслей. Да и герой романа — человек благородного происхождения. Его бабушка помнила «еще с конца прошлого века французский язык», дедушка служил гвардейским офицером, был дворянином с порядочной родословной.

Старый сюжет, однако, раскрывается он с опорой на современность, можно даже сказать — по-яшински. В чем же особенность этого раскрытия? Что нового внес автор в поиски и метания современного, к тому же — российского, Фауста?

Герой — Виктор Ильич — помещен в жизненные условия, в которых и мы с вами, дорогой читатель, жили лет двадцать назад. Оттого он близок нам, по нему мы сверяем память прожитых лет и правоту своих мыслей, ощущений, взглядов.

Примечательно его имя. Виктор — победитель. Ильич... Сразу вспоминается «наш Ильич», перевернувший страну, и другой «Ильич», создавший общество «тихого застоя» и «незаметного для большей части населения диссидентства». Впрочем, об отчестве А. А. Яшин пишет тщательно и заключает: «Ильичи — все сплошь люди странные».

Постепенно раскрывается сущность Виктора Ильича. Читатель узнает, что он — «личность неординарная». В детстве занимался многочисленных секциях и кружках, окончил французскую школу, обучался музыке, получил хорошее образование в столичном «редкостном институте архивного дела». Был недолго женат и отличался «женолюбием». Курил «Беломор» — «из соображений чисто патриотических». Работу «в богатом материалами облархиве», хоть и проклинал ежечасно, но находил «по душе». Слегка диссидентствовал «и в морали, и в политике, и в далековатой от его души религии». Любил «проехаться по знаменитейшим букинистическим магазинам». Словом, нам открывается образ советского интеллигента, каких немало жило в описываемые времена, и все же не так много, чтобы они определяли общее течение жизни.

Чем занимался Виктор Ильич? Профессионал-архивист, «историк по призванию», человек много знающий, тщательный в работе. Однако, не бегающий от участия в сомнительных «операциях»: помог сохранить практичному и деятельному приятелю старый деревянный дом, не гнушаясь подтасовкой данных, заключенных в архивных документах. Нам что? Пусть дом стоит на радость хитрого предпринимателя. Но приведенный факт свидетельствует о том, что небезгрешен наш герой. К тому же объясняет, почему Аседон Младший, искуситель-агент 3-го ранга, предложил ему сомнительную мефистофеле-фаустовскую игру, даже при том, что тот к Фаусту относился скептически, полагая его скудоумным продавцом собственной немецкой души.

Впрочем, в жизни Виктора Ильича нашлись и другие ситуации, когда его слово и дело, убеждение и действия расходились. Еще в студенческие годы этот выходец из интеллигентной семьи доказывал первыми научными изысканиями (в курсовой работе) «полную ненужность и даже прямой экономический вред от изучения иностранных языков в СССР». Впоследствии же именно знание французского языка помогло ему не затеряться в мире, в котором он оказался благодаря судьбе и Аседону Младшему.

Раскрывая содержание той курсовой работы, автор, прекрасный умелец саркастического слова, объяснил читателю: «Иностранный язык не нужен, ибо общение с иностранцами сведено к минимуму. Крайне малое число иностранцев находится в стране», невелик «поток выезжающих в другие страны», в кино — «квалифицированный перевод или санкционированная недоступность, газетно-журнальная продукция на иностранных языках крайне ограничена», художественная литература «обеспечивается высококлассными переводами». Словом, все хорошо, и иностранные языки советскому гражданину вовсе не нужны. Пусть другие народы учатся говорить на языке Свехдержавы. Разве мы с вами не жили в таких условиях? Разве иностранный язык не преподавался в обычной школе таким образом, что выходили из нее «знатоки», способные, в лучшем случае, коряво произнести «*I am*». И лишь «избранные» изучали языки в спецшколах и спецвузах.

Сарказм, присущий перу автора, постоянно перемежается бо-

лю — за Отечество, за русский народ, за людей, оказавшихся в абсурдных жизненных обстоятельствах. Прочтите, например:

«Но наш народ — не узкий специалист, как натовский диверсант; природная сметка да добротное образование, щедро отпускаемое Советской властью, позволят найти выход из самой тупиковой ситуации».

«Видать, до полной победы мирового коммунизма дожить хотят!»

«А вскоре и слава пришла сравнительно еще молодому профессору: именно сводному духовому оркестру военно-музыкального факультета Т-го университета выпала высокая честь представлять страну на ежегодном шоу военных музыкантов развивающихся стран на острове Фиджи, где съели капитана Кука, и где питомцы экс-подполковника заняли почетное 38-ое место».

«Иначе мы до второго пришествия коммунизма, которое непременно наступит, не сумеем дописать это повествование».

К характеристике своего героя писатель обращается снова и снова. Виктор Ильич, как сто лет назад Раскольников, мучился вопросом: он — личность или нет? Слабая или сильная? Свободная или нет? Известно, что случилось с Раскольниковым, возмнившим себя человеком свободным от нравственных законов. Виктор Ильич про себя решил, что он — личность, достоинство которой — организованный интеллект, свобода и воля. Аседон Младший, критически настроенный, в сомнении задает вопросы, которые и мы бы с вами задали нашему герою: «Но куда делся он, твой организованный интеллект в те три дня безобразной, разнузданной оргии обжорства и мщения?», «Хороша же твоя свобода и воля, если достигается она унижением пусть и мерзавцев, но ведь людей!».

Связь с Ф. М. Достоевским, пусть и не выставленная на первый план, прослеживается. В начале романа эта связь проявляется в размышлениях героя о силе, свободе и воле. В конце повествования автор посвящает Достоевскому и его творчеству несколько страниц и делает это намеренно. В чем суть такого сближения двух писателей? В том ли, что связаться с бесовской силой может лишь сумасшедший? В том ли, что выжить в условиях, в которых живет и Виктор Ильич, и все мы, может только тот, кто в той или иной мере связан с героями душевно неспокойного писателя? Об

этом раздумывает Виктор Ильич: «ни разу не довелось ему встречать откровенного хама, пройдоху, жулика с нарушенной психикой. Именно и наоборот, все они, как правило без исключения, были отменно душевно здоровы, оптимистичны, жизнелюбивы. Наоборот, всякий вежливый, добродетельный, чувствительный человек нередко оказывался, что называется, «со сдвигом». А может, дело в том, что человек, взявшийся за писательское перо, уже не может считать себя полновесно нормальным, поскольку и берется писать увиденное особым — нестандартным — глазом, при особом душевном состоянии, причем не столь важно, сам он это понимает или нет.

Алексей Яшин — писатель прочный, серьезный, разноплановый. Молодые и ретивые словотворцы, несомненно, найдут в его книге «писательскую науку», ибо «...самое трудное, сложное и долгообучаемое в ремесле (в высоком понятии этого слова!) художника — умение рисовать, то есть реалистически отображать живой и неживой мир, но не «фотографируя», а преломляя его через свое субъективное восприятие этого самого мира». С юмором, в котором уложена истина, размышляет он о писателях, деля их на две категории — добрый и мудрый. У первого часто мудрости не хватает, а второй «неприменно злой как сто чертей». «Нет у нас, к сожалению, писателей одновременно добрых, мудрых, ироничных...» Разумеется, это не так. Назовем К. Г. Паустовского, Ч. Т. Айтматова, А. Т. Твардовского, Ю. В. Трифонова. Есть добрые, умные и ироничные писатели, и все же таких, оказывается, имеющих все три предложенных автором качества, крайне мало. Есть чему озаботиться нашим мастерам слова.

Алексей Яшин — человек, познавший радости и тяготы писательского труда, — предупреждает желающих легко пройти по пути создания литературного текста: сделать это невозможно. Виктор Ильич «жадно, словно готовясь к этому долгие годы и десятилетия, испытывая творческий подъем, отдался написанию шестисотстраничного труда. Он не заметил весну, из летних дней запомнилось только третье июня...» Его ожидал «изнурительный, но приносящий усталую радость труд».

Готов ли современный писатель к такому труду, к отрыву от жизненных радостей, к уединению? Готов ли он жизнь подчинить

тому, чтобы появилась на свет книга, которую могут не заметить, на которую могут не отозваться, а могут и растерзать в угоду чьим-то настроениям? Чтобы писать, нужна страсть к слову, проявленному на листе бумаги. И умение. И чувство этого самого слова. И хорошее знание языка, на котором пишешь.

Искрометность слова у автора сей книги неиссякаема. Насладитесь сочным русским языком, читая: «мелькнул интерес», «приятно напуганный», «многоликое чудо», «кот имеет ту породу, которую пожелает хозяин», «Много чего везут, ума только не привозят...», «ждуешь экзотики, а повсюду мировой бред!», «Радость пришла на Землю». На страницах книги появляется чудный афористичный лозунг, способный стать жизненным принципом: «Кирнарского кота не трожь!».

Увлекательный рассказчик Яшин работает в жанре авантюрного романа. Он сразу «окунает» читателя в интерес. Ночь, герой философствует, в его размышления неожиданно проникает некто невидимый. «Не черт ли?», — задаешься вопросом. И скорая развязка, — ну, конечно, он, кто еще может быть в авантюрном романе? Однако, интересно: что же такого особенного придумает автор? Ах, договор красной шариковой ручкой? Ах, месть надоевшему директору архива? Да еще поддержка жизненно-семейного тона любви? Мелковато, сударь. Но читаешь, читаешь и понимаешь, что это лишь начало, это лишь закуска, и процесс ее брожения разворачивается на твоих глазах.

Виктор Ильич, оставивший мстительно-спасительные операции, направленные на обидчиков и лиц приятельского окружения, занялся собой. Незаметное для сотрудников самоустранение с работы, расширение собственной научной библиотеки, решение бытовых вопросов, — все направлено на то, чтобы освободиться для настоящей мыслительной деятельности.

Между строк размышляющий читатель найдет направление собственной деятельности — разгадай, узнай, вспомни. Что это за песня о бедном студенте? Да это же «Песенка студента» Д. Тухманова, написанная на слова Л. Гинзбурга, сделавшего перевод «Из вагантов». Песня эта была очень популярна во второй половине 70-х годов.

А кто такой Лоренс Стерн? Так это английский писатель XVIII века, любимец высшего света Лондона, покори́вший читателей романом, наполненным оригинальной ученостью, а затем описавший, после собственного путешествия, любовные похождения путешественника. Открывается связь Лоренса Стерна с А. А. Яшиным, поскольку в оформительской части книги мы уже узнали, что автор — выдающийся ученый, получивший Государственную научную стипендию и направивший ее на издание этой книги. Вспоминая фаустовский сюжет, и проводя параллель с путешествующим Стерном, читатель догадывается: в книге непременно будет путешествие.

Кстати, нельзя не отметить, что издание книги такое, о котором могут мечтать серьезные писатели — в твердом переплете, на бумаге хорошего качества, с иллюстрациями, которыми автор, сам их отобравший, усиливает впечатление от прочитанного. Переплет книги украшен изящным, золотом вычерченным, мечом, напоминающим острое писательское перо. Изящная линия, словно нить истории или струна арфы — символа звучащего в музыке слова. И кот, конечно, кирнарский, гуляющий сам по себе, однако четко знающий, что ему нужно. Этот кот, как мы узнаем, гуляет в душе Виктора Ильича, и это дает нам дополнительную окраску сущности героя, с которым, к моменту данного сообщения, мы уже сдружились, и смело идем по пути его приключений.

Мы уже упомянули, что Алексей Яшин — ученый. Но он еще человек, страстно болеющий за науку и образование. Потому в его книгу органично вставлены размышления о том, что происходит сейчас, спустя тридцать лет после описываемых событий в российском высшем образовании. Многие работники высшей школы с горечью подтвердят опасения писателя: происходит ее ликвидация. Институты, знаменитые своими естественнонаучными и физкультурными кафедрами (опять не удержался автор от горького сарказма) «переведут в разряд «классических» университетов, все инженерные факультеты позакрывают, а вместо инженеров начнут готовить филологов, переводчиков для тихих оккупантов, визажистов и прочую службу для «новых русских» и американских консултантов по экономическому росту страны».

Предостерегает мудрый писатель, яростным пером сопротивля-

ется тому, что происходит в стране. И мне приходит на ум: педагогические институты, копившие многие годы педагогическую мудрость, выработавшие механизм воспитания творческого и знающего школьного учителя, сегодня становятся «классическими» университетами, избавляются от педагогической направленности, берут на вооружение западноевропейский бакалавриат с магистратурой, бездумно отбрасывая достижения собственного высшего педагогического образования.

Ученый не может спокойно обойти тему образования и познания. Гимн познанию раздается со страниц произведения, целиком посвященного, несмотря на авантюристичность и нереальность сюжета, правде жизни, философскому взгляду на нее. Какое это наслаждение — глубокое интеллектуальное познание, «где труд ума есть отдых и нирвана души, истинное, привольное гурманство разума». Такого труда требует автор от читателя, и тому приходится постоянно думать, чтобы понять логику размышлений писателя, манеру и ритм беседы, суть описываемых событий. Автор беседует с читателем, ни на минуту не отрываясь от этого увлекательного занятия. Даже в тот момент, когда описывает, казалось бы, никакого отношения к читателю не имеющие события жизни Виктора Ильича. Все, что сказано в романе, направлено к нам — молчаливым участникам беседы. Для этой беседы Яшин избрал стиль рассказчика, который сидит рядом с читателем и сообщает ему среди фантастических сведений сведения реальные. И те, и другие направлены на одну цель — заставить нас рассуждать, прогнозировать последствия собственных поступков

Сообщает он о том, как расправились с Луной — вечной спутницей Земли. Люди радовались и восхищались, и лишь выживший из ума стотрехлетний дед задал вопрос, который и мы с вами задали бы: «Что им сделала Луна?» Смешно? Или ужас охватывает при мысли, что человечество способно само себя уничтожить? И хорошо, если оно это совершит через тысячу лет. А если сейчас? Погибнут твои дети, только что вступившие во взрослую жизнь, погибнут внуки, только пришедшие в жизнь. Погибнут те, кого ты любишь, о ком всегда волнуешься, за кого боишься. Все-все может исчезнуть во имя грандиозных необдуманных замыслов, из-за стремления доказать величие человека. Дорогая цена!

Алексей Яшин — историк. Через своего героя он предлагает нам собственный взгляд на историю человечества. Возможно, не во всем этот взгляд подкреплен фактами, однако, художник сказал, и дело человека, страждущего знаний, — докопаться до истины. Например, действительно ли Петербург в начале XIX века был переименован в Петроград?

Любой историк скажет: история не имеет сослагательного наклонения. Произошло то, что произошло. Была Великая Отечественная война и была вторая мировая война. В этих войнах образовались союзники и враги. Известны сроки окончания обеих войн. Но зададимся вопросом, что могло бы произойти, если бы Сталин пошел в 43-м году на подписание мирного договора с Германией? Тогда война окончилась бы раньше, с меньшими потерями, с другими реалиями на сегодняшний день. Да, этого не произошло. Такова история. Но думать, предполагать, учиться на прошлых ошибках во имя недопущения их в будущем — разве нельзя? Тем и отличается роман, авантюрный роман, от строгого, опирающегося только на фиксированные факты, сообщения исторического события. Разве не задача художника слова — расширить рамки реалей, взглянуть в глубину процесса с разных — возможных и невозможных — сторон?

Как историк он раскрывает свой взгляд на исторические вехи, ставившие Россию на очередной путь. Он ищет то время, в которое можно повернуть страну на иной путь. Зачем? Да из желания изменить настоящее к лучшему. Просматривает Смутное время, XVII и XVIII века, правление Екатерины Великой, а затем императоров XIX века. Он размышляет о необходимости и последствиях освобождения крестьян, опираясь, очевидно, на размышления историка XIX века М. П. Погодина. Показывает критическое отношение к деятельности Александра II — Освободителя. И здесь, мне думается, перекликается со взглядами некоторых современных историков... Вызывает у нас интерес к деятельности Александра III, и старается доказать, что такой интерес обоснован.

Алексей Яшин предупреждает: человечество играет, и играет в опасные игры, «человек всегда ищет цацку, которую можно поломать, когда в голове пустеет, а силищу нажрал невероятную: нет

бы себе самому голову отвернуть или ногу в камнедробильную машину вставить!? Так ведь жалко себя, боязно, а цацку? — Круши ее, ребята! Я с ней больше не играю, вырос, баста! Другим? — Не моя забота».

К игре человечества, к угрозе уничтожения либо к созданию военизированного общества, истребляющего своих членов за малейшую ошибку, писатель постоянно возвращается. В описании событий, происходивших с героем в Карримардаке, есть много опасного. Военизированное государство с демагогическими вывертами, с низким уровнем обслуживания — питание, бытовые условия, медицина, с непрекращающейся слезжкой, в которой участвуют те, кому положено, и те, о которых не догадаешься. Да и работа, отнюдь не творческая, превращает человека в тупой винтик машины, которая действует под управлением властителей. Внешне же — все спокойно, чудесно, с улыбочками, всеобщей радостью и достижениями — мифическими. Вырваться из этого государства невозможно, пропасть в нем — запросто. Даже вырвавшись, не получаешь гарантии спасения жизни. Знакомо? Нет ли у нас опасности оказаться в подобном государстве?

Страх, который появляется у читателя, читающего авантюрный роман, быстро проходит, поскольку события мчатся с огромной скоростью. От одного общества к другому, кажущемуся иным, но, по сути, с той же военизированной организацией. Из Карримардака да в Хиндельбраант. Поневоле вспомнишь слова из Божественного писания: «отнимается от вас царство Божие...» И наконец-то, как спасение, как осуществление мечты и свободы — благостный замок во Франции. Не Париж — с его развратом, гомосеками, хитрецами и пронырами. Где «все — от младших школьников до 90-летних инвалидов труда и революций, — обязаны неписанным законом до изнеможения предаваться любовным утехам».

Это что? Автор зол на Париж, который Хемингуэй назвал праздником — «Праздник, который всегда с тобой»? Про который известный режиссер А. А. Прошкин сказал — «Увидеть Париж и умереть»? Да нет. Опять надо докопаться до истинного смысла, который содержится, для особо непонятливых, в небольшой фразе: «у них каждый день — день качества и вежливого общения».

Однако, вернемся к нашему герою, которому Париж надоел еще в начале путешествия, и потому Аседон Младший отправил его в тихий средневековый замок Орсе де Монтан, в котором имеется возможность спокойной, красивой без нужды жизни. Любить свою супругу, приобретенную в начале путешествия, иметь умную и очаровательную любовницу, русскую по происхождению, завести милого ангелочка — собственную дочку, оказывать влияние на окружающих жителей, но главное — вести научные изыскания историко-философского порядка. Даже машина времени оказалась в услуге у Виктора Ильича. Однако, по русской привычке во все влезать, все портить и всех подводить, тот умудрился так повести свои изыскания, что Аседону Младшему пришлось на долгое время отбыть в наказание в неизвестном направлении, оставив своего подопечного в относительной свободе, но не оставив его, тем не менее, без своих материально-бытовых забот.

Аседон Младший — натура демоническая, многое способен сделать. Но и у него есть свои ограничения. Деньгами снабдить, машину предложить, дамочек по вызову устроить и мужскую силу укрепить, замок обставить — это легко. Даже машину времени предоставить. «...Жратву, баб и прочее — пожалуйста, но только все чтобы было наше — земное, а эти чудаки-инопланетяне — не его компетенция, эти проходят по восьмому ведомству семнадцатой небесной канцелярии, которым заведует Ассахарит — его классовый враг». У них там, у чертей, оказывается, своя иерархия, свой порядок, и у каждого из них — свои возможности. Как у людей. Оттого пришлось Виктору Ильичу помыкаться в дальнем странствии, побояться-поволноваться.

Справедливость требует отметить, что наш герой поначалу не очень-то доверял нечистой силе и даже «тянулся» от дьявола с его всевозможностями в нормальную жизнь. Без дьявольской помощи зашел в салон-парикмахерскую и постригся, без нее же «решил полностью проделать путь, претерпевая обычные для путешественника невзгоды, томления и случайные радости дороги...» Удивительно наивный человек: дьявол просто не отпустит, да и сложно жить без него, вкусив от него же превеликие радости материального порядка. Виктор Ильич это быстро понял и стал с Аседоном

Младшим сотрудничать, изредка выражая ему неудовольствие. Впрочем, Аседон Младший поводов для того почти не давал.

Алексей Яшин — философ, размышляющий о жизни, обществе, государстве, власти. Он подмечает незначительные детали. Обращает внимание на значимые явления, но, по вполне объяснимым причинам, не вызывающие в обществе потребности серьезного изучения и обсуждения. О малой компетентности власти, например, «точнее ее носителей» рассуждает Виктор Ильич, удивляясь, «как это они эту власть берут и держат, будучи дремучими невеждами в самых обыденных вещах». Об уверенности каждого властвующего в том, что он достоин бальзамирования. «Всем хочется фараоном стать!» И где нам набраться кремлевских стен, мавзолеев и, на худой конец, египетских пирамид?

«Время гениев проходит,— характеризует он современность словами Сталина,— наступает время подлецов». Однако, слышится со страниц книги голос автора, не согласного с этой позицией. Помилуйте, это было всегда! Во все времена боролись добро и зло, порядочность и безнравственность, талант и бездарность. Кто побеждал? По-разному было. Но даже если погибали добро, порядочность, талант — они возрождались, поскольку именно на них человечество держится!

Не успокаивается Яшин-сатирик. Ему надо на все обратить внимание, указать возможные пути обывателю, подчас не желающему осознавать, что есть общество, каким оно может стать, что может дать человеку и что отобрать, если тот будет пребывать в эйфории собственной значимости и богатства.

Недаром его герой, занимаясь серьезными исследованиями, внезапно осознает, «что Отечество находится близко-близко к пропасти, такой глубокой и мрачной, каковая еще ни разу в бурной 1000-летней истории страны ей не угрожала. А угрожает она уничтожением страны, физическим уничтожением большей части народа и дебилизацией оставшейся.— Той, которой милостиво позволят остаться на этом свете на положении рабов». Пугает нас Яшин, а нам не страшно, мы-то знаем, нам твердят о том, что к середине XXI века русский человек станет определять духовную жизнь мира. Здорово! Ни культуру развивать, ни улучшать поло-

жение народа, ни ставить в школы компьютеры, ни создавать условия, чтобы эти «думающие» и расширяющие мир общения и знания машины шли в широкие народные массы, ничего не делать. Само придет, и будем мы определять развитие человечества!

На сегодняшний день в России смертность превышает рождаемость. Процесс этот пока не остановим. Каким будет население страны к середине этого века? Кто будет духовным лидером человечества?

Яшин-юморист подмечает веселые жизненные сценки, утверждая, что и там, где, казалось бы, не до смеха, есть возможность для улыбки и веселья. Чего стоит хотя бы ситуация в аптеке, когда геолог покупает в огромном количестве «изделие номер два» и объясняет стоящим в очереди, что это ему нужно для работы? Писатель дает нам немного отдохнуть от сложности восприятия раскрываемого им мира.

Обратимся теперь к изысканиям нашего героя, с помощью которого писатель сказал и то, о чем сам думает, и то, о чем думают другие. Мы можем спорить, осуждать, не соглашаться, возмущаться. Или принять точку зрения Виктора Ильича. Главное — мы будем думать! Мне представляются спорными рассуждения о роли Сталина, о его христианской миссии, о воплощении в СССР христианской идеи, о возможности выхода из войны в 1943 году, о союзниках и врагах СССР, о Крыме, тайных сообществах, об инквизиторском пути развития «через позор и ничтожество». Но, как убеждает меня автор, это вопросы, ждущие подробного исследования, открытого обсуждения. Они должны быть заявлены, и Яшин не умолчал, а так своеобразно и основательно приступил к делу.

Затворник замка Орсе де Монтан связал в единое социализм и христианство. Допустимо ли такое объединение? В стране, которая пошла по пути социализма, уничтожались православные храмы и православная религия. Однако, человечество давно определило моральные требования к собственному выживанию и вставило их в христианские законы и проповеди. Да и христианство не из воздуха образовалось, его корни в более ранней философии. Все когда-то сказала человечество. Как только сказанное преломляется в разные эпохи?

Масонское тайное сообщество, додумался наш герой, — слуги Антихриста, однако именно слуга Антихриста Аседон Младший помогает Виктору Ильичу, который, как понимаем, сам негативно относится к силам зла и пытается от них уберечь Отечество. Конечно, в мире все переплетается, и все сложно. Надо бы привести эти сложности в систему, показать логику, понятную читателю.

Некий разрыв происходит при восприятии описания двух государств: подробнейшего описания событий в Карримардаке и краткого описания того, что видели путешественники в Хиндельбраанте. Создается впечатление, что автор устал и позволил себе отдохнуть от сотворения текста.

Непонятно, почему надо долго рассказывать о колебаниях струны, превращая фрагмент художественного произведения в научный доклад.

Почему «опереточное переименование столицы в Петроград пошло на пользу государственным устремлениям повзрослевшего Александра Павловича»? Есть и другие замечания исторического характера...

Виктор Ильич в начале романа был «далековат» от религии, потому легко связался с Аседоном Младшим. В ходе глубоких размышлений пришел к христианству. Он не стал ярким сторонником православия, однако понял, что оно и Антихрист — субстанции несовместные. Более того, он убежден: Антихрист несет человечеству беду. И все же продолжает пользоваться его услугами, благодаря которым стал профессором Сорбонны. Впрочем, об этом автор говорит как о сне, однако в каждом сне есть доля истины. Так перефразируем мы известную поговорку.

Научные изыскания Виктора Ильича шли в потоке будничной жизни, в которой значительное место отводилось отношениям с женщинами. Как же он к ним относился? Разумеется, по-мужски. Была жена на недолгое время. Была любовница, прибегавшая к нему в свободное от мужа время. Как человек благодарный он «отплатил» ей с помощью Аседона Младшего и исчез из ее круга. Ему нужна была милая, красивая, приятная, в меру умная, то есть без излишества того качества, которое смущает мужчину в женщине. К счастью, такая особа нашлась и пустилась с ним в удивитель-

тельные приключения, не задумываясь, оставив родных и друзей. Со временем превратилась в обычную капризную супругу и в мать, наверное, не слишком обеспокоенную. Жизнь Леночки по воле мужа разнообразна, но скучна в плане ее личного участия. Главная ее задача — улаживание Виктора Ильича, а когда ее утехи наскучили, тот глянул на умную и деятельную Наташу. «Его любили две прекрасные женщины». Обычный амбициозный мужчина удовлетворяется такой прекрасностью. Имеет право.

Читательницы получают указание к действию: будь такой как Леночка и станешь госпожой средневекового замка. Неизвестно, правда, куда потом денешься, когда супруг задумает вернуться на родину, «служить Отечеству». Можешь стать такой, как Наташа, но здесь-таки ум нужен, изворотливость, понимание мужчины. Здесь постоянно просчитывать надо: когда сдаваться, когда нет, когда и как поддерживать «вторую половину» возлюбленного, чтобы своего не упустить. Здесь руководствуются непреложным правилом: «любимому надо льстить».

Впрочем, подобных любовных историй в литературе огромное количество. Здесь они как отвлечение читателя на какое-то время от серьезности вскрываемых проблем, как дополнительная характеристика главного персонажа, благодаря которой читатель решит: верить ли научным изысканиям «болтающегося по бабам» исследователя, либо примет его за своего, нормального мужика, пусть он даже с чертом связался.

Кстати, а что с Аседоном Младшим? Так и пропадает в командировке, в которую его послали из-за слишком деятельного Виктора Ильича?

Прочитанная книга лежит на столе. Большой труд думающего человека. Писателя. И читателя. В этой книге отмечено: «Восемь процентов людей мыслят самостоятельно и являются, так сказать, двигателями прогресса, а проще говоря — только эти самые проценты могут и хотят думать, двигать, работать. На них и держится любая нация, этнос, страна, государство». Войдем же, читатель, в состав группы мыслителей-деятели. Начнем свой путь от прочтения этой книги и размышления над всем, что открыл нам ее автор. В добрый путь!

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ*

(Ответное письмо, переросшее в размышления...)

Уважаемая Ирина Николаевна!

(Извините, мне удобнее писать от «третьего лица»)

Как когда-то пели: «Привыкли руки с топорам...» Это к тому, что состою сейчас в пяти диссертационных советах: в трех в нашем университете, в Сургутском университете и в Белокаменной, во ВНИИ медицинской и испытательной техники. То есть за год даже у себя (в Москву и Сургут не езжу — потеря времени) бываю где-то на двух-трех десятках защит. Да и своих ежегодно защищаю три-четыре кандидата и доктора технических, биологических и даже порой медицинских наук. И пришел к вполне объективному, то есть логически непротиворечивому выводу: уже полтора десятка лет как в стране нет уже никакой науки, а есть ее профанация. Это как в романе «Сны...» нет, «Записки о кошачьем городе» Лао Шэ, классика китайской литературы 30—60-х годов, кстати, убитого хунвейбинами во время «Культурной революции». Он с иронией описывает образование в гоминьдановском Китае эпохи «китайских милитаристов» (30-е годы); цитирую по памяти, потому без кавычек и аутентичности текста: аттестат зрелости получает школьник, умеющий написать иероглиф «великий», а диплом о высшем образовании — два иероглифа: «великий правитель». В общем, в этом роде... Не мне Вам, как профессору, говорить об этом.

А задача преамбулы — сообщить Вам, что «отзыв на отзыв» пишу, сидя на защите очередных и сразу трех диссертаций, в том числе одной моей аспирантки (к.б.н.) и S тоже аспирантки (к.м.н.). Это и есть сейчас у меня свободное время, поскольку уже третий месяц, увлекшись, пишу новый, большой роман с условным пока, рабочим названием «Любовь новоюрского периода». С перерывом только на подготовку очередных номеров «Приокских

* Авторский комментарий на очерк Ирины Кедровой «...Еще раз об «Историке и его Истории» («Приокские зори», № 2, 2009).

зорь». Даже второй том сугубо научного трактата «Феноменология ноосферы» отложил, хотя и договор с московским издательством подписан. А сейчас подошел к третьей, заключительной части «Любви...» и понял: «перевожу» в беллетристику ту же «Ноосферу», особенно в части виртуальной реальности, в которой мы, грешные и безгрешные, уже де-факто живем. И вчерашнее избрание-назначение Тайным мировым правительством президента США, то есть исполнительного руководителя всего мира — темнокожего — это торжество базового феномена ноосферы, феномена виртуальности.

...И написанное выше — это не к слову, а имеет самое прямое отношение к «Историку». Ибо этот роман может рассматриваться как пробный камень (скорее — шар), попытка художественными средствами представить явление *предтечи* действующей ныне истории, понимаемой как отображение на социальном, экономическом, этическом и пр. уровне (не уровнях, ибо рассматривается симбиоз) эволюции человечества, а более обобщенно — эволюции живой материи на планете Земля. А нынешний этап этой эволюции суть знаменательный: переход биосферы в ноосферу, о чем аргументированно известил человечество еще в 20-х годах прошлого века великий русский и советский ученый В. И. Вернадский. В наше время его учение развивает выдающийся ученый, академик В. П. Казначеев; свою лепту вносит и Ваш покорный слуга, в научном плане поддерживаемый В. П. Казначеевым.

И вот здесь-то, в данном аспекте, и начинаются чудеса в решете: явление нам нового человека ноосферного и общества ноосферного (*homo noospheres, sociale noospheres*) с самого проявления их ростков, относящееся к концу XVIII века, организовано замалчивается теми сакральными силами мировой самоорганизованности, которые мы сейчас уже уверенно называем Тайным — пока, но уже в ближайшие 10...15 лет этот покров будет не нужен — мировым правительством.

Это и есть своего рода надфабульный стержень всего романа. Все остальное — «авантюжность», путешествия, демонические силы, трактат Виктора Ильича, главного героя романа, его же любовный антураж — это, конечно, тот необходимый набор, который перево-

дит сухую теорию в качество литературно-художественного произведения. «Теория, мой друг, суха, но вечно зеленеет древо жизни», — поучает Мефистофель Фауста и дальше учит любовной науке...

Как нам представляется, из тех нескольких отзывов на «Историка и его Историю», что появились в печати — газета «Тульский литератор», журнал «Приокские зори» — после выхода романа, обстоятельный анализ, выполненный профессором, профессиональной писательницей и драматургом Ириной Кедровой, наиболее близок к истине, если в данном, конкретном значении под истиной подразумевать ту степень корреляции содержания произведения и его оценки, что позволяет автору, литературному критику и, разумеется, читателю говорить на одном понятийном, художественно осознанном языке. Здесь нам на века пример оценки, то есть высшего «класса» критики, Виссарионом Белинским творчества Александра Сергеевича Пушкина. Именно *творчества*, а не отдельных его произведений. Ибо истинный писатель всю свою жизнь пишет одну книгу.

* * *

Автор не хочет сказать, что предыдущие «отзовисты», в смысле, конечно, рецензенты, не читали пухлого и многословного романа, но именно Ирина Николаевна прочла его так, как и положено читать читателю, извиняюсь за тавтологию... И явные следы того читательского интереса, что и есть базис для последующего литературоведческого, критического анализа в отношении идеи, фабулы, сюжета и собственно художественного воплощения.

Несказанно радуется всякого автора, когда при чтении отзыва на свое детище в форме художественного слова он видит: его игриво запрятанное в тексте фигуры умолчания тотчас опознаны и правильно названы. Самое существенное, что автор как раз этого и добивался. Такая вот игра в простительный гедонизм.

Вот, к примеру, взял автор за образец нарочитой «сюжетной запутанности» оригинальную манеру Лоренса Стерна, особенно имея в виду знаменитый роман английского писателя XVIII века «Жизнь и мнения Тристрама Шенди», а он — о том же говорится

и в отзыве. И правильно Ирина Николаевна пишет, что во многом читателя заинтриговывает не только смысловое, художественное содержание, но и эта своеобразная сюжетная чехарда — так ее можно на первый взгляд назвать. Но ведь это и есть следование литературной новации Лоренса Стерна. В конце концов, все мы, пишущие, редко что изобретаем свое, оригинальное — это слишком большая редкость. Или большая удача и находка. Почти все, как и в других отраслях творчества человечества, уже изобретено за века и тысячелетия цивилизации и культуры. Вот понравился автору прием Лоренса Стерна, он его и использовал в полной мере. А может, и гены «сработали», ибо автор по материнской линии из иностранцев.

Напомним не читавшим «Тристрама Шенди»: первую треть толстой книги занимают «воспоминания» главного героя о том, как его зачинали. А к завершению романа эти воспоминания так и не выходят за раннее детство. Все это перемежено экскурсами в историю, политику и вообще куда угодно, то есть в мнения автора, подменяющего собой героя. Но в том и величие такого приема, что в итоге у читателя в голове остается абсолютно целостное впечатление об идее и обобщенном художественном образе «героя» романа.

А теперь все становится на свои места: главный герой «Историка» — это Тристрам Шенди нашего времени. Хотя бы и тридцатилетней давности. А раз так, то отпадает большая часть, почти все вопросы по сюжету. Понятным становятся и морские путешествия главного героя и сопровождающих его лиц, и, главное, экскурсии в мировую историю и многое другое.

Но не только великолепный юморист в серьезных делах Лоренс Стерн направляет перо автора «Историка». Отдает он дань и столь популярному в последние десять лет в отечественной и — в особенности — в западной литературе, художественной и художественно-публицистической, приему, который можно назвать «а если бы в истории было вот так» — прием нарочито антиисторический, ибо в реальности история не имеет обратного хода... или сослагательного наклонения. Кому как нравится. Но ведь мы-то уже живем в эпоху виртуальной реальности, то есть в зеркальном мире

«Алисы...» в стране — а теперь не в какой-то надуманной, искусственной зазеркальной стране, но в стране и вообще в мире, где историю творят уже конкретные люди, пока нами не знаемые.

И это прекрасно понимает автор отзыва, хотя в целом не приемлет смоделированное Виктором Ильичев завершение в 1943 году Мировой войны на Восточном фронте. Но ведь автор «Историка» не очень-то отстаивает свою точку зрения. Для него главное — показать все нарастающую виртуальность нашего мира.

* * *

...Далее в настоящей записке следует почти двусмысленный перерыв; пусть уж Ирина Николаевна великодушно извинит автора, ибо дописывание «Любви новоюрского периода» полностью захватило. Тем более — дал слово поставить точку 22 декабря в день солнцеворота (слово-то какое замечательное, оптимистичное!). Что и выполнил. И еще хлопоты по обеспечению издания «Приокских зорь» в наступающем 2009-м году. Слава богу, Тульский госуниверситет, печатающий тираж, дал добро, а администрация области, утомившись перепиской со мной — уже два тома накопилось, — вроде как согласилась финансировать журнал с 2011-го года — года реализации новой Культурной программы. Лед тронулся, господа присяжные заседатели!

Сегодня четвертый день нового года; снега мало, но мороз настоящий. Но — продолжим ранее начатое.

Именно прощупывание этой грядущей виртуальности бытия будущего человечества, а в каких-то фрагментах уже и сегодняшнего, служат и эпизоды попадания Виктора Ильича со своей подругой и «примкнувшего» к ним колоритного Ботмана на острова с диковинными государственными устройствами. Все же — точно! Гены в авторе романа играют, ибо здесь земляка его пращуров Лоренса Стерна сменяет тож земляк. Который с Гулливером. И наш пеш-Фауст на время действия островных эпизодов становится пеш-Гулливером. Вот Фауста в Викторе Ильиче все мгновенно замечают — и ни полслова о Гулливере. Наверное, потому, что,

во-первых, «Гулливера» все читали в детстве, а «Фауста» в серьезном возрасте; во-вторых, читали-то адаптированного к детско-юношескому возрасту «Гулливера». А вот Карримардак и Хиндельбраант в «Историке» предельно натуралистичны. Как, впрочем, и неадаптированный «Гулливер». А может он настолько вошел в литературную культуру, что стал привычной частью ее «интерьера», который настолько реален и привычен, что уже особо и не оговаривается...

И уже без всякой авторской подсказки читателю ясно: Карримардак и Хиндельбраант — это две ипостаси того устройства социума, форму которого наша страна с навязчивой периодичностью принимает в новой и, особенно, в новейшей истории. Уверенно входим в таковую и сейчас. Ни одно поколение наших соотечественников чаша сия не миновала. Но предстоящее нам, смиренным и смирившимся с властью хама с долларами, испытание еще следует помножить на эту самую настигшую нас виртуальную реальность.

Так что это за штука такая виртуальная реальность, в которую волей Рогатого попал Виктор Ильич, а теперь и все мы? Ответ прост: это сон разума, как у Гойи, или жизнь, как сон, у Кальдерона. — И так в каждом аспекте современной жизни — существования. В той же экономике, словесном идефикс, или поносе, кому как нравится, нашего времени. Включите утром кухонный репродуктор, но только после завтрака, памятуя слова булгаковского Филиппа Филипповича Преображенского: «Не читайте перед обедом советских газет — аппетит пропадет!» Точно также не рекомендуется слушать до завтрака уже антисоветское радио; равно читать газеты, смотреть телевизор, разговаривать с соседом-депутатом, тем более чиновником... Но если все же репродуктор включен, то вот она — виртуальная реальность.

Времена сейчас опасливые, как-то скоро и незаметно «свобода печати» скукорожилась до свободы панегириков до боли родным в исторической генеалогии рулевым. Поэтому дождитесь местных губернских новостей. Из них узнаете, что реальный сектор экономики нашего среднерусского областного города, где не добывается нефть и газ, растет невиданными темпами; далее следует неодобрительная реприза в адрес тоталитарного прошлого, а затем голос

диктора начинает изображать черт-те какой восторг: это речь пошла о совсем уже невероятном росте экономики при нынешнем руководстве города.

Впору рукоплескать репродуктору, пугая доброго своего кота, кирнарского, конечно, что и сам пришел на кухню подкрепиться в перерыве между ночным и дневным сном. Но тут, как говаривали в старину гусары, пришел поручик Ржевский и все испортил. Это диктор толерантной скороговоркой сообщил, что из трехсот тысяч работающих граждан среднерусского города сто шестьдесят три «заняты коммерцией». Будучи не дураком от природы или от СМИ, вы сами, зная свой родной город уже не один десяток лет, прикиньте: из оставшейся разницы $300 - 163 = 137$ тысяч опять же вычтите бюджетников всех уровней и рангов, полноформатную — по численности военных лет укомплектованную дивизию чиновников-молодцов, армейский корпус (то есть две дивизии) «менеджеров» и «офисных креветок» из тех контор, где перекачивают и отмывают спекулятивные деньги, и так далее. В итоге на «реальный сектор» останется не более полутора десятков тысяч, ну-у, может двадцать от силы. В тоталитарные времена в городе работали заводы, численность трудяг на каждом из которых в полтора-два раза превышала эту цифру...

Вот это и есть виртуальная реальность. Про науку, культуру, образование стыдливо умолчим. И вообще, пояснив связь грядущих времен и предвидений Виктора Ильича, оставим эту тягостную тему читателям: пусть поразгадывают ребусы.— Вместо оглуляющих кроссвордов и сканвордов.

* * *

...Рецензент, тем более женщина и профессор-педагог, то есть вдвойне наблюдательная, много и метко пишет о тех деталях романа, которые традиционно относят к второстепенным. Выходит, что и второстепенные детали имеют свою сверхзадачу? Согласен, ибо сам их вставлял в сюжет, добиваясь максимальной полноты характеристики главного героя. Самое интересное, что выискивать любопытных персонажей второго-третьего ряда мне и не требовалось:

только оглянись вокруг себя! Посмеемся, Ирина Николаевна, вместе, дабы отвлечься от грядущей виртуальности.

Буквально за несколько дней до недавнего Нового года встретил на улице прототип Витьки Логинова; это который в романе, стремясь сохранить свой частный дом с усадебным участком в самом центре многоэтажного микрорайона, пытался с помощью Виктора Ильича повесить на стену этого дома охранную табличку: здесь бывал видный революционер Имярек. С этим прототипом мы некогда молодыми специалистами трудились в военно-промышленном КБ и даже семьями вместе ездили летом в Крым.

Сейчас Витька-прототип заведует какой-то службой по части сотовой связи. Давно не виделась, поэтому поинтересовался историей тридцатилетней давности: небось, снесли домик-то? Теперь в квартире маешься?

— Отнюдь,— рассмеялся прототип,— дом взят под охрану государства!

— Неужели табличка с героическим подпольщиком?

— Табличка, но не с революционером, а с героем-летчиком, повторившим в войну подвиг Гастелло; оказался у супруги такой знаменитый родственник.

...А прошедшим летом вошел ко мне в рабочий кабинет в НИИ сухощавый молодец в полной казачьей амуниции, шутливо помахивая в руке не чем иным, как муляжом парабеллума. Тоже из прототипов, только из другого романа: «Подводная лодка «Капитан Старосельцев», где он под именем Сашки Стехина геройствует как универсальный охранник-супермен. Теперь же Стехин-прототип, пройдя с его характером Павки Корчагина огни, воды и медные трубы волчьих девяностых, состоит в звании вахмистра в местном отделении Центрального казачьего войска («городские казаки»), получает там зарплату инструктора по рукопашному бою, сабельной рубке и стрельбе из всех видов переносимого оружия: от пистолета до гранатомета.

«С ума сойти!» — как говорят офисные девушки. Чего только в самой обыденной жизни не встретишь; ведь в этой жизни такое можно увидеть, с чем ни одна фантазия не совладает... Понятно, что по улицам города не маршировал в полной эсэсовской форме

полковник, проказливо посланный на этот парад по просьбе Виктора Ильича Аседоном-младшим. Но вот работяги одного из НИИ оборонного профиля, работавшие в третью смену, решившие «добавить» к казенному техническому спирту, преспокойно выехали из ворот родного предприятия на танке: мы, мол, на полчаса, доедем до известного домика, где торгуют самогоном на вынос, и назад воротимся!

Посмеявшись, вновь посерьезнели. А что есть самое серьезное для современного писателя — литератора эпохи натиска его Проклятейшества Капитала? Здесь и угадывать не стоит напрягаться: не высокие материи оценки и самооценки творчества, не раздумья об идейно-художественном содержании, даже не честолюбивые мечтания о высокой премии или ордене с барельефом Вождя к юбилейной дате творчества же... Нет, это все в тоталитарном прошлом, что было без «зелени» и евров, кризисов и щетинистых олигархеров, новых русских и новых же «русских бабок» на *ТВ*, что вызывают у нормального человека зубоскрежетальную ненависть.

Самое серьезное для современного сочинителя — это издание своих книг. Вот и замечания Ирины Николаевны, в основном, касаются редактуры и корректуры. Еще, правда. Имеется замечание что-де автор «Истории» полагает царя Алексея Михайловича, а не его папу Михаила, первым представителем романовской династии. Что здесь сказать? Даже если бы автор неаккуратно учился истории в школе, в Литинституте, не прочел бы всех историков России — от Татищева с его мамонтами до пролеткультовского Покровского, то уж оперу про события 400-летней давности в костромских лесах, дважды уже менявшую свое название, смотреть доводилось. Каемся, опять же дело в редакции: называя Алексея первым «романовским» царем, автор пропустил определяющее слово «первым *самодержавным*».

* * *

Редактура и корректура — вот беда современного писателя; даже вроде бы определяющий вопрос о финансировании издания (я издаю либо на получаемые время от времени научные премии и

иные поощрения, в том числе от Академии наук, либо на выделяемые администрацией области на писательские нужды средства; особенно последнее было хорошо поставлено при народном (без кавычек!) губернаторе Василии Александровиче Стародубцеве, прекрасном знатоке отечественной литературы...) здесь отходит на второе место.

Довелось застать прежнюю, выверенную систему советского книгоиздания. В Приокском книжном издательстве тогдашними многотысячными тиражами вышли две книги: сборник повестей и рассказов «На островах» — дипломная работа в Литинституте и роман «В канцелярии», который считаю лучшим крупножанровым произведением, доселе много написанным. Может «Любовь ново-юрского периода» сравняется с ним? — Но об этом судить прежде всего читателю. Система же была следующей: авторский оригинал → издательское редактирование → издательский оригинал → издательская корректура → издательский оригинал-макет + художественное оформление → типографский набор и пробный оттиск-гранки → параллельная вычитка гранок автором и издательством → правка издательского набора → печать тиража → сигнальный экз. → выдача тиража.

Да, относительно нынешних сказок о «литовской» цензуре. На всех названных этапах ее не было по определению. Просто в обличьи передавалось определенное число экземпляров уже отпечатанной книги. Как, впрочем, и в дореволюционной России, что оговаривалось на шмугу-тителе отпечатанной книги: «...по напечатании препроводить шесть экземпляров книги куда следует». А книги религиозного содержания цензурировались Св. Синодом.

...При такой многоступенчатой и согласованной системе «ляпы» не проходили. По своим, названным выше книгам сужу. Но главное — это высокая квалификация редакторов и корректоров.

Сейчас же указанная выше цепочка резко сокращена, а издательство и типография не имеют обратной связи в виде гранок; по крайней мере для малотиражных изданий, которые в современной беллетристике составляет 80—90 %. А на редактуру и корректуру либо у автора уже не остается денег — все ушло на печать тиража, но главное — сам институт редакторов отживает свое ввиду

не востребоваемости (см. выше). Что касается корректоров, то они еще сохранились в издательствах, но здесь вот такой казус получается: это, как правило, бывшие технические редакторы или «выросшие» бывшие корректоры. И им поручается сдвоенная работа: корректура с техническим редактированием. Понятно, что такой комплексный работник, тем более имеющий филологическое образование, тяготеет более к редактированию, как более-менее творческому процессу, но — в ущерб корректуре. А вот в прежние времена корректоров специально подбирали из вчерашних школьниц-отличниц, по той или иной причине пока еще не поступивших в институт-университет. И такая девочка-отличница относилась к тексту как к школьному диктанту: не вникая в смысл текста, править ошибки. Это была гениальная система редакционной, технической подготовки текстов к изданию...

Но еще чаще роль редактора и корректора выполняет сам автор. Но самому себя редактировать — это из историй барона Мюнхгаузена. То же самое и с самокорректурой: будь ты доктором филологии и любимым учеником профессора Розенталя, что написал учебник по русской грамматике, все одно при чтении собственного текста внимание автоматически акцентируется на смысловом, но не грамматическом содержании текста. А что уж говорить, если автор прямо из известных строк Маяковского: «Будь я негром преклонных годов...» И так далее. Раньше посмеивался, слыша расхожее: наиболее слабы в грамоте именно писатели, но став главным редактором журнала «Приокские зори», смеюсь намного реже...

Опять же, печатаясь ранее и сейчас в известных литературных журналах, где имеются полноформатные редакционные службы, отмечаю: редактура, как сотворческий процесс, становится все более торопливой и небрежной.

Многажды извиняюсь за длинный экскурс в техническую сторону издания книг, но — это ответ на ныне столь привычные замечания типа: «Все хорошо и вовсе замечательно, но режет глаз...» И так далее.

* * *

И вдогонку, раз уж разговор пошел на тему подготовки рукописи к изданию, общие размышления о самом институте редактирования. Сложно ответить на вопрос: когда редакция художественных произведений появилась в России? Несомненно, на эту тему сочинены десятки филологических диссертаций, но диссертации, как известно, читает только сам диссертант, да еще его руководитель внимательно читает и правит автореферат. А вот официальные оппоненты уже не читают, а зачитывают «свой» отзыв, написанный автором научного исследования...

Почему-то принято считать, что редактуру личным примером ввел в обиход император Николай Павлович, ссылаясь на различие его знаменитых слов к Пушкину: «Я буду твоим цензором (редактором)!» Возможно так. Но мы говорим вообще-то не о высочайших персонах — Николай на самодержавном троне, Пушкин на троне поэзии, — но о редактуре, как обыденном явлении. Скорее всего, начиная со времен патриарха Никона, редактирование и цензура не разделялись и практиковался этот симбиоз исключительно в духовной литературе. Понятно почему это нововведение связано именно с Никоном.

В светской литературе цензура с элементами редактирования появилась при Екатерине Второй — и тоже в связи — в связи с «Путешествием...» Радищева. В XIX веке цензура полностью самостоятельна, а цензоры — государственные служащие во главе с главным цензором Российской империи; самым знаменитым из них, главных, был автор «Фрегата «Паллада». Массовая же редакция появилась прежде всего в журнальной литературе, которая возникла в России, как общественно-литературное явление, в первой половине XIX века. И поэтому институт редакции прежде всего связан с громкими именами редакторов-издателей самых известных журналов 30—80-х годов «века русской литературы»: «Современник», «Библиотека для чтения», возобновленный «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Москвитянин» — то есть с именами Пушкина, Осипа Сенковского, Некрасова и других, тоже именитых редакторов. Затем это перешло и на книгоиздательство.

Причина появления де-факто обязательной редакции суть сочетание и совпадение по времени двух факторов. Во-первых, выдающиеся и великие писатели, тогда редактировавшие литературные журналы, подспудно стремились «подтянуть» среднего автора журнала, равняя в каком-то смысле общий уровень своего издания на себя. Это естественно для любого профессионала. Также и профи-дворник, проходя по чужому для его двору, инстинктивно поднимает валяющуюся на тротуаре скомканную газету и бросает ее в урну... И из личного опыта: когда при губернаторе Василии Александровиче Стародубцеве меня «сватали» на должность председателя комитета по науке областной администрации, то вице-губернатор, от которого зависело это назначение, выразил неудовольствие, что я явился пред его очи без галстука. Это-то и предредило отказ. Не мог же я ответить матерому чиновнику, даже занимавшему некогда пост, правда, не очень высокий, в ЦК КПСС на Старой площади, что у староверов, из рода которых я происхожу, галстук именуется «иудиной удавкой...».

А во-вторых, именно начиная с середины XIX века в литературу устремился мощный поток сочинителей-разночинцев, у которых даже университеты не смогли перебороть специфическое словесное образование, полученное ими в бурсах и семинариях: многолетняя практика чтения, речевая и даже мышление на церковнославянском, неформальное изучение трех «мертвых» языков, затверженная логика основных дисциплин: догматическое богословие, гомилетика, патристика... Обратите внимание: даже нынешние православные священнослужители в обычном, нецерковном общении имеют говор, несколько отличный от давно ставшего общенациональным московского говора. И наряду с разночинцами, людьми все же образованными, в последней трети XIX века в литературу массово пошли и способные, талантливые, но, увы, малообразованные писатели из гущи народа.

Таковы на наш взгляд, учитывающий реальные факты истории русской словесности, истоки института отечественной редакции.

Свои коррективы внес век двадцатый, но это все или почти все «на виду», пояснений не требует. Вывод однозначный: редактирование было, есть и будет необходимым компонентом (или

компонентой? — На сегодняшний день здесь различие) подготовки рукописи к изданию. И это не зависит от степени литературной грамотности автора, ибо он пишет, вообще говоря, для себя, самовыражается, а изданное произведение предназначается для читателей; во множественном числе. Конечно и речи не идет о нивелировании-усреднении редактором оригинального текста для масс-медиа; это прерогатива глянцевого журнальчика, дамских романов и романов дам — карманного формата в мягких переплетах. Задача редактора: реализовать все ту же формулу «близкое видится с расстояния». У опытного редактора, де-факто соавтора, полностью сохраняется стиль и аутентичность текста. Более того, они им выявляются, как выявляется внутренняя, кристаллическая симметрия алмаза при его огранке...

И беда бед нашего времени, что *институт* редактур, надемся — временно, сведен, в лучшем случае, к *рабфаку*... нет, к *ПТУ*.

* * *

Все же отвлечемся от злободневной темы и обсудим другую, акцентированную в рецензии Ирины Николаевны; в ней содержатся несколько вопросов к автору и ремарок. Их можно объединить в риторическое: для кого сейчас пишутся художественные книги и могут ли они быть «умными»? Кавычки к последнему слову не знак иронии или отрицания смысла, но акцентирования последнего слова.

Начнем со второго подвопроса. Давно бытует в литературных кругах: прозаик в своих произведениях должен быть слегка умноватым, поэт несколько косить под глуповатого. От себя добавим: а драматург стараться не выходить из треугольника: «Гамлет» — «Синяя птица» и «Кавказский меловой круг». То есть отдавать дань философичности Шекспира (или Фрэнсиса Бэкона, ангажируемого на авторство), поэтичности Метерлинка и дидактике Бертольда Брехта... Все одно на него свой Лев Толстой найдется.

Но кто и когда издал директиву, что книга должна быть где-то между «уменькой» и «глупенькой», то есть масс-медийной? Да, директив за номером и подписью никто не издавал, однако модус масс-медийности и раньше был в чести у издательств и кри-

тики, а сейчас и вовсе господин положения. Здесь опять же счастливо для современных — уже не издательств, но частных издателей и несчастливо для собственно русской литературы совпали два исходных момента. Первый принадлежит к почившему в бозе агитпропу, взявшему на вооружение примитивно истолкованные слова Горького о доступности художественного слова для самых широких масс, как говорили раньше, — трудящихся; сегодня — не очень уж надрывающих пуп от трудов праведных... Вот так сложился преобладающий тип писателя-средняка, еще на заре его становления великолепно «продернутый» одесскими классиками: «...Пнюхал свою портянку старик Ромуальдович и аж весь заколдовался». В этом многоликий середняк в старших поколениях современных писателей, особенно провинциальных, которым, в отличие от столичных, и вовсе даже намеков на изыски не позволялось.

Вот и сочиняют они по инерции (а чем еще занять все же натренированную голову и руку с пером? Все одно, раз они профи еще от СП СССР, другому занятию не обучены...) задумчивые романы о цветущих яблонях, рассказ-зарисовки и автобиографические повести. «Пишите о людях хороших, плохие и так на виду», — поучал меня с сотоварищи по семинару в Литинституте добрейший наш наставник, седовласый и мудрый Борис Михайлович Зубавин, бывший первым главным редактором «Нашего современника» — возрожденного «Современника» Пушкина и Некрасова. Правда, уважаемые наши сочинители сделали коррективу, учитывая ветер перемен времени: люди хорошие, скорбя и негодуя, дела оргвыводы, ушли на второй план, а люди очень даже плохие, прямо-таки скверные, вышли на план первый.

Но — выручает мастерство, данное от природы и отточенное в золотые для писателей советские годы, потому книги их имеют если не массового (тиражи копеечные ведь!), то благодарного читателя. Таковые романы, повести и стихи известных тульских литераторов: Наталии Парыгиной, Виктора Пахомова, Николая Дружкова и других. В любом регионе России вы найдете свои имена. В конце концов на их плечи легло поддержание добротных традиций литературы советского периода истории страны. Честь и хвала им!

Но истинное бедствие для современной литературы — второй фактор: господство ширпотреба — от эпатажного пиара сально-голубого оттенка (имена на слуху; как раз написала мне Ирина Николаевна: утюг включишь и слышишь...) до дамских, детективных, псевдоисторических и сексуально-приторных романчиков, заваливших прилавки книжных магазинов, ларьков и развалов.

Всех их объединяет одно: они издаются одновременно сериями по 10 штук под женскими «авторскими» именами, звучно подобранными, и изготавливаются на компьютерах по давно используемым на Западе программам, адаптированным под русский (новорусский, новояз) язык и соответствующую сферу действия. Оба варианта — коммерческие.

Итак, с умозрительной директивой все ясно. Так что есть «Историк» на фоне современного книготворения? Прочитав этот роман, мой одноклассник по школе города Полярного, что на берегу Кольского залива за Полярным же кругом, а ныне проживающий в Петрозаводске и работающий зам. начальника (по технической части) Госкомстата Карелии Юра Черняков сообщил просто: «Роман не для женского чтения!» Как человек воспитанный, он, конечно, имел в виду не какие-то особые женские качества мышления, но именно господство ныне «женского романа», о чем мы только что сказали.

Так еще раз сами себя спросим: почему литературное произведение должно быть масс-медийным? И в смысле позитивном, смотри выше первый исходный момент, и в понятии коммерческом — второй момент. Ведь собственно художественная литература издревле являлась философствующей, размышляющей. И даже когда античный, древнегреческий роман жанрово отделился от философии, он не поменял резко свои тропы. Таковы и первые позднегреческие романы «Дафнис и Хлоя» и Апулеев «Золотой осел» («Метаморфозы») — первый *авантюрный* роман мирового уровня — и тогдашнего и в восприятии сегодняшнего времени.

И только с появлением более или менее массового читателя, а это для Европы, впрочем, и для России вторая треть XIX века на первое место выходит беллетристика. И появляется понятие «серьезной» литературы.

* * *

Но так ли велико различие между серьезной (опустим кавычки) литературой и беллетристикой? Наугад возьмем представителей той и другой примерно одного времени и одной, англо-ирландской литературной традиции: Джона Голсуорси и Джеймса Джойса. Речь пойдет, соответственно, о «Саге о Форсайтах» и «Улиссе». ...Но можно, конечно, сопоставить «В поисках утраченного времени» и одного из известных французских (и многочисленных) беллетристов того времени — времени творчества Марселя Пруста.

А почему на ум пришла именно эта, коррелирующая по времени и национальной литературной традиции пара выдающихся писателей? — Вспомнил: читал Голсуорси, к этому времени изданного в собрании сочинений, дома после работы инженерной, а по субботам два-три часа проводил в читальном зале областной библиотеки, тож читая не издаваемого тогда «Улисса» в номерах вытребованного из книгохранилища годового комплекта журнала «Интернациональная литература» — предшественника современной «Иностранки». Кажется, за 1934-й год. Или где-то около того.

К сожалению моему печатание романа прерывалось, не дойдя до середины. И давалось от редакции журнала идеологическое обоснование в том смысле, что почитали и хватит. Литература упадническая, декадентско-буржуазная. И вообще, нечего отвлекаться от строек пятилетки... Что ж, для той эпохи все верно.

Однако — от ностальгических воспоминаний к делу. Действительно, «Улисс» — декаданс декадансом, бесфабульный семисотстраничный роман, правда, при этом идеально математически, как сорокаходовая шахматная гроссмейстерская партия, рассчитана сюжетная линия, все многочисленные, нарочито запутанные узлы и разветвления которой в итоге сходятся.

А «Форсайты»? — романная классика; такая расклассическая, что английский сериал по роману был показан — и неоднократно — по советскому телевидению: первый зарубежный на наших экранах!

Но кто первый бросит... в смысле, кто скажет, что «Форсайты» и «Улисс» сколь-либо разнятся по силе художественного впечатле-

ния, актуальности своему времени, богатству сюжетных ходов и образности героев, адекватности средств раскрытия их характеров? В конце концов, тот кто с удовольствием прочитает книгу Голсуорси — от первого тома романа до несколько искусственно (это наше, субъективное) притянутой к нему «Последней главы», — тот так же воспримет и поймет «Улисса». Но это и не значит, что знакомый с «Сагой» только по сериалу возьмет в руки Джойса...

И еще следует учитывать, что фундаментальный для науки, технологий, обыденной жизни, наконец, принцип «гениальное всегда просто» явно не срабатывает в литературе. Впрочем, не совсем он адекватен в музыке и живописи. Даже в несколько догматизированной советской литературе были далеко не одни «цветущие яблони». Разве «Русский лес» Леонида Леонова так прост, беллетристичен? Не говоря уже о более поздней его «Пирамиде».

Писатель создает свое произведение теми художественными средствами, какие он полагает имманентными поставленной им задаче. И никаких раздумий: «просто» или «сложно» у него получится? А самое главное — его произведение есть только его самовыражение. И пишет он для себя. Демагогическое «писать надо не для себя, а для широких масс читателей» родилось в инструкциях еще Пролеткульта и из тактических соображений затвержено созданным Горьким Союзом писателей СССР. Будет этот самый широкий читатель листать страницы его книги, или даже не взглянет на нее — сочинителю простых, средних и архисложных романов и многотомных поэм все одно. При условии, конечно, если: а) книга пишется не «под премию», а в СССР — не под карьеру; б) автор не тщеславен или не гедонист-параноик; в) не преследуется полный или частичный коммерческий интерес. Вот в этих-то случаях можно и на широкий народ потрудиться!

...Писатель пишет, читатель читает. — А это уже не демагогия, а руководство к литературному процессу. И если художник слова — не пиарщик, не коммерсант, не премиальный соискатель, но истинный писатель, поэт, драматург, все же, покрывив душой, начинает «опроцаться», то тем самым создает ситуацию, которую в медицине и биологии (я работаю по другой своей, не литературной профессии в этих областях, отсюда и сравнение) называют по-

рочной цепью патогенеза или по-русски: игрой в поддавки. Писатель сочиняет попроще, «для пипла»; читатель отвыкает думать, превращая чтение в чтиво; литератор, подыгрывая читателю, еще больше снижает уровень... И так далее — до комиксов и пазлов.

А вообще-то рукописи не горят, хотя книги время от времени жгут. И традиционно: будь проклят *business* — главный враг художественной мысли. Пишем это слово по-американски, ибо слово глубоко нерусское, надеюсь, временное у нас. И спасибо Ирине Николаевне за великолепную рецензию. Она расставляет все точки на *i*.

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ: КРАТКО О НОВЫХ КНИГАХ АЛЕКСЕЯ ЯШИНА

Владимир Сапожников
(г. Тула)

НОВОЮРСКОЕ ОТКРЫТИЕ РОМАНИСТА АЛЕКСЕЯ ЯШИНА

Новый философский роман* известного русского прозаика Алексея Афанасьевича Яшина «Любовь новоюрского периода» «зажигает» читателя с первых страниц с одной стороны жизнеописательной явью происходящих в объемном произведении событий, с другой стороны — смысловой напряженностью подписей-эссе к интересным иллюстрациям.

Главные персонажи романа: Геннадий, Светлана, Евгений, Наташа, и, конечно, Лера и другие — живут суматошной, беспорядочной, порой диковатой с точки зрения традиционной морали жизнью, движимые в большей степени не разумом, а эмоциями, чувствами, а точнее даже — инстинктами.

Да, так жили и продолжают жить в это непростое время многие наши соотечественники. Все сцены в основном тексте романа Алексея Яшина представлены великолепным, неповторимым яшинским языком. Читаешь, и ощущаешь запах кожи на шее Наташи, безоглядно отдающейся чувствам в объятиях Геннадия... В первых главах романа мне привиделось что-то исходящее от буинских «Темных аллей»... Может, только привиделось, а на самом деле это все, конечно, неповторимое, яркое, яшинское... Как тут не подумать — да, мы живем, пока любим... Дешевый портвейн, далекая музыка из охрипших стерео горбачевско-ельцинского смутного времени, какая-то повседневная работа, школа, производство —

* Яшин А. А. Любовь новоюрского периода: Философский роман в 3-х частях с эпилогом / Предисл. Л. В. Ханбекова: Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — М.: «Московский Парнас», 2009. — 712 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

все это наветное, вторичное по сравнению с главным — острым чувством любви, тяготением к самому прекрасному, что есть на нашей брэнной земле — к ее величеству женщине!

Можно долго обсуждать великолепные эссе из всех времен, значимые для всех времен, иллюстрации к ним, украшающие прекрасно изданную книгу Алексея Яшина. Но я думаю, не это главное. Главное, что мы можем констатировать и поздравить Алексея Афанасьевича, русскую литературу, российский читателя с рождением и изданием действительного замечательного, современного, полновесного романа, наполненного не только глубокими размышлениями о нашей нынешней и прошлой жизни, но и блестящей экспрессией, порой по-русски перехлестывающих через край чувствами... Чувств истинных, свойственных человеку с его изъянами и достоинствами. Местами этот роман написан белыми стихами. Как у Ивана Бунина... О том же... Но о других временах...

Тамара Булевич
(г. Красноярск)

ЛЮБОВЬ И КАПИТАН

Благодаря нашему альманаху «Московский Парнас», познакомилась с интересными, мудрыми романами «Подводная лодка «Капитан Старосельцев» и «Любовь новоюрского периода». Романы непростые, с глубокой жизненной философией героев, интеллектуально насыщенные, неторопливо, но требовательно втягивающие внимание читателя из строки в строку и терпеливо ожидающие от него духовного и душевного взаимопроникновения, понимания. Диалога! До конца понять Ваши строчные и подстрочные размышления мне во многом помог очерк о Вас Л. В. Ханбекова «Тульский энциклопедист». Да, энциклопедист. Точнее не скажешь.

Понятно, что авторские идеи романов не коснутся обугленных душ сильных мира сего, коим они послужили бы неплохим уроком. Но где там! Их мысли далеки и конкретно, пристрастно привязаны к одному: побольше нахапать, наворовать у страны и народа никогда не принадлежавшие им богатства земли российской, а после... да хоть потоп! Бескрылые, отягощенные золотом нувориши ползут-расползаются по Куршевелям, замкам и виллам, где выстилаются ими — для себя же любимых — золотые дорожки в ад. Но ад их ждет позже, а сейчас... полный беспредел для падших душ и греховной плоти. Разве такие поймут автора? Профессоров Старосельцева или Красилина? Никогда! Они для них — явление за пределами осознания реалий. Прочитав романы, могут разве что грязно усмехнуться. И только. Сегодня их время.

Мудрый атеист Старосельцев скажет: «...кару человечество

время от времени навлекает на себя за свои же грехи своими же деяниями». Они и есть короста на человечестве. Дай-то Бог, скоро отболит и отпадет прахом...

Ваши романы будут трудны для понимания сегодняшнему, ничему не внешнему поколению, потерявшему себя в предательски растерзанной стране... Не беда! Только бы хватило им мужества прочесть.

И прав критик Леонид Васильевич Ханбеков, утверждая, что все-таки «суммарный интеллект культуры, науки, морали и нравственности... есть величина неделимая для народа, социума, всей планеты Земли».

...Время истории скоротечно. Придут другие поколения. Обязательно с новой философией устройства общественной и социально-нравственной жизни. Для них, как знаковый выстрел в далекое будущее авторской философии, идей по устройству общества, и написан Ваш второй роман «Любовь новоюрского периода». Сложные, с глубокой многогранной жизненной философией герои, не бездумные, но размышляющие, активно действующие.

Главная идея романов — сбережение народной духовности, самоутверждение и самодостаточность духа каждого человека, живущего на земле. Это же несут в себе герои романа. Они, как и автор — очень мне было заметно — хотят побыстрее вылупиться из уже порядком протухшего новоюрского яйца, поскорее смыть с тела и души налипшую и зудящую грязь, начать жить в новом времени и с новыми социально-нравственными ценностями.

Для свершения этой жизненно важной цели очень старается Красилин и другие герои новоюрского периода. Профессор Красилин, плюс ко всему, жизнелюбивый и авантюрный, не лишенный и мужских амбиций, но одержимый не болтовней-словоблудием, а конкретными повседневными делами двигать историю человечества вперед.

Зарождается новая Россия! Она непременно воспарит из пожарищ, пепла и духовного забвения. Грядут поколения тех, кого Вы, Алексей Афанасьевич, по своей доброте, щедрости, таланту и размаху русскому уже премного «зачали» своими жизнеутверждающими романами.

Сердцем чувствовала Ваше «перепутье». И то, как сейчас все мы задыхаемся в смуте наших непростых, зачастую, откровенно ядовитых буден. И то, как хочется Вам и героям романов, профессорам Старосельцеву и Красилицу, поскорее увидеть обновленное свежей порослью — новым Племенем — здравое, мудреющее человечество.

Искреннее спасибо за таких разных профессоров Старосельцева и Красилицу. Но они оба обаятельны и настолько реалистичны, что порой казалось, вот-вот заговорят со мною «вживую»! Я влюбилась-таки в них!

И еще спасибо за четко обозначенный свет в конце тоннеля, за Ваше горящее факелом авторское сердце!

В своем ярком, язвительно сочном бытописании, языковой палитре Вы так близки в своих романах к любимым мною классикам: Гоголю, Салтыкову-Щедрину, Некрасову.

Ваши романы поочередно, с большим интересом и положительными откликами прочитаны многими моими друзьями — красноярцами.

Это Ваша, Алексей Афанасьевич, победа, по-настоящему новое явление — высокая планка! — в современной российской литературе.

Наталья Квасникова
(г. Москва)

«ДА-А, ЖИЗНЬ У НАС КИПИТ...»

Мы свой мир ухитрились устроить так, чтобы нам было над чем посмеяться. В самом деле, если все вдруг станет разумно и целесообразно, человечество непременно вымрет со скуки. Представьте, — чиновник с первого раза выдает ордер на квартиру тому, кто в ней действительно нуждается, даже не поинтересовавшись, сколько бедолага зарабатывает. И взятку не просит за выполнение служебных обязанностей! На конкурсе с многоценным призовым фондом побеждает никому неизвестный настоящий талант, и за кулисами его даже не просят вернуть полученную им премию! Ветеран труда изначально проживает в лучших условиях, чем обуза для общества со связями и деньгами! Войн, конечно, тогда уже не будет, а, значит, число льготников уменьшится на благо государства.

Ребята, это страшно даже вообразить. Куда мы денем наших сатириков? Нельзя отвыкать от абсурда, иначе смысл сказанного ими исчезнет! Впрочем, в ближайший миллион лет нам, очевидно, ничего подобного не грозит, и потому смело читайте остроумную, едкую книгу Алексея Яшина «Без руля и без ветрил». Ее название напомнит каждому, какой способ передвижения по жизни предпочтителен для цивилизованного человека. Не дикари же мы, в самом деле! Богатый русский язык позволяет замаскировать отчетливый алчный эгоизм кружевной дымкой словесного хитросплетения. Алексей Яшин словно открывает выставку подлинных фотографий нашей действительности. В лицах, предстающих перед нами, не хочется узнавать собственные черты, но делать нечего! Уж очень знакомо глядят эти нефотогеничные физиономии.

Многие из нас легко соблазнились новыми перестроечными лозунгами, ведь устоявшаяся, размеренная жизнь так утомительна! Теперь же — другое дело. По этому поводу читаем у Яшина: «Да-а, жизнь у нас кипит... Женщина... обычно рядовая бухгалтерша в сиротском бюджетном учреждении, восторгается: дескать, как скверно мы жили при коммуниках? — Выстоишь очередь, ку-

пишь десять кило колбасы и буженины и холодильник под завязку набьешь. Зато сейчас, хоть и дорого все, но безо всякой очереди подойдешь к прилавку и купишь граммов сто колбаски к празднику...» Пожалуй, с этой особой трудно не согласиться, ведь когда еды много, вкуса уже не ощущаешь. Новый порядок вернул русскому человеку завидную возможность утонченного — до последних пределов — наслаждения процессом приема пищи. Ради такого счастья пожертвовать можно многим. Неясно только, почему гайдаровский почин привился быстрее гитлеровского — вероятно, дело в родной почве и более подходящем климате.

Замечательный снимок сделал автор с современного чиновника — выразительный, сочный. Поглядеть бы на того, кто позировал, правда, я сомневаюсь, что оригинал дал на это свое согласие. Скорее, использовалась скрытая камера. Взгляните-ка! «Чиновник, берущий «барашка в бумажке», фигура, привычная в нашем отечестве... сейчас — ни слова обличения, самое главное, ни сверху, ни снизу (!)... И правители, и народ рассуждают здраво и в духе времени... поскольку у сплюсненнозадого чиновника только взятка есть форма грабежа и продажи Родины, то это... молчаливо признано де-факто и почти что де-юре». Очевидно, любовь к деньгам возникает с первого взгляда, во всяком случае, в наше время. Похоже, многих людей опоили из заколдованной Тристановой чаши, только глядели они в момент распития экзотической жидкости не на красавицу или красавца, а на пачку «зеленых», которую зловредный виночерпий держал в свободной руке. И Яшин тут как тут со своим фотоаппаратом! Поймал в объектив забандитившихся сограждан, при наступлении новой эпохи легко смахнувших с молодецких плеч опостылевшее бремя закона, а затем...

«У бандита век короток... Действительно, у него только два пути: в могилу на очередной «стрелке» и в благонамеренные... граждане: предприниматели, депутаты, банкиры, ...городские головы и губернаторы... то уже... уважаемый в обществе человек...» Выразительный и беспощадный портрет современного руководителя. Неудивительно, что наша культура, как ртутный столбик термометра, опустилась почти до нулевой отметки — ясно, что ее подогревает! Разухабистый тюремный жаргон, площадной диалект

хлынули на улицы населенных пунктов, подобно крепкому навозу, проевшему стенки своего отстойника. Рыба — она, конечно, с головы загнивает, но упомянутый, как в песне поется, «шарообразный предмет» должен содержать достаточно мозга, чтобы хотя перед широкой общественностью не слишком ретиво ударять в грязь лицом. А то во лбу зажжется фонарь и мигает маяком: «Мало мозгу!», как будто этот факт и без подсветки не очевиден. «Сейчас социальный заказ остался только для запиаренных столичных сочинителей детективов, фантастик и глянцевого порноромана». Конечно, наши городские и прочие головы поддерживают исключительно собственный культурный уровень.

Представляя женскую половину человечества, с особым интересом осматриваю галерею дамских образов на этой замечательной выставке. «Было бы удивительным, если в час волка женщины оставались теми же милыми девушками с идеалами..., ...женщинами — ласковыми матерями и любящими женами... Но женщина, как и ребенок, есть... отпечаток реальной жизни: меняется уклад последней — изменяется и женщина..., становится волчицей, воспитывает волчат-детей...» Если еще берет на себя этот труд, а то просто выбрасывает новорожденного младенца, и хорошо, если не в мусорный контейнер. По-видимому, пора уже присваивать звание матери-героини той, которая хотя бы доставила собственное чадо к дверям ближайшего Дома ребенка или больницы.

Не обошел автор своим вниманием и вопросы женской моды нашего времени. Пресловутый объектив его виртуального фотоаппарата зафиксировал, причем со вспышкой, кардинальные изменения в понятии красоты, связанные, вероятно, с прогрессирующим выпрямлением части извилин в мозгах некоторых особей обоих полов. В этом повинна, я полагаю, нестабильность солнечной активности конца XX — начала XXI веков, многократно упомянутая астрономами всего мира.

Давно «уже... все женское население страны в возрасте от детского до бальзаковского с мая по октябрь щеголяет в одежде с декольте на пупке, хотя это антисанитарно, неприлично и вредно для здоровья. Да еще эти пупки прокалывают под блестящие висюльки».

Указанному явлению, кроме астрономического, можно, пожалуй, предложить и объяснение с политическим уклоном — давние, вошедшие в привычку дружеские, культурные и экономические связи с Индией. Там, правда, несколько иной климат, но известно, что теплые отношения преодолевают любые границы, в том числе температурные.

А вот портрет в полтора стандартных роста европейца. Большой человек на нем изображен. Знакомьтесь, — это «областной олигарх М.», глубоко интересуется науками. Недавно «...затребовал лучшего специалиста... в части гироскопов, ... за это обещал отремонтировать один из... корпусов» университета, в коем трудится на педагогической ниве искомая мировая знаменитость соответствующего профиля. Какая же консультация понадобилась благородному уму денежного мешка? «Да так... заинтересовался работой игрушки-волчка сына, просил доходчиво объяснить...»

Завершая на этой, несомненно, оптимистической ноте обход выставки портретов сверхтипичных представителей современной России, хочу добавить, что несется наш корабль к неизвестной, затянутой плотным туманом дали «без руля и без ветрил», по произволу слепоглухонемой команды, занятой дележом на ощупь всех попадающихся под руки предметов. На кой им нужны будут эти побрякушки, когда судно разобьется о незамеченные ими скалы, неизвестно, но убедить их в ошибочности выбранного курса довольно затруднительно, так как они не желают добровольно передавать полномочия запертым в трюме бывшим товарищам, зрячим и разумным.

Гораздо увлекательней лупить друг друга по всем доступным для кулака местам, сгребать под себя части общего достояния и почесываться от ударов конкурентов, не веря, что итоговый барыш от таких способов обогащения по объективным и непреложным законам природы равен абсолютному нулю.

Леонид Ханбеков
(г. Москва)

СВОЙ ВЗГЛЯД
(Первое впечатление)

Думаю, помпезное телешоу «Выбери имя России» (2009), когда среди наиболее почитаемых в народе имен долгое время оставался Сталин, вызвало новый интерес столичных писателей-документалистов к этой исторической фигуре. Станислав Рыбас, Бенедикт Сарнов, Сергей Семанов...

Туляк Алексей Яшин, скажем так, припозднился со своим «Катехизисом идеалиста»*. Но, представляется мне, одиозный сарновский опус «Сталин и писатели» при всей натужной рекламе заранее запрограммирован на университетских филологов. Заиклинные на именах, успешно забытых современной литературной порослью, они напрасно педалируют интерес к ним, связывая с личностью вождя. Увы, не будь этого «соприкосновенья», о них и им, мистификаторам литературных судеб, и вспомнить-то было бы нечего.

Перегруженный широко известными и многократно препарированными отечественными и западными биографами рыбасовский труд, нет никакого сомнения, попадет, если не попал еще, в руки историков-талмудистов, тех, кто с разной степенью успеха ищет себя в изданиях его Биографического института и среди соискателей премии этого института. Исполать им!

Остропопемичен, как всегда, Сергей Семанов. Из года в год едва ли не каждой своей работой он вызывает споры, дискуссии, столкновение мнений.

Но наибольший интерес, пусть и не сразу, не с первого захода, убежден, вызовет роман Алексея Яшина «Катехизис идеалиста» (Тула, библиотека журнала «Приокские зори», 2010) — ро-

* Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — М.: «Московский Парнас», 2010. — 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ман-размышление, роман-исповедь. И вот почему: Яшин попытался в своем романе не говорить за Сталина, не описывать вождя с той или иной степенью достоверности или явного художественного вымысла, а предоставить слово ему самому.

И о толковании большевиками и меньшевиками теории Маркса об успешности перехода к социализму только в результате мировой революции, и о победе его, социализма, в отдельно взятой стране или группе стран; и об отношении к НЭПу; и о коллективизации сельского хозяйства и индустриализации страны; и о всех перипетиях с попыткой империализма задушить республику Советов экономически; и о партийном строительстве; и о войне; и о соратниках, на которых, оказалось, невозможно оставить страну...

Смело? Но это исповедь не перед заезжими или доморощенными писателями, видевшими в нем, Сталине, властелина одной шестой планеты, вождя, решавшего судьбы народов и государств, а перед собой, человеком, прожившим большую и трудную жизнь, состарившимся и размышляющим: а во имя чего все, что было свершено? А кому можно вручить страну?

А, скажем, совершенно неожиданные размышления вождя об истинном зле, которое обрушили на послереволюционную Россию, будущий СССР, троцкисты во главе с Лейбой?

Не знаю, «додумывает» романист за своего героя или открывает нам, неучам и лентяям, доподлинный факт, но он, этот факт,— в характере героя, в логике его умозаключений, сопоставлений, действий.

«Куда ни кинь взгляд в истории — нынешней, прошлой и даже будущей, — всюду натыкаешься на сплетенные Иудушкой паучьи сети, — размышляет его Сталин в одну из ночей, лежа в недомогании на даче.— Вот и с русскими философами, особенно космистами. Ведь именно он, паскуда, уговорил уже больного и не совсем понимающего в реалиях политической жизни Ильича организовать «философский пароход». Грех некоторый на мне, не до философов было, текучка заела, тоже согласился тогда. Дескать, попутчиков малонадежных с возу — кобыле легче.

А вот еще в конце тридцатых и в конце сороковых все чаще стал вспоминать о том пароходе. Ведь если двое из остав-

шихся в стране, да и то не из «громких» имен, так сказать, младшего поколения,— Циолковский и Вернадский — так много нам пользы принесли? Да-да, практической и научной пользы, не пустопорожнего разглагольствования. Константин Эдуардович, будь он в двадцатые-тридцатые помоложе и не потеряй слух, да отбрось свою провинциальную скромность, будь настойчивее, боевитее, так опередил бы самого Вернера фон Брауна. И не немцы бы Лондон и Ковентри своими «фау» забрасывали, а мы — Берлин, Гамбург и Киль. (...)

...Не вышли Иудушка из страны цвет нашей философской, общественной, естественнонаучной мысли, так сейчас бы не пришлось содержать на повышенном жалованье эту орду бездельников, карьеристов и — подозреваю — скрытых троцкистов, угодливых, лицемерных, держащих кукиш в кармане. Президент, Деборин, Берг... По-фински прямолинейный Куусинен, хотя Отто Вилггельмович и хороший человек.

А наши философы, останься они в СССР, презирая в душе троцкистских выкорышек и дельцов от общественной и иной науки, составили бы здоровую, патриотическую альтернативу марксизму. Не враждующую,— а как это у западников говорят? — конструктивную альтернативу. В конце концов и наш кондовый марксизм ума бы набрался у наших философов, и они бы «подтянулись» к диалектике. В итоге к сегодняшнему дню мы бы впервые в истории России-СССР имели бы философскую, естественно-философскую научно-практическую школу мирового уровня. Конечно, марксизм-ленинизм — самое передовое учение на планете, но... несколько однобокое.»

И вот это категорическое: «Уважаю работающих, мыслящих и не лебезящих перед властью людей».

Эту черту вождя в беседах со мной подчеркивал маршал Конев. Слышал я ее и из других уст — людей, кто не раз беседовал с вождем.

Порой трудно отличить, где заканчиваются размышления автора о текущем неостановимом времени, политической или экономической, военной и житейской ситуации, и начинается «мозговая атака» самого героя в связи с каким-то общественным явлением

или событием в СССР, в Европе, в Америке, в связи с обнародованием программы того или иного правительства или установки его лидера, но это всегда продолжение «катехизиса идеалиста», который подобно капитану огромного лайнера вел страну через рифы неведомого, ориентируясь на свет ему одному ведомого маяка.

«Сложно сейчас фантазировать на тему: каким образом свершится в двадцать первом — двадцать втором веках этот всеобщий переход к единому мировому социальному государству, — размышляет герой романа. — Но вот как произойдет (не дай бог!) контрреволюция в СССР, как страна на достаточно длительное время уподобится Франции Луи-Филиппа после Ватерлоо — здесь ломать голову нечего.

Да и противники наши не скрывают методов разрушения СССР: не раз и не два перечитывал декларативные доктрины Алена Даллеса и директиву Совета национальной безопасности США. Хм-м, Лаврентий очень гордился: эти тексты сорок пятого и сорок восьмого года легли ему на стол еще до того, как с ними ознакомилось руководство США и сам президент. Умеем, если захотим, а хотим мы многого, — но все исключительно на благо страны.

Самое ужасное, или паскудное, скорее, состоит в том, что без железной руки, врагов, в том числе потенциальных, карающих, но преданных людей привечающей, к власти в стране подберется всякий сброд, который и упустит эту власть, прямо в руки врагу ее отдаст за понюшку махорки. Да им поможет это сделать и возвращенная врагом легальная агентура; она как плесневый гриб мигом наплодится.

Но главную роль, увы, сыграет сам наш народ. Даже не сам народ, а опосредованно через него вмиг возрожденный, доселе глубоко нами упрятанный, но возрожденный предателями при власти биологический атавизм — инстинкт частнособственничества. Против биологического инстинкта сложно устоять, если ему злонамеренно дают полную свободу. И он захлестнет всю страну с такой ужасающей быстротой и размахом, так заполнит души и головы до этого бескорыстных бывших советских людей, что даже насквозь торгашеский, частнособст-

веннический Запад... да и Восток с ужасом и отвращением будет взирать на трагедию духа и воли 1/6 части земной суши».

Размышления героя и автора звучат в унисон, они порой абсолютно сливаются в своей лексической и эмоциональной окраске, в самом течении и аргументировании мысли.

Ну и кому от этого плохо?

«Науки юношей питают...» Жаль, что нынешнее педагогическое и библиотечное сословие очень быстро освоило закон рынка и подчинилось нахрапу рекламы. Очень не уверен в том, что, познакомясь первыми, как должно, оно станет рекомендовать подрастающему поколению, стремительно разучивающемуся читать и переходящему на интернет-общение, хотя бы попробовать осмыслить что-то из нашей недавней истории, когда мы в массе своей гордились своей страной и ее созидательной поступью, а не прикидывали, как бы поскорее улизнуть на Запад.

Владислав Горелик
(г. Тула)

ПОТАЕННЫЕ МЫСЛИ ВОЖДЯ

«Думаю, что помпезное телешоу «Выбери имя России» (2009), когда среди наиболее почитаемых в народе имен долгое время оставался Сталин, вызвало новый интерес столичных писателей-документалистов к этой исторической фигуре. Станислав Рыбас, Бенедикт Сарнов, Сергей Семанов... Но наибольший интерес, пусть и не сразу, не с первого захода, убежден, вызовет роман Алексея Яшина*. И вот почему: Яшин в своем романе не говорит за Сталина, не описывает вождя с той или иной степенью достоверности или явного художественного вымысла, а предоставляет слово ему самому».

Так пишет ведущий российский критик Леонид Ханбеков (журнал «Московский Парнас», 2010, № 89. Свой взгляд. 146—150 с.), заслуженный работник культуры России, вице-президент Академии российской литературы в своем отзыве на новую книгу известного современного русского писателя Алексея Яшина, члена Правления названной Академии и главного редактора всероссийского «толстого» литературного журнала «Приокские зори».

Действительно, книжная Сталиниана растет год от года, уже насчитывая не одну сотню томов. Здесь следует отметить, что почти все изданные книги о Вожде написаны в жанрах публицистики и документалистики. Из беллетристики можно назвать, пожалуй, только известный роман Владимира Успенского «Тайный советник вождя». И это все до опубликования книги Алексея Яшина с посвящением: «К 130-летию со дня рождения государственного деятеля, создателя сверхдержавы СССР и военно-политического стратега Иосифа Виссарионовича Сталина (Джугашвили) (1879—1953)».

Так о чем же эта книга, с момента издания сразу привлекающая

* Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление: Академия Российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — М.: «Московский Парнас», 2010. — 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

внимание читателей, столичных и провинциальных литературных критиков? И кто автор — в аспекте его отношения к Сталину? — Ярый ли его апологет, коммунист-сталинист, кондово зацикленный на ортодоксальном марксизме-ленинизме? Начнем со второго тезиса-вопроса.

Автор в своем пространным введении «Не сотвори себе кумира» не скрывает своего объективно-критического отношения к нашей «славной» действительности. На то он и типичный представитель русского критического реализма. Ибо по определению настоящий писатель в царской России, в СССР, опять в России, но уже президентской, находился и находится в определенной оппозиции к власти. Главное, чтобы эта оппозиция являлась конструктивной, а не злопыхательской — типа диссидентов-сочинителей 60—80-х годов. Но в то же время автор «Катехизиса» прямо уточняет: «Автору этой книги и в страшном сне не являлось, что он-де член какой-либо политической партии или движения, а юность — самое впечатлительное время в генезисе человека — припала на «эпоху Брежнева». Все сказанное в настоящей книге никак не может являться «ностальгией сталиниста», политическим компатриотством или биологически обусловленным возрастным нонконформизмом к окружающей действительности. А является пресловутыми плодами «холодных размышлений и сердца горестных замет».

Ответом на первый же вопрос является последующее содержание настоящего очерка. Именно очерка, а не дежурной рецензии-отзыва.

Как отметил Леонид Ханбеков (см. выше), доминанта романа — предоставить слово самому Вождю. Естественно, в литературно-художественной «аранжировке» автора романа. Как удачно названа одна из книг Сталинианы: «Слово товарищу Сталину». И еще одна ремарка. Среднестатистический читатель, взяв книгу в руки и узнав, что это роман о Сталине, мигом вспомнит прокатившуюся в 2007—2010 гг. на ТВ серию фильмов-фантазий о личной жизни Вождя, включая постельные сцены. И решит, что роман Яшина сугубо динамическое действие по схеме «Сталин — Берия — ГУЛАГ» или «Сталин — его жена — жертвы тоталитаризма». И так далее в последовательности перебора штампов от СМИ со времен Хрущева с перерывом на все ту же «эпоху Брежнева».

Ан все наоборот. Действие романа сугубо статическое: ночные размышления простудившегося в слякотный февраль 1953-го года Вождя, которого уже чрез две недели не будет. Останется только созданная им сверхдержава СССР, а для читателя книги — его потаенные мысли. Мысли величайшего в XX веке одновременно практика-политика и идеалиста. Отсюда и название романа-размышления. Полагаем, что этимологию слова «катехизис» особо пояснять не следует (с греч. — общедоступный, изложенный в виде вопросов и ответов... учебник).

Как писал в одном из своих сочинений «на вольную тему» Солженицын — полный антипод государственнику Сталину, злобный разрушитель Советской страны — в лагере он занимался стихотворчеством. А так как записывать (по его словам) их было не на чем и нельзя, то он каждый вечер, перед сном, закреплял их в памяти мысленным повторением. Пример, согласимся, не совсем удачный, но Вождь в романе Алексея Яшина в бессонные, например, по причине болезни, ночи также конспективно в мыслях своих «прокручивает» все важнейшие вехи своей жизни и деятельности. Вся же интрига в том, что это потаенные мысли. Из числа тех, что Вождь не доверяет их даже своей знаменитой фуражке генералиссимуса. И вовсе не потому, что они содержат какую-либо крамолу. Нет, просто в делах и мыслях любого выдающегося государственного и политического деятеля параллельно сосуществуют, подпитывая друг друга, два «лица»: одно ориентировано на сугубую реальность жизни социума, государства, а второе, потаенное, постоянно анализирует, безо всякой, обязательной на людях, политкорректности, сделанное им и прогнозирует, то есть логически синтезирует, ближнее и отдаленное будущее.

Что далеко за примерами ходить — они прямо перед нами. О чем говорили с недавними геополитическими противниками в Лондоне и Нью-Йорке «за закрытыми дверями» первые президенты СССР и РФ? Не говоря уже о ритуально обставленных встречах в таких «конспирологических» местах, как Рейкьявик и Мальта. Сам Горбачев на ЦТВ заявлял, что он знает такие гостайны (речь, понятно, о внешней политике), которые унесет с собой из этого, не лучшего из миров. И ведь понятно почему к отправленному в отставку первому и последнему президенту СССР официально при-

ставили охрану в двадцать человек, явно специалистов своего дела. Не «тело Горбачева» они охраняют, но его потаенные — нет, не мысли, знания о разрушении Советской сверхдержавы.

А вот у Вождя то были именно потаенные мысли, из числа тех, что народу и даже ближайшим соратникам Сталина знать пока рано или вовсе не нужно. Даже догадываться о возможности таких мыслей у Вождя никто не должен был знать. Ремарка из романа: Сталин то ли с юмором, а может и вполне серьезно рассуждает сам с собой, что-де узнай Ворошилов, друг и соратник с Гражданской, некоторые его мысли, так мигом бы сбежал домой, благо рядом квартирует, вернулся с именной шашкой с георгиевским темляком и снес бы ему голову.

В чем суть и содержание потаенных мыслей Вождя? В основном, это объективная его оценка будущего Советской страны, опередившей в социально-политическом плане свое историческое время. И это время, увы, как мы воочию сейчас видим, показало горькую правоту мыслей — анализа товарища Сталина.

Другая, смертельно опасная для самой жизни Вождя, выверенная мысль Сталина: отлучение партии от хозяйственного администрирования. Оно было необходимо в первые десятилетия советской власти, но уже в 50-е годы стало тормозом. Именно за первые предпринятые в этом направлении шаги Сталина на XIX съезда партии он и был де-факто удален из жизни.

И еще одно горькое предвидение Вождя: лишенная новой политэкономической теории социализма, партия приобретает троцкистскую доминанту: движение все, цель ничто. Хотя бы и воспримники Сталина декларативно не уставали провозглашать: наша цель — коммунизм.

Вот вокруг и около этих трех основных предвидений Сталина, дробясь на конкретные дела и события, и развивает в ночном бдении Вождь свои потаенные мысли. Которые в текущее время он не может доверить даже своей фуражке.

Книга не была бы романом, что есть по определению жанра квинтэссенцией беллетристики, если бы по его прочтению не вырисовывался образ и характер главного героя. Так каким же представит Вождь в «Катехизисе идеалиста»?

Это хозяин великой страны, одна шестая части земной суши с примыкающими морями и половиной Ледовитого океана. Еще к его хозяйству к началу 50-х годов «приписана и поставлена на довольствие» (закавычивание наше. — Авт.) треть остального мира в Европе и Азии. А ведь скоро и Африку нужно будет делить с империалистами! А тамошние племенные царьки ох как жадны до денег! Большое хозяйство, большие расходы; глаз да глаз за всем нужен!

Непременный атрибут романного жанра: вырисовывание личности и характера героя, причем ненавязчиво, без дидактики, из его поступков и всего сценического движения — действия романа. Как представляется, даже учитывая избранный автором «статический» вариант сценария, фабулы и сюжета, Алексею Яшину в полной мере удалось справиться с этой сверхзадачей романа. Следует главное: для государственника Сталина все личное и характерное не персонифицировано, но есть едино и не делимо с делами и заботами страны.

Наконец, Сталин — величайший в истории России—СССР идеалист. Странно звучит это определение в отношении сугубого практика, создавшего сверхдержаву СССР, но это именно так. В отличие от своего главного врага, Троцкого, Вождем движение страны и лагеря социализма сугубо подчинял конечной цели, то есть идеалу: построению бесклассового, в высшей степени социально ориентированного, интернационального государства. Даже блока государств. А раз идеал превалирует над практикой, ее направляет, то Вождем такого процесса — экономического, геополитического и прочих — и есть идеалист. Великий идеалист всех времен и народов.

Что сказать в заключении? — Рекомендуем прочитать новый роман Алексея Яшина, причем независимо от политических пристрастий читателя: и левым, и правым, и всем «промежуточным» (это уже слова автора книги). Автор никому не навязывает свое мнение. Он вообще в стороне, а своим пером дает слово товарищу Сталину.

Несомненным украшением книги является и ее авторское оформление, но особенно — встроенные в текст и приведенные в отдельной подборке стихи юного семинариста Сосепо Джугашвили.

ДЛЯ СПРАВКИ: «Катехизис идеалиста» имеется во всех городских библиотеках Тулы и в главных библиотеках Москвы, некоторых других российских городов.

Людмила Авдеева
(г. Москва)

УРОКИ ПРАВДЫ
Размышления над романом Алексея Яшина
«Катехизис идеалиста»

В молитве проси только Правды
Евангелие от Матфея

В первом номере «Приокских зорь» опубликована рецензия Л. Ханбекова на роман-размышление А. А. Яшина «Катехизис идеалиста». В рецензии приведено немало ярких содержательных цитат, одно чтение которых должно заставить серьезного читателя искать роман, чтобы самому погрузиться в целостный художественный мир книги, в которой нет ничего второстепенного, а все главное, благодаря убедительной позиции писателя. Мне повезло, и я получила книгу в подарок от автора. Прочитала дважды. Первые впечатления отстоялись, сформировалось четкое мнение, которым хочу поделиться с читателями.

Роман-размышление «Катехизис идеалиста» — вещь самобытная, выстраданная. Эта книга, как предупреждает сам автор, «не для убогих умом и душой». Роман-исследование, ставший итогом «ума холодных размышлений и сердца горестных замет», адресован вдумчивому, умному читателю-единомышленнику.

К роману не так-то легко приступить с привычными оценочными мерками. «Катехизис идеалиста» можно отнести к нравственно-философской прозе, так как глубина исторического охвата материала не панорамно-описательная, а аналитическая, направленная на то, чтобы понять истоки и закономерности социального и общественного состояния общества, вписать десятилетия советской эпохи в общую цепь национальной истории, постичь сложную взаимосвязь современных наслоений и вечного в психологии человека.

Все, кто знаком с творчеством даровитого романиста, рассказчика, публициста А. А. Яшина, знают, что автор — знаток человеческих душ и характеров, мастер логически точно выстроенного

повествования, необычайно наблюдателен, ироничен, конкретен в своих суждениях, глубок и смел в своих оценках.

Но в новом романе А. А. Яшин выступает не только как писатель, описывающий события, а как историк, ученый-исследователь, социолог, психолог, летописец, создавший труд, равный работе научного института.

Читателей поразит энциклопедичность знаний автора, безгранично масштабная литературная палитра, диапазон поднимаемых тем. Роман не ностальгия о прошлом, не попытка реанимации истории, а призыв к переосмыслению исторического опыта, глубокое исследование талантливое, мудрое ученого-аналитика.

Предоставить слово Вождю-патриарху — так можно определить творческую цель писателя-романиста. А. А. Яшин дает читателям уникальную возможность «общения» с Вождем, не только и не столько, как с «отцом народов», а как с обычным человеком, рожденным «земной женщиной». На страницах романа И. В. Сталин, постаревший, больной и одинокий, мучительно размышляет о прожитом, пережитом, допущенных ошибках и упущенных возможностях, о друзьях и врагах, о будущем России. Кажется. Что и голос слышишь Вождя, его неторопливую, глуховатую, размеренную речь с грузинским акцентом. Читатель погрузится вместе с Вождем в рассуждения об индустриализации и коллективизации, о национальном вопросе, о Гулаге, церкви и культуре, политике и экономике, войне и мире. Читатель вместе с автором будет размышлять о многом, многое переосмысливать, делать выводы и о культе личности, и о бремени власти, о частной собственности и западной демократии, о развитии науки и роли интеллигенции в переломные моменты истории. Перед читателями пройдут соратники Вождя, политические, военные, государственные деятели, старая гвардия большевиков, и галерея доносчиков, предателей, иуд и «просто дураков». Вождь предстает перед читателем как романтик-идеалист, поставивший задачу воплощения в жизнь христианской идеи о создании общества равенства и социальной справедливости, о создании сверхмощной державы СССР, мировой системы социализма.

Замечательно, что в канву романа вплетены юношеские стихи Джугашвили в талантливом переводе В. Резцова, и через все пове-

ствование проходит образ старца Ниники, созданный поэтическим воображением «первого идеалиста новой эры», который и, став Генералиссимусом, остается романтиком, мечтавшим о воплощении юношеских идеалов в реальные дела. Живая речь, живая интонация, житейская мудрость, острый ум, дальновидность И. В. Сталина в передаче писателя очевидны, узнаваемы, психологически мотивированы. Писательская опытность, зрелое мастерство А. А. Яшина-романиста, его особый самобытный стиль изложения дают возможность так построить все ходы произведения, что читатель получает эмоциональную возможность прожить те исторические годы, соотнося их со своей жизнью, современными социально общественными явлениями, с окружающим миром, находя ответы на свои вопросы и сомнения.

То, что роман может стать основой для литературных и общественных дискуссий, для острой полемики становится ясно с первых страниц. Достаточно вспомнить нашумевшее телевизионное шоу двухлетней давности «Выбери имя России», в котором первоначально лидировал И. В. Сталин, а затем «кукловоды» шоу отодвинули его на третье место. Об этом много написано, в том числе и в рецензии Л. Ханбекова, да и в романе автор едко, со свойственным ему сарказмом отзывается об этом помпезном шоу. И хотя с течением времени полемика о роли Вождя в мировой Истории не утихает, отрицать, что И. В. Сталин личность выдающаяся, не станут сегодня и те, для кого он антикумир, и думаю, что чтение романа для подобных читателей было бы особенно поучительно.

Читатель, чье сердце болит о судьбе России, почувствует физически, как велика трагедия страны, где нет достойных преемников высшей власти, которая кажется такой «заманчивой и необременительной» в периоды стабильности государства.

Напомню читателям, что одна из глав романа, была опубликована к 130-летию И. В. Сталина в «Приокских зорях» задолго до издания «Катехизиса идеалиста» (№ 4, 2009 г.) Анализируя военные триумфы России, национальную российскую историю, в которой были Куликовская и Полтавская битвы, Отечественная война 1812 г., русско-турецкая 1877 г., 1914 г., Гражданская, и, наконец, Великая Отечественная, автор убедительно показал, что са-

мый жизнестойкий вариант социального государства — социалистическое государство. Именно советский интернационализм, советская власть, как апофеоз народовластия, были в основе свершения трудовых и военных подвигов народа.

Писателю-исследователю удалось раскрыть многотрудную жизнь и историческую значимость личности, дел, мыслей, наследия великого Вождя, принявшего «страну с сохой, а оставившего с атомной бомбой» (Черчилль). Будучи верным Правде жизни и истории, А. А. Яшин показал душевную трагедию Вождя — патриарха, Генералиссимуса — идеалиста, не достигшего высшей своей цели, не оставившего достойных преемников, человека предвидящего, что после смерти его будут «проклинать и боготворить», что имя его будет «оболгано и оплевано», что на его «могилу нанесут кучу мусора». В романе, думая о будущем, Вождь пророчески предвидит извращение дел партии и народа, возможность разрушения СССР, «трагедию духа и воли», в чем виновны не только предатели номенклатурщики, но и сам народ в котором биологически возродится частнособственнический инстинкт. Не стану «выщипывать» цитаты из живой плоти романа, который оставляет сильное и долгое впечатление, заставляет перечитывать монологи, обдумывать целые страницы. Размышления великого Вождя и горькие наблюдения автора, поданы в романе так ярко и эмоционально, что читатель должен остаться наедине с ними, впитать их, прочувствовать сердцем, умом, совестью. А, поняв и приняв, поделиться как с единомышленниками, так и с теми, кто по недоумию, лени или в силу обстоятельств попал в «паучьи сети» иуд, предавших государство. А самое главное, донести истину, эти уроки Правды до молодого поколения. Роман острого гражданского звучания, требующий от читателя осмысления общественно-политического, социально-экономического, культурно-нравственного состояния современного общества заставляет задуматься о будущей судьбе России.

Сегодня, когда мир вступает в эпоху глобализации, рождающую тревожные вопросы о судьбе человечества и остром осознании необходимости общечеловеческого единства, роман А. А. Яшина становится явлением не только литературным, но общественным.

Позволю себе не согласиться с мнением Леонида Ханбекова, что писатель со своим романом «припозднился». Это своевременная книга с пронзительными уроками Правды, роман предупреждение о том, что мир без великих идеалистов может «уподобиться пустыне» и самое страшное, если эта пустыня, будет душевной, нравственной пустотой. Несмотря на тотальное облованивание сознания населения средствами массовой информации, общество становится все требовательней к информации, начинает отличать мифы от реальности. Роман не оставит равнодушными тех, у кого такая же четкая гражданская позиция, как у автора, для кого продолжают существовать законы нравственности, достоинства, совести, патриотизма. И до тех пор, пока из уст людей вырывается фраза: «Сталина на вас нет!», роман А.А. Яшина «Катехизис идеалиста» будет востребован, будет заставлять думать, сопоставлять, делать выводы. И верить, что все имена очернителей Истории, газетно-журнальных борзописцев канут в Лету или, как говорил Вождь в беседе с Коллонтай, «ветер истории все это развеет» и духовный потенциал народа раскроется во всей его масштабности и глубине.

Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление. М.: «Московский Парнас». 2010.— 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

Владимир Сапожников
(г. Тула)

ИСПОВЕДЬ ИДЕАЛИСТА-КОММУНИСТА

Кем же все-таки был Коба — товарищ Сталин? Кровавым злодеем, забрызгавшем кровью миллионов всю Россию, бывшую Российскую империю, сатрапом, шизофреником, подверженным навязчивой мании величия, с полным отсутствием критики своего состояния, как это бывает у таких душевнобольных?

Высокоинтеллектуальным человеком, гением, самостоятельно увидевшим светлое будущее народа, всего мира, искренне мечтавшим об высоких идеалах справедливости, социализма, коммунизма, как следующей неизбежной ступени развития человеческого общества?

Идеалистом, романтиком, восхищенно взирающим с юности на прекрасные поддунные картины Кавказских гор?

Закомплексованным в плане своей неполноценности с детства сыном (ходят слухи, что и внебрачным, от известного русского путешественника?) неудачливого алкоголика-сапожника из бедной то ли грузинской, то ли осетинской или иной кавказской народности семьи?

А были ли у него патологически-властолюбивого, порой до параной жестокого, прошедшего «школу» непримиримого соперничества с «иудошкой» Троцким, минуты человеческой слабости, оттаивания души, минуты раскаяния в собственной страшной гордыне?

Или он не случайно взял себе партийную кличку «Сталин», как бы подчеркнув, что он сверхчеловек, он не остановится ни перед чем при достижении поставленных целей: ни перед моралью,

ни перед совестью, ни перед кровавым грехопадением — ведь он же как бы из стали, он непоколебим, он стальной!?

Да, идея построения человеческого, справедливого общества всегда витала в умах людей в сложные моменты истории, когда особенно безобразно открывалось дикое расслоение людей на нищих, но постоянно работающих, и демонстративно жирующих на их труде, постоянно их грабящих, обворовывающих. Так было и во времена зарождения христианства, и во времена Великой французской революции, когда миллион голов был отпрепарирован через гильотину, и в 1917 году, когда даже терпеливый русский народ озверело начал срывать головы тогдашним олигархам, покрываемым безвольным, самым бездарным последним самодержцем всея Руси Николаем II.

Не дай бог, если нечто подобное повторится в нашей современной истории... Чувствуя это, нынешнее ворье спешно вывозит семьи, детей, наворованное за «бугор», «в офшоры», в Австрию, Испанию, а еще надежней — в мировой притон для ворья всех мастей — в Англию. Чуют, чувствуют седьмым чувством, интуитивно, что недолго им осталось править бал во время чумы в России...

Философско-исторический роман известного русского прозаика Алексея Афанасьевича Яшина «Катехизис идеалиста»*, только что вышедший в свет, не только о противоречивой личности Джугашвили-Сталина, жившего в не менее противоречивое время и в противоречивой стране. Это и размышления о нашем сегодняшнем, даже завтрашнем дне. Автору удалось, как видится, главное в его творческом замысле — мысленно перевоплотиться в образ самого Иосифа Виссарионовича, чтобы попытаться осознать, почувствовать мотивацию его — вождя поступков, поведения, исходя из тех представлений о нем и исторических фактов, которые окружали эту незаурядную, противоречивую личность.

Как оказалось, что бы выстроить, уловить логическую нить жизни Сталина, вроде бы «недоучившегося семинариста», как его иногда с издевкой представляют нынешние критики той эпохи,

* Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление. — М.: «Московский Парнас», 2010. — 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

нужно быть, как автор романа А. А. Яшин, и доктором технических, и биологических наук, профессором, академиком многих академий, заслуженным деятелем науки РФ, членом союза писателей России, лауреатом многих литературных премий...

Оказывается не таким уж «сырым» и глупым был вождь «всех народов»! А, как следует из захватывающего повествования нового романа о Сталине, был высоко самообразованным, разносторонним человеком, прекрасно разбиравшимся и в конъюнктуре и экономических, и политических, и общекультурных дел не только в СССР, но и в мире в целом. А кроме этого — самое главное — великолепно разбиравшимся в людях со всеми их слабостями, гордынями, амбициями...

А какие замечательные стихи сочинял юный Сосо Джугашвили! Они приведены и органично звучат в тексте нового романа А. А. Яшина в переводе В. В. Резцова.

При углублении в образ Сталина автору романа удалось провести интересные параллели с нашей нынешней действительностью.

Насколько они верны — рассудит время. По прогнозам здравомыслящих современных экономистов «час икс» наступит не через пятьдесят-сто лет, а через пару-тройку годков, если в стране все будет продолжаться так, по принципу самотека, неконтролируемого дилетантства во всех сферах жизни, где «рулят» дилетанты всех мастей, но «свои» люди...

Вождь всех народов, как следует из романа «Катехизис идеалиста», больше всего на свете не уважал дилетантов, но ценил и возвышал профессионалов. Его знаменитая фраза «...Кадры решают все...» — актуальна и для наших дней как никогда. Не могут эффективно руководить сельским хозяйством страны врачи-кардиологи, здравоохранением — бухгалтера, образованием — бывшие сотрудники НИИ, ни дня не работавшие в школе или вузе...

Такой кадровый дебилизм при Сталине был недопустим.

Автор романа обосновывает достаточно убедительно, что Сталин был человеком идеи, бессеребренником, идеалистом... Канул в мир иной, оставив после себя могучую державу с мощной индустрией, армией, флотом, с обществом трудящихся, а не на их горбу плодящихся... И это так.

Хотя такая историческая личность всегда окутана пеленой тайны. Не все однозначно было в Иосифе Джугашвили.

Версия событий и личности, представленная А. А. Яшиным, захватывает читателя с первых страниц романа, выглядит очень убедительно. Сталин предстает и с человеческой стороны, и как мудрый стратег, и, конечно, как истинный революционер, для которого борьба за построение социально справедливого общества на земле важнее всего остального.

Прочтешь несомненно художественно удачную книгу А. А. Яшина «Катехизис идеалиста» и ощутишь, как же нам сегодня не хватает людей идеи! Тех, для кого власть — не способ пришивания новых карманов на свою одежду для заполнения их украденными у страны денежными купюрами, не способ халявного наглого построения дворцов на Рублевке, приобретения недвижимости за границей, скандально роскошных яхт, а способ самореализации своих совестных качеств, работы на благо страны, народа... Как не хочется верить, что земля русская не обеднела такими людьми — идеалистами, такими вождями нации! История все расставит на свои места. И в конце концов каждый народ имеет такого правителя, которого заслуживает.

А Алексея Афанасьевича Яшина хочется искренне поздравить с большой творческой удачей — романом «Катехизис идеалиста».

Наталья Квасникова
(г. Москва)

ТЕПЛЫЙ ЗОВ «СТРАНЫ ХОЛОДА»

Когда закрываешь последнюю страницу хорошей книги, остается ощущение расставания, и еще не раз рука потянется к ней, а в душе навсегда будет отведено для полюбившихся героев и персонажей особое место. История мальчика Николки не отпускает от себя читателя от первой до заключительной строки. Автор, как говаривал незабвенный наш фантаст Иван Ефремов, скользит по лезвию бритвы, не впадая в sentimentalный тон, рассказывая о внутренней жизни ребенка, и не приписывая ему излишнюю «взрослость», — крайности, которыми нередко грешат весьма неплохие писатели, и детские, и не очень. Переходя из одного возраста в другой, люди чаще всего начинают страдать размыванием границ представления о прежних, более ранних этапах собственного восприятия мира. Ничего подобного не встречается в повествовании Яшина. Необычная суровость условий, в которых от рождения выпало расти его маленькому герою, безусловно, влияет на характер развития ребенка, придавая ему основательность и солидность, но не лишая наивности и обаяния, неотделимых от прожитых им пяти-шести лет. Перед читателем появляется «мужичок с ноготок», который, едва научившись ходить, крепко, сразу на двух ногах, обосновался на земле родного острова, он видит непростую жизненную реальность, участвует в ней без попыток «дезертировать» от ее сложностей, не утрачивая свежего и радостного взгляда на происходящие немудреные события. Для введения в глубь этой детской и, тем не менее, далеко не маленькой души автор находит верные и точные фразы: «...Сейчас-то он уже мог словами объяснить и метели с оттепелями, свертывание серого неба в веселые облака-барашки... Но год с лишком назад Николка все это понимал не словами, но как-то по-другому...» Пишет Яшин книгу для взрослых и речь формирует соответственно, — а тот, кто открыл ее, проникается заботами мальчугана, даже не изучившего пока алфавита — по малолетству. Любой человек, чье сердце не обу-

мажно погоней за деньгами, с увлечением будет следить за перипетиями течения времени на удаленном клочке земли, где жителей — раз-два, и обчелся, но вершат они важную для страны работу — обслуживают маяк. Прихлынет, как слезы к глазам, воспоминание о собственных первых годах, возникнет, хоть ненадолго, понимание, что чувствует и думает родимое чадо. Вдруг нагрянет осознание важности семейных уз, копейку стоящих по нынешним расценкам. «Страна холода» предстанет ярким образцом самого теплого товарищества и взаимовыручки.

Вместе помогают выгрузить корову-новоселку, вместе работают и устраивают застолья с «обсуждениями». Николкина мысль трудится непрерывно, постигая основы мироустройства, учење его давно началось, но он еще не осознает этого факта. Урок 1: глава семьи приобщает сына к литью дроби — дело немаловажное в суровых жизненных условиях. «Смотри внимательно,— говорил отец, принеся... ведро с разнокалиберными кусками свинца,— куски... гармошкой уминаешь, чтобы ковш плотнее набить и за один раз весь расплавить...» Урок 2: сосед Трофим Матронин показывает мальчику редкую книгу:

«...Интереснее было на страницах книги, ... где ... в целый лист красовались хотя и не цветные, но очень необычные, словно тонким пером нарисованные картинки: старинные... парусные корабли, люди в меховых одеждах, едущие верхом и в упряжке на оленях, а главное — шторма на море, скалистые берега... Все это... похоже на окружающий сегодняшнего Николку мир...»

Через оценивание поступков приходит к нему и понимание людей. Он смекалисто подмечает, что родитель, напившись любимого чаю, становится разговорчивым и благодушным, больше интересуется сыновними проблемами и вопросами (с кем из нас не случилось?); видит, — матери бывает скучно воспринимать мужнины философствования, но из уважения к супругу ей приходится имитировать внимание. Не всегда одобряет чуткий детский разум и заглазные отзывы взрослых друг о друге. «Познакомившись с Матрониным накоротке, до этого даже чуть побаивался его, почти всегда хмурого, как-то досадливо хромающего на левую ногу, Николка теперь с неудовольствием слышал упоминаемое в разговорах

дома прозвище Трофима — Колчедыкин. Нехорошо это, думал он, смеяться над несчастьем хорошего человека...»

Еще урок — Меловая бухта. Разглядывает мальчонка легко крошащийся белый камень и обнаруживает следы древней жизни — «...рисунки... хорошо ему знакомых ракушек, винтовых улиток...» Сама природа щедро дает растущему человеку первичное образование.

Не отстает и социум. На гребне радиоволн всплывает к нему из пучины геройский крейсер «Варяг», и под неторопливые отцовские разъяснения рождается уважение к отечественной истории, деяниям предков, любовь к родному краю, своей стране.

Убедительно разворачивается перед Николкой картина полезности школы, когда его старший брат Толька, опираясь на полученные в интернате знания, измеряет остров, «по правилам науки» осушает озеро. Ненавязчиво, просто, житейски воспитываются маячные ребяташки. Северное лето одаривает их множеством свобод и накрепко внедряющихся в восприимчивые души красот. Недаром в первой и последней главах немолодой уже человек Николай Андреевич хорошо вспоминает далекие годы, проведенные на будто неласковом, однако приросшем к сердцу клочке суши, хотя увела давно судьба, вполне благополучная, за тысячи километров от него.

Размеренное повествование ведется последовательно и логично, языком, вызывающим чувство добротности, прочности, точно подобранных интонаций и глубокого проникновения в сущность вариантов детского и взрослого мироощущения. Неподсахаренная, естественная людская жизнь. Автор владеет и словом, и знанием того, о чем пишет, благодаря чему книга необыкновенно интересна, тем более для читателя, никогда не бывавшего в столь дальних широтах.

Литературный почерк Алексея Яшина крупный, округлый, впечатляюще самобытный.

Леонид Ханбеков
(г. Москва)

ВОСПОМИНАНИЯ О СОВЕТСКОЙ ГИПЕРБОРЕЕ

В своей книге о творчестве Алексея Яшина* я начал первую главу следующим абзацем: «Мне кажется, с каждым из нас, в детстве, в ранней юности, случается событие, которое определяет всю последующую жизнь. Только мы, бывает, не отдаемся ему сразу с полным доверием, как материнской или отцовской руке. Или не находится рядом человека, который «расшифровал» это событие, как пророческий знак судьбы. Судьба-то, она непременно потом, через годы, выведет на ту, указанную дорогу...»

И — добавлю уже сейчас — если раннее детство это прошло в совершенно неординарной среде, а какой? — Читатель поймет это с первых страниц новой повести** известного русского писателя-прозаика из Тулы. Итак, это уже четвертая книга с главным героем Николаем Андреяновичем, литературным *alter ego* автора. Да он этого и не скрывает — хотя бы фактом представления первых трех книг на Бунинскую премию 2008-го года, что была объявлена в номинации автобиографических произведений. Дальше

* Ханбеков Л. В. Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина.— М.: «Московский Парнас», 2008.— 90 с., илл. (Серия «Созвездие России»); то же самое см. в книге: Ханбеков Л. В. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4.— М.: «Московский Парнас», 2009.

** Яшин А. А. Страна холода (Детство в Гипербореях): Повесть / Предисл. Л. В. Ханбекова: Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2009.— 351 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

«шорта» Алексей Яшин тогда не пошел; литературные премии дело тонкое; все, как сказал Белов в названии своего романа, впереди. Тем более, что по представлению «Московского Парнаса» за эти и некоторые другие свои книги Яшин стал лауреатом премий им. Александра Фадеева и им. Валентина Пикуля. Символично, что последний провел свое военное детство в тех же местах, что и герой яшинской уже тетралогии, а отец писателя, моряк-североморец Афанасий Яшин, в годы войны был знаком с юнгой Северного флота Вале́й Пикуле́м (см. «Тяжёло дышит синий норд»). До чего же тесен наш такой большой мир!

Но вернемся от любопытных литературных реминисценций к новой книге Алексея Яшина. Все мы, учившиеся в советской школе (про нынешнюю умолчу...), помним традицию русской беллетристики: создание автобиографических книг в триединстве детство-отрочество-юность. Лев Толстой и Горький, Gladков и Чаплыгин, Каверин и Гарин-Михайловский... И даже кто таких трилогий не писал, почти обязательно обращался к теме творческого взросления — в смысле понятийного, активного восприятия развертывающегося перед ребенком, отроком и юношей мира. Здесь достаточно назвать гениального «Подростка» Достоевского. А прекрасные сказки о детях Пришвина и Мамина-Сибиряка? Из новой эпохи, конечно, Аркадий Гайдар (не будь к ночи помянут его внучек...).

В эту традицию вносит свою лепту и Алексей Яшин, в определенном смысле бытописатель мурманского, флотского североморского Заполярья 50—60-х годов.

Итак, лето пятьдесят четвертого года — с незаходящим в тех широтах солнцем; на три-четыре месяца Страна холода сбрасывает с себя покров снега, рассеиваются плотные и вязкие, как кисель, вечные туманы, не штормит незамерзающее море. Всего год, как Николка вышел из затянувшегося младенчества; в тех местах детей не торопят во взрослую жизнь, жалеют, дескать, будут тебе еще труды и заботы, радуйся пока, малец, малым радостям уютного домашнего мирка. Вот исполнится тебе семь лет — и в Полярный тебя отвезут, в школу и интернат, на целых девять месяцев. А на каникулы? — Это если море долгосрочно не заштормит, и попутный военный катер сумеет пришвартоваться к скалистому пирсу-

камню островка Седловатого. Так закончится и у Николки беззаботное детство в Гипербореях.

Все это читатель найдет в повести. Понятно, это лишь антураж, хотя и сразу привлекающий, занимающий воображение читающего «Страну холода». Но ведь это не этнографическое описание бывших «медвежьих углов», а достаточно продуманное, через свою душу пропущенное повествование о становлении человека, хотя ростом и разумом еще человечка. Не нужно апеллировать ко всяким ученым-переученным психологам и педагогам; мол, сами с усами, и знали по своему личному опыту жизни: все в человеке — хорошее и плохое, творческое и обыденное — раз и навсегда закладывается в пять-шесть лет. А вся последующая жизнь как бы наслаивается на эту детскую основу. И если еще ребенком осознал себя как творчески мыслящую, вдумчиво наблюдающую натуру, то во взрослении тебя не оглупит даже современное, зомбирующее телевидение. «Яка така закавыка», как говорил вахмистр из «Парохода «Саратов» Бунина, а «закавыка» в том, что, увы, только восемь процентов людей могут самостоятельно мыслить, то есть мыслить творчески, а не по указке телеведущего. Я всегда об этом догадывался, но точную и аргументированную пропорцию эту мне сообщил в своих письмах Алексей Яшин; область его профессиональных научных интересов как раз ноогенез (ноо — разум, генез — развитие; греч.). Доверять известному ученому можно.

...Но как приходит к мальчугану этот зоркий взгляд на обыденные, казалось бы, вещи: дом, родители, семья, скалистый островок, его обитатели, все перипетии взаимоотношений в этом, почти изолированном мирке? — Конечно, многое дают гены, но не все. Значительна роль и тех условий, в которые поставлен этот человек: от характеров и взаимоотношений родителей до климата места проживания. Удалось ли автору раскрыть этот процесс душевного, мыслительного взросления только-только вступившего в сознательную жизнь человечка? — Об этом судить читателю.

Отметим весьма существенное. В гениальном «Подростке» Достоевского прослеживается одна мысль, являющаяся лейтмотивом книги: вся взрослая жизнь человека, особенно творческого, есть развитие вширь (синтез) и вглубь (анализ) всех тех наблюде-

ний-впечатлений, что заронила в душу ребенка среда его проживания и воспитания. Наш автор — прямое подтверждение этого философско-художественного утверждения Федора Михайловича. Действительно, кто прочитал две-три книги Алексея Яшина, а сейчас знакомится с этой повестью, сразу — и невольно — отметит про себя: а ведь вся мотивация поступков, действий, мыслей героев «взрослых» книг писателя являются развитием детских впечатлений Николки! А как может быть иначе, если и ребенок Николка, и мудрствующий (нелукаво) Николай Андреянович, и автор книг о них — одно и то же лицо, один и тот же ум и характер в динамике их развития и художественного отображения?..

И еще одна *nota bene*: как всегда неординарен, оригинален автор в художественном оформлении книги — об этом я писал в «Энциклопедисте»; де-факто Алексей Яшин возродил традицию русского литературного лубка. На сей раз он иллюстрировал повесть рисунками замечательного художника-этнографа XIX века Н. Н. Каразина — рисунками тех мест, где прошло детство и отрочество персонафицированного героя книги.

Примечание от автора «Страны холода». Как, несомненно, обратит внимание читатель, книга иллюстрирована одним из самых замечательных художников XIX века, работавших в этом жанре. Приведем его краткую творческую биографию из «Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона»: «Николай Николаевич Каразин (1842—1908 гг.), художник-этнограф, иллюстратор и писатель, один из учредителей «Общества русских акварелистов». Сюжеты иллюстраций Каразина — типы и сцены из среднеазиатской жизни*, военные сцены и пр. Романы и повести: «Двуногий волк», «В камышах», «На далеких окраинах» и др.».

Воспроизводимые ниже иллюстрации Н. Н. Каразина взяты нами из книги «Страна холода» (издана в 1877 году); также приведем из словаря Брокгауза — Ефрона биографическую справку об авторе этой замечательной книги: «Василий Иванович Немирович-Данченко (1848—1936), писатель. Увлекательно написаны путевые очерки: «Соловки», «Кама и Урал», «Очерки Испании», «Год войны» (собра-

* «Ориенталистские» иллюстрации Н. Н. Каразина были использованы в наших книгах: «Без руля и ветрил» (М.: «Московский Парнас», 2009) и других.

ние корреспонденций с театра войны 1877—78). Романы: «Плевна и Шипка», «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886) и многие другие. Сборник рассказов: «Незаметные герои» (1889), «Семья богатырей», «Святочные рассказы» (1890).

Полагаем, что приведенное выше напоминание не лишне, ибо сегодняшний читатель вряд ли что слышал о Каразине, а фамилию Немирович-Данченко ассоциирует исключительно с братом писателя — драматургом и совместным со Станиславским основателем и соруководителем МХАТа Владимиром Ивановичем (1858—1943). А вот в последней трети XIX — начале XX вв. их имена, как иллюстратора книг и писателя — причем оба выраженные этнографы — были известны всем читающим в России; как говорится, от семинаристов и гимназистов до царевых министров. Являясь корреспондентами ведущих русских журналов и газет, Немирович-Данченко и Каразин «из первых рук» знакомили Россию с событиями почти всех балканских и среднеазиатских войн Империи названного периода отечественной истории.

...Купив в 1969 г. в тульской «Буккниге» (на этом месте сейчас площадь Ленина перед зданием администрации), удивительно богатой в те годы на книжные раритеты, книгу Немировича-Данченко с иллюстрациями Каразина, прочитал в один присест — и не удивительно: минуло всего три года, как наша семья уехала из Заполярья, а именно этим местам и посвящена «Страна холода». И пусть в год издания книги еще не были основаны города Николаев-на-Мурмане и Александровск (ныне Мурманск, где я родился, и столица Северного флота Полярный, где я жил), но все в книге было предельно хорошо узнаваемо. И хотя герой уже нашей книги, шестилетний Николка, с радостным изумлением постигает открывшийся ему после беспмятных лет младенчества мир людей и предметов в самое теплое летнее время, но и он уже постоянно держит в уме, что живет в Стране холода, где, по присказке, девять месяцев зима, остальное лето. Поэтому-то и названа — в продолжение литературных традиций — наша книга тоже «Страна холода». Главное — рос Николка в то прекрасное время, когда холод физический, атмосферный многократно перевешивался теплом добрых, хотя внешне и грубоватых, людей советской, русской Гипербореи.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

**ОЧЕРЕДНОЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГАМБИТ
АЛЕКСЕЯ ЯШИНА**

Новый роман известного тульского прозаика и публициста, лауреата литературной премии им. Л. Н. Толстого Алексея Афанасьевича Яшина «Живые шахматы» захватывает читателя с первых строк произведения. Главная фигура повествования — уже знакомый по предыдущим книгам А. Яшина персонаж Николай Андреянович. Обычный, можно сказать, почти среднестатистический русский инженер, не лишенный талантов, увлечений, слабостей, даже пороков, с достаточно обычной для нынешних 50—60-летних людей судьбой. Эпизоды воспоминаний детства, отрочества, юности главного героя, смело вплетенные автором в палитру недавней советской, затем российской нынешней жизни нашей непростой страны, звучат гармонично и трогательно в «Живых шахматах».

Вообще весь роман А. А. Яшина по закуске, сюжету напоминает сложную, почти патовую шахматную партию. И неясно до конца повествования — кто же выиграл или проиграл, выиграет или проиграет эту партию: добро или вселенское зло, нравственная отеческая русская вера или сатанинские силы, захватившие Русь?

Жизненно, убедительно смотрится ублюдочный образ комиссара Гоши, почувшего, что в смутные дни Гражданской войны пробил его звездный час... Но даже этот образ неоднозначен, трагичен, местами просматривается в нем что-то человеческое, а не только желание царствовать, ломать, уничтожать других людей, их ментальность... Пренебрежение к менталитету русского коренного

населения ни к чему хорошему не приводило, не приводит и сейчас. Незадачливого комиссара «пустили в распыл» свои же... А святыни, пусть и разграбленные, оскверненные — но стоят...

Православие в России — это не столько и не только вера — это форма сбережения русского духа, русской культуры. И это должны уважать и учитывать все званые и незваные гости, заглядывающие в наши края, а тем более, если они отказались от устоев своей Родины и поселились среди русских! Без этого не выжить никому из иммигрантов! Да так и в любой другой стране. Не зря же люди, переезжающие в США, обычно даже меняют свои имена, фамилии на американский лад — лишь бы меньше выделяться среди коренных жителей и поскорее ассимилироваться среди них. И это нормально и разумно. Тогда не возникает событий, как в Кондопоге!

Роман А. А. Яшина захватывает различные события новой и новейшей истории России, русской цивилизации. Среди героев романа и легкомысленные, безответственные, ленивые студенты-балбесы шестидесятых годов, которые вместо того, чтобы честно проходить производственную практику, погружаются на пару месяцев в беспробудную пьянку, а потом еще донимают приколами незадачливого коменданта общежития, где они организовывали свои оргии. Достаточно неоднозначен и образ профессора, занимающегося околонучными дрызгами, лакействующего перед своим боссом, который его же и выгоняет с треском за неудачное лакейство.

Как тут не вспомнить известную шутку, которую позволил себе и за нее же чуть было не угодил в тюрьму в тридцатые годы прошлого века и тысячелетия гениальный русский поэт Александр Твардовский. На дружеской пирушке он спросил у своих коллег по перу: «А знаете, почему у товарища Сталина нет «известного места»?.. Подхалимы его начисто слизали!»

В городе Т., где главным образом и происходят события романа «Живые шахматы», византийский, полудиккий подхалимаж зачастую возведен в рамки нормы жизни. Например, многие подчиненные считают необходимым выстраиваться в очередь с подарками и поздравлениями с днем рождения к своему начальнику, хотя он их и не приглашал, и более того — никогда не вспомнит,

когда у них-то дни рождений! Но, если начальник перестает вдруг быть начальником — на следующий день после этого эти же бывшие его подчиненные не кивнут ему при встрече на улице. Не зря талант великого Салтыкова-Щедрина, как гениального сатирика расцвел именно в период его жизни в г. Т!.. С этим нельзя не согласиться с Алексеем Афанасьевичем Яшиным.

Яркие образы, живые картинки былого и нынешнего, неожиданные переходы из одного периода истории в другой в романе «Живые шахматы» наполнены постоянным юмором, оценками, пусть и не всегда однозначными (но на то они и авторские оценки!), происходившего и происходящего с нами. В этом смысле А. Яшин, несомненно, — продолжатель традиций Салтыкова-Щедрина, Гоголя в русской прозе. «Шахматная игра», которая развернулась на страницах нового романа А. Яшина, захватывает читателя, трудно оторваться от чтения. Возникают новые мысли, оценки... И все это свидетельство несомненного прозаического таланта Алексея Афанасьевича, который, безусловно, профессионально прибавляет от каждой новой плодovито написанной им книги. Наверное, выручают природный северный ум, разносторонние увлечения и интересы. Ведь А. А. Яшин не только член Союза писателей России, а еще и доктор технических и биологических наук, заслуженный деятель науки РФ и т.д.

Хочется поздравить автора «Живых шахмат» с беспорным литературным матом, который он в напряженной словесной, исторической игре поставил в своем новом интересном, во многом, видимо, автобиографичном, произведении.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

СУДЬБА РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ В ЕГО КНИГАХ

Вышла в свет книга известного московского писателя и литературоведа Леонида Ханбекова «Тульский энциклопедист» (М., «Московский Парнас», 2008), посвященная личности и творчеству известного тульского прозаика, и одновременно доктора технических и биологических наук, Заслуженного деятеля науки РФ Алексея Афанасьевича Яшина.

Приятно, что нашего земляка заметили и отметили изданием данной книги в столице. Подобного прецедента не припоминаю. И это не случайно.

Алексей Афанасьевич Яшин, как следует из подробного его жизнеописания в книге Л. Ханбекова, личность одновременно уникальная и в писательском, и в научном планах.

Выходец из поморского северного края, сын моряка, переживший с семьей и страной тяжелые годы послевоенного лихолетья А. А. Яшин не сразу пришел на стезю писательства. Этому предшествовала школьная пора в интернате под Мурманском, в Заполярье, общение с детства с мужественными северянами, суровыми, но прекрасными морскими пейзажами.

Затем, как описывает это Л. Ханбеков, пытаюсь понять причины писательского таланта А. А. Яшина, учеба в Тульском «политехе», работа и профессиональное инженерное становление в среде тульской оборонки, тяга к научным исследованиям. Ощущение потребности занятий писательским творчеством...

Л. Ханбеков касается не только многочисленных романов, повестей, рассказов, публицистики Алексея Афанасьевича, но и делится своими личными впечатлениями, раскрывает личную переписку с героем своей книги.

А. А. Яшин после прочтения интересно, живо написанного литературоведческого труда Леонида Ханбекова предстает перед читателями как поистине человек энциклопедических знаний в

области естествознания, технических наук, в области филологии, литературы.

Перед нами вырисовываются и замечательные человеческие качества А. А. Яшина — такие, как доброта, порядочность, честность, прямота, глубокое чувство патриотизма, преданности России — Родине... И понимаешь, что все это соединено в крупном русском писателе и разноплановом ученом не случайно — все это он впитал с молоком матушки, с морским нордом, прилетевшим на заброшенный в полярных широтах маяк, где и прошло детство А. А. Яшина. Думается, эти воспоминания окраинного детства и оказались для А. А. Яшина определяющими всю его дальнейшую творческую судьбу, пробудили в нем страсть к поиску истины и в житейских, и в научных, и в писательских делах...

Хочется сказать Леониду Ханбекову искреннее спасибо за несомненно талантливую книгу об исключительно талантливом, неординарном русском писателе и ученом Алексее Афанасьевиче Яшине.

Леонид Ханбеков
(г. Москва)

ВИДЕНИЕ И ПРЕДВИДЕНИЕ

Во время работы над книгой-очерком о творчестве Алексея Яшина* я попросил писателя из Тулы прислать нечто вроде расширенной, фактологической автобиографии: как жизненной, так и собственно литературной. С присущей «выпускнику Северного флота», как он себя именует, обстоятельностью Алексей Афанасьевич умудрился и свою биографию представить в форме художественного повествования. В частности, он образно описал историю появления рецензируемого романа** (передаю по памяти, поэтому не закавычиваю). Суть же в следующем.

Как-то в самом конце «эпохи позднего Брежнева», уже украшенного пятью геройскими звездами в два ряда, приснился тогдашнему инженеру-конструктору тульского оборонного предприятия и студенту-заочнику Литературного института им. А. М. Горького Союза писателей СССР головокружительный, но и обстоятельный сон. И еще один существенный момент. Обычно почти все детали сна забываются напрочь, остается только его «укрупненная» тема.

* Ханбеков Л. Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина. — М.: «Московский Парнас», 2008 (Серия «Созвездие России»); то же самое см. в книге: Ханбеков Л. Собр. Сч. В 4-х тт. Т. 4. — М.: «Московский Парнас», 2009,

** Яшин А. А. Видение на Патмосе: Роман-предвидение в 6-и частях / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы. — Москва: «Московский Парнас», 2011. — 407 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Но в данном случае, во-первых. Сам сон оказался построенным как продуманное художественное произведение с ясной фабулой, четким сюжетом и композицией... вплоть до характеристик наиболее колоритных персонажей. Во-вторых, все эти детали сна, даже второстепенные, никуда из головы не уходили до тех пор, пока наш сновидец, потратив пару месяцев вечернего бдения за письменным столом, не перенес все это на бумагу.

Получился роман. Явно с немалой толикой фантазии, но именно той, что принято называть жизненной. Все же автор не решился по провинциальной робости не то что «сунуться» в какое-либо издательство, даже в местное Приокское книжное, но ни словом не обмолвился на занятиях семинара (руководитель Борис Михайлович Зубавин) в Литинституте.

Главное — автор не мог сам себе объяснить: в чем суть аллегории, составившей сюжет приснившегося романа? Что символизирует медленное тление-гибель рядового, провинциального же коммунхозовского учреждения? Но как человек любознательный, прочитавший все, что можно было в те годы «достать» из книгохранилища областной библиотеки и домашних собраний друзей-книголюбов из изданий 20-х годов Фрейда, Лебона и их соратников, Алексей Яшин прекрасно понимал: все это не путанная игра сонного разума.

Действительно, сон — это чистая работа подсознания, то есть той гигантской (не по размерам!) вычислительной машины, что и осуществляет все процессы мышления человека. Работает эта машина сама по себе, зачастую не ставя в известность наше оперативное сознание — сиюминутное, вспомогательное.

...И вот у нашего автора его подсознание выдало аллегорическое и грозное предупреждение. Или предсказание — все на основе отображения реальной жизни. Примерно в таком смысле Алексей Яшин и писал в своей беллетризованной автобиографии.

Теперь же, уважаемый читатель среднестарших и старших поколений, вспомним реалии жизни на рубеже 70-х и 80-х годов прошлого века.

Престарелое наше политбюро во главе с дряхлеющим «вторым Ильичем» напугано решающим натиском Запада: от размещения в

Европе натовских ракет средней дальности со временем полета к Москве 15—20 минут. А бывший голливудский актер Рейган в духе продукции «Юнион Пикчерс» запускает мифическую «утку» о создании СОИ — стратегической оборонной инициативы.

Четко улавливающие настроения «бессмертных» советские СМИ нагнетают массовый психоз среди населения СССР. Были ли уже тогда эти самые СМИ подчинены, хотя бы и втемную, агентам влияния Запада? — Сложно ответить, такие концы всегда в воду прячутся. Но ведь никто не объяснял доверчивому народу, что в противовес натовским ракетам средней дальности уже массовой серией выпускается наша «Ока», детище коломенского академика Сергея Павловича Непобедимого, способная за те же 15—20 минут разнести в клочья все базы НАТО в Европе... Не зря же первой «сдачей» Горби-демократизатора Западу стало уничтожение «Оки» и снятие с должности генерального конструктора Непобедимого — в фарсе «выборов народных руководителей» предприятий.

И на голливудский миф о СОИ, которую в США никто и не собирался создавать, в СССР уже создавалась высокоэффективная антиСОИ*.

...Но никто об этом народу не говорил: СМИ уже загодя «перезагружались», говоря модным сейчас термином, на светлое капиталистическое будущее, а старцы из политбюро, как и все животные, становились все трусливее год от года.

Но все же наибольшую тревогу и неуверенность в своем будущем народ испытывал, интуитивно ощущая в наметившихся внутри страны тенденциях. Это сдвиг мотива на цель, говоря языком психологии, в части роста частнособственничества, накопительства и потребительства. Советский народ выдержал все невероятные испытания, но не смог устоять перед соблазном сытости 70-х годов и на глазах менял свой ориентир от коллективизма к сугубому индивидуализму.

* Это опять же по авторитетному мнению Алексея Яшина: свои две первые диссертации — кандидата и доктора технических наук — он защитил в ведущем московском авиационно-космическом институте, где был привлечен к названной тематике, даже стал тогда автором нескольких «закрытых» изобретений...

Поэтому совершенно неудивительно, что автор предваряемого нами романа, подсознательно анализируя эти невеселые тенденции, и отобразил все это в своей художественной аллегории. Более того — спрогнозировал рост тенденции разрушения до наших дней и, чего бы не хотелось, на последующие годы.

Что еще стоит сказать читателю, открывшему эту книгу? Аллегория автора столь ясна, прозрачна и незатуманенна, что автор не счел нужным менять реалистический антураж сюжета, то есть переименовывать контору в офис, столоначальников в менеджеры и так далее. А зачем? — Неужели что-то существенное, исключая порчу русского языка американизмами, изменилось за последнюю четверть века в сознании и бытии обычного человека? — Просто-го — по советской терминологии, обывателя — по нынешней... Разве что еще доселе невиданное в мире диспропорциональное разделение на сверхбогатых и сверхнищих? — Но это лишь один из признаков всеобщего разрушения в социальном плане.

...Как всегда в книгах Алексея Яшина, очень к месту иллюстрации. Здесь на контрасте: что строили и что получили в результате проигрыша СССР в Третьей (информационной) мировой войне, завершившей очередной этап мировой истории. А что дальше? — Надо постоянно держать в уме римскую формулу: «Ганнибал у ворот».

«ОТ ТРУДОВ ПРАВЕДНЫХ...»

Перед вами, уважаемый читатель современной русской литературы — именно литературы, а не коммерческой печатной жвачки, — двадцатая по счету, в определенном смысле юбилейная, книга* известного писателя-прозаика из Тулы, моего коллеги по руководству Академией российской литературы, главного редактора «толстяка» «Приокские зори» Алексея Яшина.

Уже не первый год он публикует свои новые произведения в

* Яшин А. А. Квадратная пустота: Роман-новелино / Предисл. Л. В. Ханбекова: академия российской литературы.— Москва: «Московский Парнас».— 2012.— 372 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

нашем издательстве Независимого литературного агентства «Московский Парнас» ... И традиционно предисловия к книгам Алексея Яшина «достается» писать вашему покорному слуге. Причем дело здесь не только и не столько в личных дружеских отношениях и деловом, литературном конечно, сотрудничестве по линии редактируемых нами периодических изданий — журнала «Приокские зори» и альманаха «Московский Парнас». Дело как раз в ином. Позволю себе немного «пофилософствовать».

В сложной, не хуже придворного церемониала, веками выработанной иерархии тружеников пера — они же избранники Муз — есть множество градаций: от коллежских регистраторов литературы «начинающих» и «подающих надежды» до высочайших титулов и определений таланта. И вот где-то между литературными коллежскими асессорами и статскими советниками наличествует титул писателя *самобытного*. С одной стороны, он несколько обтекаемый, с другой — что-то таинственно сокрывает.

...Это как безымянный палец на руке: вроде как не имеет родового наименования, но зато не участвует в сложении обидного кукиша, а главное — женщины именно на нем носят самую большую свою драгоценность: обручальное кольцо, а лауреаты журнала «Форбс», как любит повторять Алексей Яшин, на нем же демонстрируют «гайки с брюликами» из разворованного в 90-х годах Гохрана...

Не такой он простой — безымянный палец! Именно через него человек обручается на всю жизнь, а если кольцо ассоциировать с литературой, то это символ обручения с ней. Так и «самобытный писатель» — определение литератора *от-самого-быта*, то есть особым, отличительным образом обручения с художественной словесностью, более того — и обреченного быть-стать писателем.

К таким самобытным с полным правом следует отнести и Алексея Яшина. Потому и писать предисловия к его книгам не просто интересно, но это есть и познавательный творческий труд. Именно труд, а не работа — слово, вообще говоря, сомнительного достоинства: раб работает, а творческий человек именно трудится... Однако — от философствования — к делу.

Если предыдущие книги Алексея Яшина, его романы, повести,

циклы «рассказов Николая Андреевича», есть, по-преимуществу, «взгляд со стороны позитива на негатив», то «Квадратная пустота» разнообразит сюжетные ходы в арсенале художественных средств автора. Здесь все наоборот: статус главного героя романа получает что ни на есть самый отъявленный «негатив» нашего времени: представитель нынешнего господствующего класса — нувориш, чудовищное порождение запоздалой в рамках мировой истории эпохи первоначального накопления капитала.

Зачем автору понадобился столь радикальный прием? — А все за тем же, для достижения максимального эффекта художественного отображения действительности, вовсе не балующей нас избытком позитивного начала... и продолжения тем более.

В рамках художественного метода критического реализма, свято исповедуемого Алексеем Яшиным,^{*} это весьма действенный прием, причем хорошо и добросовестно апробированный в классической русской и советской литературе. Достаточно вспомнить, что называется навскидку, «Угрюм-реку» Вяч. Шишкова с его колоритным образом Прохора Громова, романы и пьесы А. М. Горького, произведения Чапыгина... Да разве всех зараз переберешь?

...Как говорится, прием и обстоятельства его приложения те же, но с поправкой на другое время, относительно которого уже за двадцать лет бытует характерная присказка: были времена потруднее, но не было подлее... По другому и не скажешь.

Если для того же Прохора Громова существуют и активно воплощены в его характере такие нормативные человеческие качества, как любовь, семейственность в определенном смысле, потребность человеческого общения, тяга к практическим знаниям, контролирующая самооценка, видение смысла своей бурной деятельности — правда, до определенного же момента, то для героя «Квадратной пустоты» все это ветошь, артефакт былой, ненавидимой им жизни, а все окружающее его — нуль, пустота. Откуда и название романа.

Это герой со многими отрицающими приставками «анти» есть

^{*} Заметим: исповедуемым Алексеем Яшиным не только в творческой практике, но и как предмет теоретизирования; см. его «Манифест нового русского критического реализма» («Приокские зори» № 1/2011).

воплощение взбесившейся мелкобуржуазной биомассы, вырвавшейся из-под семидесятилетнего санитарного спуда и злоопухолью растекшейся по 1/6 части земной суши. Это определение Алексея Яшина, образности которому не занимать.

...Читая «Квадратную пустоту», припомнил, что автор ранее уже опробовал этот сюжетный прием, а именно в рассказе «Вор у вора...», вошедший в книгу «В час волка». Понятно, что рамки рассказа, хотя бы и по-лесковски просторного, не позволили Алексею Яшину в полной мере реализовать этот сюжетно-характерный ход. Что же, такова диалектика писательского творчества в раскрытии довлеющей над ним идеи: от малых «пробных» форм к выстраиванию законченной композиции романа, который был и остается высшим воплощением прозаического жанра. Что бы там не говорили об окончании романной традиции в век интернетовского окололитературного мусора (мнения Лимонова и многих других).

...А можно и проще, без литературной терминологии сказать: новый роман Яшина о том «грядущем хаме» (по Д. С. Мережковскому), что уже стал самодовлеющей явью нашей жизни. Вот такие-то «господа из подворотни», вожаки и маяки устремлений столь лелеемого нами среднего класса, и правят бал в нашей разворованной стране. Ладно — разворовали, а русской истории воры всегда, исключая сталинские времена, были в законе. Нам — стать не привыкать. Но сегодняшний хам еще и культуру опустил до помоечного уровня (см. рассказ того же автора «Коллоквиум на помойке в «Московском Парнасе» № 2, 2011), науку с промышленностью, а равно образование и сами умственные способности некогда великого народа, свел почти к абсолютному нулю.

Что ни говори, как не мечтай о возвращении общества социальной справедливости и гармонии, но страной правят эти самые господа из подворотни. Правят в том, реальном смысле, что все государственное устройство, вся пресловутая демократическая надстройка служит им в своих законах. А не менее пресловутый средний класс — это та питательная среда мелкобуржуазной биомассы, человеческого навоза, из которой и выходят «в люди» эти самые «грядущие хамы», гигантские навозные мухи со стократ усиленным инстинктом бездумного накопительства.

И возникает естественный вопрос: а что за душой, вернее — неким ее подобием, у этого героя-гегемона наших дней? Вот такой вопрос и задал себе Алексей Яшин. И попробовал ответить в «Квадратной пустоте».

А зачем? Какова здесь сверхзадача? — Просто надо помнить: лишь немногие люди живут и действуют по стоическому принципу моральной самооценки: мне не важно, что думают обо мне другие, но мне важно, что я сам о себе думаю. Но большинство же чутко прислушивается к мнению других о себе. А уж как хочется так называемому простому человеку знать: а что думает о нем, хотя бы и обезличенном, типичный хозяин новой жизни? Вот об этом-то и роман.

Контрвопрос: а зачем ему, усредненному, знать мнение о своей невеликой персоне «со стороны» сильных мира сего? — Но ведь на то он и человек общественный, коллективный, даже в таком вот раздробленном коллективе-социуме, где один лопаает от пуза бублики, а другому достаются одни лишь дырки от таковых.

Так ему-то, дырочно-бубликовому, безразлично: а за кого его держат нынешние гегемоны такой удобной одним, но крайне неудобной для масс-медиа, жизни? — Ведь человек XXI века все же не овца, которой, в общем-то, безразлично: волк ли ее сожрет, или хозяин-джигит скушает ее мясо в шашлыке либо бешбармаке...

Хочется сразу остеречь читателя от двух предвкушений от чтения романа. В нем нет живописных картин в стиле сериалов о «волчьих девяностых» и вообще отсутствует детективная канва. Все же писатель Алексей Яшин если не выше (это от упреков в самонадеянности), то уж точно в стороне от пиаровской, заказной и прочей глянцевої беллетристики.

И второе: не следует особо настраиваться на социально-протестную ноту при чтении «Квадратной пустоты». Это не сверхзадача, даже просто не задача автора. Просто он следует основному содержанию творческого метода критического реализма: писатель всегда по определению находится в оппозиции к власти имущим. Но — как подчеркивает Алексей Яшин в упомянутом выше «Манифесте» — в оппозиции именно конструктивной. И еще один, но весьма существенный момент, — не зря автор проекта

«Манифеста» соотнес его с «новым русским критическим реализмом». Именно новым, учитывая, что базовая цель и задача современного критического реализма есть борьба с фактором расчеловечивания, увы, главной опасностью для современного человека. Неважно, где он живет: на зажравшемся Западе, голодной Африке, бушующей «исламской дуге», в небывало социально дифференцированной России, в Китае, сейчас непонятно с каким социально-экономическим и политическим строем...

И в этом расчеловеченье уже не важны строй, религия, история и традиции. Просто мировая эволюция вплотную подошла к реальному глобализму, где уже любой человек — винтик. Или гайка — кому как нравится.

Вот это и есть стержень романного действия. Да и само его название слишком прозрачно: ведь гениальность «Черного квадрата» (при всем нашем осторожном отношении к модернизму) состоит не в вековой запиаренности, не в образцово-показательной рыночной оценке, не в неиссякаемом интересе Запада к русскому авангардизму в живописи первой четверти XX века.. Нет, наивная гениальность (а разве она бывает иной?) этой незамысловатой картины-символа в том, что она олицетворяет бездонную пустоту отчаяния человека, не понимающего: для чего он живет? Но это и не пустота «Аленушки у омута», нет, Аленушкина пустота отчаяния еще может обернуться надеждой. Горе забывается. Но вот квадратная пустота надежды не сулит. Такая вот символика названия романа... Только ли романа? — А может и всей нашей нынешней жизни?

Яков Шафран
(г. Тула)

БОЛЬ ЗА ВСЕ И ЛЮБОВЬ НЕРАЗДЕЛИМЫ

В отличие от множества наводнивших полки книжных магазинов и библиотек гламурных романов, «мыльных» книго-сериалов, бесконечных детективов и «дамских» — и по содержанию, и по размеру, так как удобно помещаются в сумочку — повествований, оторванных от реальности фантазий и упрятанных под цветастую завлекающую обложку переплетений ужаса, насилия, крови, порнографии и пошлости (этот список можно продолжать и продолжать), роман известного русского писателя Алексея Яшина «Сны и явь полковника Хмурова» представляет широкий и глубокий срез современной жизни, выражаясь техническим языком, наилучшим образом выбранное сечение, дающее емкое представление о яви некоего города Тулуповска. Удачно выбранная форма романа, где события, происходящие в реальности сменяются снами (ведь сны — это отражения той же реальности), позволяет автору через своих главных героев, являющихся в сумме его альтер-эго, выразить как сознательное, так и подсознательное отношение ко многим вопросам и явлениям. И это очень важно, так как среди литературного «болота» должны же быть хотя бы небольшие участки твердой почвы — произведения, созданные в духе нового русского критического реализма, основной целью которого является очеловечивание человека и его деятельности в условиях все продолжающегося жесткого и жестокого глобализма. Вот такой твердой почвой и является предлагаемый читателю роман А. А. Яшина.

Подзаголовок романа — «Педагогическая поэма в 3-х частях» — говорит не только о том, что книга повествует о работе педагогов, а конкретно о работе и быте профессорско-преподавательского состава провинциального университета, представителем которого является автор, сам дважды доктор наук и профессор, но и о педагогическом воздействии правды на сознание читателя, ибо что сильнее и лучше правды может на что-то повлиять и что-то изменить. Зеркало можно выбросить или разбить, но от этого внешность лучше не станет. И еще, почему педагогическая? Глав-

ные герои, оставаясь людьми со всеми их большими и малыми недостатками, научают главному — необходимости глубокой порядочности, честности, профессионализма, любви к людям, к своим родным местам, начиная со двора, с улицы; любви к неотъемлемым корням жизни и человеческого существа — родителям, своему роду; научают любви к России и патриотизму, и святой боли (боль и любовь очень взаимосвязаны) за все большие и малые неустроенности, недостатки и несправедливости нашей современной жизни.

Много страниц романа посвящено положению дел в образовании города Тулуповска. Так называемый «болонский процесс» и многие другие «новшества» превратили некогда лучшее образование непонятно во что. Хорошее не должно становиться хуже, всякие изменения должны вести только к улучшению. А на деле двухуровневое образование. «Николай Андреевич с морской прямоотой определял это так: «Первый уровень не дотягивает до советского техникума, а второй — вытягивает деньги у родителей студентов». А ведь в старом образовании были полностью реализованы два права — право преподавать и право получать знания. И какая тяга была к получению именно знаний! Вот и хочется вместе с автором снова сказать — хорошее должно становиться лучше, а не хуже!

Поэтому герои — преподаватели университета внутренне беззлобно и с юмором ополчаются на этот непонятный им «болонский процесс», что и аккумулируется во снах полковника Хмурова. Следует особо отметить этот замечательный ход автора, когда в жанре сна добровольческая армия Тулуповского университета идет походом против защитников Болонского университета, самих одурманенных этим «процессом», в том числе и ради спасения их самих.

Но не только «болонский процесс» разрушает образование. Это делают и сами тулуповцы, выбирая жизненные приоритеты, цели, ориентацию своего жизненного движения. Из этого складывается общественное отношение к образованию и, соответственно, деятельность властимущих в этой области. Что еще может лучше характеризовать последнее, чем зарплаты профессоров и доцентов, преподавателей и учителей в школах, которые не превышают, а иногда и меньше зарплат дворников и кондукторов на транспорте.

«Зачем профессорам и доцентам за зарплату — пособие по

безработице из кожи вон лезть, вдалбливая в малоспособные головы тонкости наук? Все одно в стране инженеры никому не нужны... — говорит доцент-патриот с медико-физкультурного Язвишин. — ...Сам понимаешь, на наши технические и все прочие специальности большинство ребят идет от армии косить, а девок родители пристраивают: чтобы в проститутки-содержанки с юности не подались, а диплом получают — уже поздно: некондиция, перестарки!.. И далее и те, и другие думают, как бы после окончания вуза устроиться в самое зашибительное по деньгам место...» Об этом же и сон, где наилучшим образом проявляются желания студента-медика Димки — как можно меньше лечить и как можно больше зарабатывать, то есть брать за «лечение», а будет ли оно, это самое лечение, и не важно, главное, брать... Апофеозом сна явилось исцеление нефтяного эмира одним прикосновением руки (и никаких знаний!) и получение за это чека с большим количеством нулей. Да вот незадача, налетел ветер, и улетел этот чек из рук незадачливого «миллионера» (конечно, долларового!). Сон этот приснился Димке на лекции, поэтому сокурсники могли лицезреть его, «съехавшего со скамьи, засунувшего голову под крышку парты и что-то суетливо ловившего на полу, прихлопывая обеими ладонями...»

Что ищет большинство нынешних молодых людей в вузах? — Будущие деньги, деньги и только деньги (и если мало — не брать!) — спрашивает и отвечает автор. И, памятуя о том, что на одного работающего в нашей стране — один торговец, он прав.

В этом же плане очень характерен отрывок из диалога внучки с бабушкой, закончившей в прошлом ракетостроительный факультет с красным дипломом, когда на ее вопрос: «И чему вас там учат?..» внучка отвечает: «Не знаю, бабуля, еще не поняла. Но разве в этом смысл жизни современной? Мне надо фигуру совершенствовать, приискывать мужа-миллионера, а за диплом папаша, твой сынок, заплатит из доходов своего бизнеса». «Да, Дашенька, меняются времена. А вот и папа твой к обеду пришел. То-то подгнившими бананами запахло...»

И еще из одного сна — «...Главное, чтобы не торопился с официальной женитьбой, а то молодуха мигом доведет его до торговли бананами!»

Но есть, есть еще у нас настоящее юношество, есть, хоть и

малочисленное, утверждает в романе автор, «что искренне жаждет приобретения знаний...», несмотря на «препятствия на пути: профессора, от низкого жалования неаккуратно, с отвращением бормочущие свои доуки-лекции; вузовская администрация, выдающая в студентах не людей, но только источник внебюджетного финансирования; полное отсутствие перспектив применения полученных знаний после окончания обучения, несмотря на заразу болонского процесса с его ущербным бакалавриатом, никому не нужной магистратурой, на балльное крохоборство...».

И в ответ на это (видимо, во сне было найдено удачное решение) снится полковнику Хмурову следующий сон — где герои антиболонского похода серьезно обсуждают сдачу противнику в плен, чтобы их потом обменяли на министра обрнауки. «Мы с тобой возвратимся в свой Тулуповск, а министра как выдающегося реформатора ставят ректором Болонского университета». Ибо, как говорит полковник Хмуров в своем следующем сне, выступая перед антиболонской армией добровольцев: «...Их задача — добить наше образование и науку, оставить только подготовку юристов, бухгалтеров и держателей публичных домов. Нас становится все меньше и меньше, но пока мы чувствуем спины друг друга, сплотившись и ощерившись нашим оружием — знаниями, мы не покинем тонущий корабль науки и образования, хотя бы даже нижние чины этого корабля, то есть современные студенты, ленивы и нелюбопытны, а также изрядно наглы и хамоваты...».

Есть момент, который тоже не способствует улучшению положения вещей. В вузах число административных работников уже превышает профессорско-преподавательский состав. И все бы ничего, да на деле получается, что чем их больше, тем все становится бестолковее в Тулуповске. Завкафедрой Дьяконова раздражают показушные конкурсы, сборники, энциклопедии и так далее, все то, что отрывает преподавателей от учебного процесса, являясь по сути лишь прикрытием для «рубки бюджетной капуты» или возможности частным издательским лавочкам заработать с соответствующим «откатом». И самое главное, все вышеперечисленное ведет только к одному — к неуклонному снижению качества образования при том, что зарплаты административных работников в разы больше, чем у профессоров.

Алексею Яшину свойственен юмор. Да и как без умного юмора относиться ко многим тулуповским явлениям. Таким, как, например, прямая пропорциональность количества выпускаемых университетом юристов количеству преступников и обратная пропорциональность количества выпускаемых экономистов уровню экономического развития. Как верно подмечено: «Ребята вполне серьезно обсуждали: куда идти работать после окончания университета — в адвокатуру или в милицию? Вполне здраво рассуждали, явно не по юным годам; у адвокатов, конечно, доход большой и, главное, легальный, но надо много головой работать, выискивая лазейки для оправдания убийц и знатных воров. А голова — она не лошадиная, ее беречь надо. А вот в милиции доход тоже не меньший, зато утруждать себя работой не нужно. Но можно попасть в число стрелочников в месячник борьбы с коррупцией...» Мы видим глубоко меркантильное мышление наряду со слишком свободными современными отношениями.

Автор отмечает также, что тулуповская университетская жизнь не «отличается в части мытарств...» от прозябания «с бедственным обиванием «высоких» порогов и парадных подъездов капитаном Копейкиным», героем поэмы Н. Гоголя «Мертвые души».

Хочется обратить внимание на доскональное знание города и его районов, особенно тех, где жил и работал, живет и работает Николай Андреянович, начиная с возраста, когда его еще звали Николка; на любовь к родным местам. Это тоже подтверждение равнодушия и неотстраненности, что свойственно схоластическому мышлению многих «делателей», а, наоборот, сродненности, укорененности; и отсюда боль от всего недоброго, неправдивого, недостойного и несправедливого и, наоборот, радость за все хорошее.

Сюда можно отнести, назовем так, поэму «зеленки» — места с травяным покровом, обсаженного деревьями, где было и небольшое поле для футбола, и волейбольная и баскетбольная площадки, и агитплощадка с десятком скамеек и со сценой, на которой проводились концерты по праздникам, с которого звучали стихи молодых поэтов литобъединения из ДК, и выступал лектор общества «Знание», и политинформатор. Это было местом общения жителей района, где протекала своя особая в разные часы суток жизнь, в

которой объединяющими были соседские: взаимный интерес, сочувствие, взаимопомощь, да и просто общение. То есть все то, чего так не хватает в современной жизни, когда зачастую и соседи по лестничной площадке не здороваются друг с другом. Это было и местом проявления различных индивидуальностей, как неотъемлемой части общежития (ведь и сама «зеленка» была по сути такой частью общего жития). Это и разновозрастная детвора, и Томка с Вовкой, как и всякие друзья детства, запомнившиеся на всю жизнь. И участковый Пал Никитич, и Трофим, штатный дворник — пьяница, несмотря на то — ответственный по своей внутренней установке за все, происходящее на «зеленке», и по ошибке отсидевший срок Витька Манохин, и студент Серега Варфоломеев. Здесь и бабы-соседки, и студентки со старшими школьницами, с увлечением читающие свежие номера «Юности» и стихи Е. Евтушенко и А. Вознесенского, и работяги-мужики с металлургического, и учитель на пенсии Григорий Кузьмич, и даже умный пес Верный. Все эти образы настолько хорошо быстрыми и точными литературными мазками выписаны А. Яшиным, что надолго запомнятся читателям и будут неизменно рождать в них и свои собственные воспоминания.

«Где же ты теперь, зеленка?» — слышится ностальгический вопрос между строк романа. И в ответ: «...Нет теперь такой. Еще в середине девяностых косолапый авторитет Федька Ржаный, ныне предприниматель и депутат... Федор Андреевич Ржанов, отчуждил зеленку от коммунального хозяйства, обнес по периметру трехметровым кирпичным забором, а за забором поставил трехэтажный особняк, рядом гаражи на три машины, а на оставшейся территории разбил сад с аллеями, фонтан с летним открытым бассейном. Плакала наша зеленка».

А что же теперь в Тулуповске вместо «зеленок» там, где они не были «прихватизированы»? Теперь на их месте — помойки. Помойки и становятся местами общения жителей квартала. И мы читаем в романе антипоэму «Помойка». У помойки близ дома Николая Андреевича выведены наружу трубы теплотрассы. Теплые трубы привлекают школьников и уличных котят, тут же и недолгие выгулы собак и собачек всех пород, попеременно справляющих свою нужду. Здесь же сидят муниципальные рабочие в оранжевых

жилетах — гастарбайтеры из Средней Азии и местные, частенько равнодушные к «зеленому змию». Недалеко живет Зинка, окормляющая пьющий народ разбавленным дешевым спиртом. Помойка является местом встреч, а то и знакомств, во время выноса мусора. А вот и Нелька с Наташкой — «двадцатипятилетние честные содержанки», проживающие в соседних домах, которые после рабочей ночи «созвонились и вышли подышать свежим воздухом: на народ посмотреть и себя показать».

Но вот происходит нечто интересное возле контейнера, что привлекает внимание всех: «бомжи — двое мужиков и баба — что-то нашли, из-за чего слегка разодрались». Тут же ведут дискуссию и два пенсионера — оба отставные инженеры: один — сталинист, другой вроде как либерал: «Иногда соглашаются, но бывает и слегка переругиваются». Кот Баюн слушает, «набирается ума-разума в человеческих делах».

«А влево от помойки на толстой магистральной трубе... расселись отучившиеся на сегодня школьники и школьницы... Школьники... курят, пьют пепси-колу, а кто и пиво, матерятся. Школьницы же во все глаза наблюдают за Нелькой и Наташкой, профессия которых им хорошо известна — в одном квартале живут. Учатся впрок их манерам. Пригодится...»

Николай Андреянович всю свою жизнь до перехода на преподавательскую работу, как и сам Алексей Яшин, работал на оборону страны. Он знает все досконально по работе на оборонном НПО. И автор об этом периоде жизни своего героя повествует подробно и с любовью, как можно говорить лишь о родной семье, о доме. «...Приходили сюда молодыми специалистами, выпускниками военно-технического факультета, а прощались со вторым, может, и первым домом, уже далеко за пенсионным возрастом». С такой же любовью автор говорит и о кузнице оборонных кадров не только города, но и страны. «Все друг друга знают по студенческим годам в 1-м корпусе — солидном «сталинском здании с дорическими колоннами и массивным фронтоном». В его словах звучит и гордость за свой труд, за «изделия», которые идут на параде на Красной площади. И неизбывная боль за то, что вот уже «почти двадцать лет с грехом пополам прежние, советских времен раз-

работки» все пытаются довести до серийного производства, но почти ничего не получается. А причины — кадры, которые, как известно, решают все, и которых «в нашем «лесу» кот наплакал...» Ведь молодые в массовом порядке после окончания факультета уходят либо в торговлю, либо в офисные работники. На этом фоне патриоты — герои романа как удар восприняли закрытие Тулуповского артиллерийского института. И как иначе они могли воспринять это действие по отношению к старейшему оборонному вузу?

«У России два союзника: армия и флот» — говорили мудрые люди. Но до недавнего времени обороне уделялось недостаточное внимание. Это отразилось и в следующем: на ракетостроительный факультет (!) конкурса при поступлении почти что и нет. Вот и приходится «брать всякую шелупонь, что в другие места по своим ничтожным баллам не проходят...». Нет мотивации идти на эти специальности — «денег не поимеешь... и непрестижно»(?!).

«Сны и явь полковника Хмурова» — роман, впрочем, как и все творчество А. А. Яшина, патриотический, пронизанный любовью к народу и Отечеству. А что является основой такой любви, как не слово, вера и семья? Поэтому Николай Андреевич и ополчается против засилия иноземных слов: бизнесмен, менеджмент, олигарх, франчайзинг, сити-менеджер и прочих. Как будто в великом гармоничном вселенском русском языке нет своих соответствующих слов? Да и о чем мы говорим? — так и слышится вопрос автора. У них ведь и память-то компьютерная на отдельные слова и слоганы, птичий, компьютерный и матершинный язык.

Слово всеильно, а еще сильнее воздействие на подсознание образов и иных невербальных приемов, чем изобилуют многие телевизионные программы, рождая веру в «золотого тельца», в «счастье» (а вернее в скотство бесконечного потребления), разрушая семью. «Что поделаешь, телящик, прикажи ему, кто имеет на это право, все население не то что страны, но и всего мира в зомби превратит! Против лома, то есть телевизионного психотронного оружия, нет приема», — думает Николай Андреевич. — «...Может крестом себя осенить?..»

Кстати, Алексей Яшин очень точно подметил одно на первый взгляд странное явление — особый девичий язык. «Нет, даже не

своеобразная фонетика речи, скорее что-то похожее на акцент... То есть все девицы, начиная со среднеклассного и где-то лет до двадцати пяти — двадцати шести, причем по всей стране... говорят как-то не так, не совсем с русским прононсом. Очень похоже на речь грамотно изучивших наш язык иностранцев, точнее американцев. Во-первых, создается впечатление, что во рту у них перекачивается горячая картофелина; во-вторых, говорят очень бойко, почти скороговоркой, но вовсе безэмоционально, зато, опять же, не по-русски, в конце произнесенной на едином дыхании фразы делается вопросительно-восклицательное ударение... Откуда все это в них? От кого пошло-приехало?.. Ведь парни... ничего, по-русски говорят?.. Но почему девицы разговаривают с акцентом?» Интересное явление, отметим вслед за автором, есть над чем подумать, особенно если учесть, что возраст таких девушек — это возраст влюблений и далее ухаживаний, и далее выхода замуж, то есть возраст, как в народе говорят, «охмурения» ребят и молодых людей. А потом этот говор исчезает как правило.

Большое внимание и, как мы увидим чуть позже, не зря автор уделяет виртуализации социума. «Этот чертов компьютер и суточные «сидения» в Интернете, при всей их полезности, конечно, страшное дело с человеком делают, — жалуется Эдик-аспирант, — начинаешь ощущать себя вроде как одиночкой, ото всего изолированной единицей. Среди людей, событий и предметов живешь, но все это, даже в каком-то смысле отец с матерью и сестра, бабуля тож, кажутся... некими посторонними. Порой до дикости в мыслях доходит: думаю, вот дотронусь пальцем до кого-нибудь, а палец пройдет через них».

И самое страшное то, что это чувство одиночки — я и виртуальный мир (а значит, я — бог) — ведет ни к чему другому, как ко вседозволенности и к чувству безнаказанности. И автор рисует нам, к чему это может привести в исторической перспективе, рисует через сон полковника Хмурова о ноосферном будущем Земли.

Жестокий глобализм, как автоматическая мясорубка, с хрустом и безостановочно перемальвающий и традиции, и культурные ценности, и саму личность-одиночку в угоду единственной идее-фикс — целесообразности, может повлечь за собой только од-

но — царство иерархии машин, где роль человека сведена к комедийному присутствию на Земле специально разводимых как раритетные животные представителей исчезнувшего вида — сотни людей, якобы правителей. Что еще более подчеркивает сугубо машинную суть цивилизации. В царстве такого разума нет и не может быть места человеку, его душе, его горячо бьющемуся, болющему за все и любящему сердцу. Потому полковник, хотя и во сне, «вмиг протрезвевший вскочил с диванчика, чувствуя: сейчас либо сойдет с ума, либо... жаль пистолетов на этой планете давно нет в обиходе! Впервые в жизни бравый полковник зарыдал...»

Такое будущее не нравится и автору, все творчество которого говорит о необходимости очеловечивания всех процессов, происходящих вокруг, и одухотворения самого человека и его жизни; о необходимости изменения состояния вещей и в СМИ, где все подчинено рекламе и потребительскому духу, и в образовании с его обезьянничанием «с американского»; и в армии, которая является зеркальным отражением всего общества; и в научной и околонаучной среде, где «академиков» уже стало больше, чем самих ученых.

Будучи по происхождению из рода староверов и некрещеный автор, тем не менее, говоря устами доцента-патриота Язвишина, считает, что именно враги Православия «проводят линию на огосударствление церкви... приравнение ее руководства к самым высшим гражданским чиновникам...». И все это для того, «чтобы по религиозной линии столкнуть русское и мусульманское населения». И еще такая характерная деталь, автор романа не понимает, как можно допускать полупьяных матерящихся строителей до такого святого дела, как возведение здания храма. И все это в студенческом городке на глазах и на слуху у молодежи.

Алексей Яшин не приемлет и показную религиозность «до мозга костей» (по образу мыслей и жизни) атеистичных чиновников. Он обращает наше внимание также и на пустоту храмов. Да как же иначе может быть, если божком современных людей стал телевизор с его бесконечными сериалами, телешоу и передачами о том, как украсть миллион, а у молодежи — «комп», Интернет и доллар.

Возмущаемся вместе с автором и глобальной толерантностью. Какая может быть толерантность, когда кругом засилие потребительства, идолопоклонства, блуда, порнографии, наркомании, алкоголизма, лжеценностей, россиефобства, пофигизма, бесхозяйственности и пр., и пр.?!

Вот, в частности, в окрестностях Тулуповска — красивые сельские виды: «Ни тракторов грохочущих с комбайнами, бывшие поля превратились в ромашковые луга... Картохи для едова сельчане накопают в своем огороде, а в городские овощные лавки ее завозят из Италии и Белоруссии...».

На страницах романа, что свойственно Алексею Яшину, мы находим любовно написанные образы людей, близких его сердцу. Это Николай Андреянович и его коллеги по кафедре доценты Яцышен и полковник Хмуров, доцент-патриот с медико-физкультурного Язвшин, и заведующий кафедрой Дьяконов, и аспирант Эдька, и секретарь кафедры Марина Евгеньевна... Но есть еще образы, которые выписаны автором с особой привязанностью. Это простые люди — старший лаборант Прокофьич и курьерша Вера Тимофеевна, люди послепенсионного возраста, но продолжающие работать и в силу небольшой пенсии, и потому, что не привыкли они как-то без работы, без движения.

Так «пятьдесят лет трудится университетская письмоносица Вера Тимофеевна в своей непрестижной деятельности» и «за время своей службы... два с половиной раза обошла нашу... планету по экватору!». И за все эти годы она отличалась неизменностью одежды и всего внешнего облика, и тем, что ни разу (!) не взяла больничный. Как этот образ говорит нам всем о пользе аскетизма, который отнюдь не есть нищета, но и не богатство в его кичливости, о пользе во всем, в том числе и для здоровья!

Не менее интересен образ семидесятипятилетнего старшего лаборанта «из отставников невысокого чина, как то принято на военно-технических кафедрах», Прокофьича. Читатель через этот образ ощущает теплоту, почти семейную атмосферу на кафедре.

Красной нитью через роман проходит мысль о том, что во все времена были люди хорошие и плохие, порядочные и не очень, а то и совсем непорядочные. Но вот общее отношение человека к

жизни и к работе, к народу, к обществу и к стране, друг ко другу отличается в наше время от прошлого, как земля от неба.

Роман — это во многом ностальгия по прошлому, когда о людях меньше говорили, но больше для них делали. Взять хотя бы металлические ограждающие сетки шириной до метра, закрепленные на вмурованных в стену кронштейнах через этаж на всех высотах в стране, чтобы предотвратить суицид или случайное падение человека. Сейчас много говорится о суициде, но не делается даже элементарного.

Автор ставит во главу угла человеческую душу, которую невозможно ни убить, ни заморозить, ни одурманить, пока в ней жив высший божественный образ, о котором прямо можно не говорить, но о котором свидетельствуют любовь, сострадание и даже жалость к братьям нашим меньшим.

Холодно Николаю Андреяновичу в нынешнем Тулуповске, холодно по многим причинам и больно за многое, но у него, тем не менее, хватает душевного тепла не только для родного города и его жителей, но и для домашнего кота, зябнущего зимними вечерами, не имея возможности согреться ни у чуть теплых батарей, ни под холодной ртутной настольной лампой. О горячих батареях он на своем недолгом кошачьем веку, конечно, не знает, но вот о пышущей жаром простой лампочке накаливания он помнит хорошо — ведь они были совсем еще недавно.

В заключение скажем — роман «Сны и явь полковника Хмурова» получился. Роман интересен, оптимистичен, увлекает, научает, делает нас более человечными, более патриотичными. Прочитав, читатель понимает, что пока живы такие люди, как его герои, альтер-эго Алексея Яшина, все в итоге будет хорошо. И если бы полки книжных магазинов и библиотек были наполнены произведениями подобного плана, то жизнь в Тулуповске и далеко за его пределами стала бы намного лучше, ибо все изменения начинаются, прежде всего в сердцах и головах людей — каждого из нас, дорогой читатель!

Геннадий Мирошниченко
(г. Щекино)

**ГАРМОНИЯ ИРОНИИ
В РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ ЯШИНА
«ЛЮБОВЬ НОВОЮРСКОГО
ПЕРИОДА»**

*Геннадий Мирошниченко (Геннадий Мир) — поэт, прозаик, ученый, автор 30 книг. Предложил объединительное для всех видов человеческой деятельности знание на основе открытия всеобщей критериальности Природы и ввел новую, критериальную форму сознания. Его поэма «Начало» в 1978 году в поэтическом конкурсе Центрального телевидения СССР и заняла первое место. Некоторые песни, написанные им и другими композиторами на его стихи стали лауреатами музыкальных фестивалей и конкурсов.**

Философия

Критик, приступающий к анализу произведения, обязан быть честным и серьезным. Иначе, его не воспримут как критика. Еще он обязан вписать произведение, которое рецензирует, в общую канву литературы как формы общественного сознания. Последнее является обязательным, ибо речь по воле автора произведения, в данном случае, Александра Яшина, идет о философском романе «Любовь новоюрского периода», изданном в Москве в 2009 году в издательстве «Московский Парнас», 712 страниц.

Рецензент, однако, прежде чем приступить к формулировке своих мыслей по поводу философского романа, должен составить

* См. также на сайте Геннадия Мирошниченко, портал <http://genmir.ru>

свое особое философское мнение о жизни и ее принципах, чтобы, в свою очередь, быть интересным и с вершины своего понимания жизни произнести что-то дельное. Конечно, при анализе романа Яшина можно остановиться на его литературных достоинствах и литературных промахах, можно принять точку зрения Екклесиаста и, сославшись на его знаменитое «все — затей ветряные», еще раз пропустить нашу жизнь через всем надоевшую мясорубку бестолковости и бессмысленности мира.

Рецензент, однако, будет исходить из совсем других критериев, смысл которых он постарается объяснить по ходу своего повествования. А в конце рецензии он постарается по-своему расставить точки над *i*, чего бы ему это ни стоило.

Итак, мы уже, кажется, достаточно подготовили читателя рецензии к впитыванию смысловой информации, которую породит уже не автор романа, а автор критического отзыва. И начнем, пожалуй, с юмора. И первое, что приходит из вопросов на ум, это «Почему роман имеет подзаголовок философского, но не философски-юмористического?» Бестолковость жизни, о которой пишет автор, — это обычное топтание на месте, отсутствие понимания нового. Перспектива быть потерявшимся на этой грешной Земле — не из приятных. Чем закончится эта рецензия, читатель узнает, если осилит прочитать ее до конца.

О смысле жизни

Что такое гармония в литературе? Касательное, объединенное единой идеей нанизывание разнородных виртуальных объектов, выраженных словами, на единый авторский стержень воображения в их отношениях. Кажется, роман, который я теперь постоянно держу у себя на столе, полностью отвечает этому определению. Иногда я беру его в руки, открываю наугад на любой странице и, забывая все, читаю какой-нибудь отрывок из текста. Признаюсь честно, он мне понравился, несмотря на свою ужасающую некоторых читателей толщину.

Философский роман тульского прозаика Алексея Яшина называется «Любовь новоюрского периода». Чтобы стало ясно, как ав-

тор-критик понимает слово «новоюрский», приведем цитату из Интернета, с которой можно согласиться почти во всем:

«Юрский период кончился вымиранием динозавров. Там виноват климат-космический катаклизм. Новоюрский закончится также печально, но вместе с динозаврами вымрет большая часть разумной биосферы, но причина заключается в том, что сами динозавры из жадности разрушили среду своего обитания. Вот и разрешается вопрос: РАЗУМЕН ЛИ ЧЕЛОВЕК МЫСЛЯЩИЙ? Если бы он был мыслящий! Скорее ненасытный и недальновидный. После нас хоть потоп,— так рассуждали многие, сжирая все на своем пути к абсолютному обществу потребления и... потоп наступает еще при их жизни. После них уже потоп страшен не будет. Некого будет топить. С ПОТОПОМ Вас, дорогие потребители!». (<http://www.newsland.ru/News/Detail/id/325700/cat/10/> комментарий от 19.12.08)

Кажется, не столько об истоках и причинах возникновения новоюрского периода нам следует говорить, сколько о том, как это стало возможным понять и изобразить писателю, чтобы удивить нас. Ведь роман философский. А, значит, автор, претендуя на высокую литературу, одновременно вбрасывая в наше сознание мысль о жизненных смыслах, хитро наблюдает за тем, как мы воспримем его длинное, романное, повествование о жизненных злоключениях его героев.

И в то же самое время философский базис никак не может обойтись без анализа этических основ, которые были нарушены людьми, вольно или невольно оказавшимися в новоюрский период в описываемом автором месте действия романа. Автор, в отличие от великих русских поэтов-трагиков, слишком всерьез воспринимающих жизнь и потому часто кончавших самоубийством, на высокой ноте иронии и сарказма выстраивает свои отношения с героями романа. Смысл жизни их не замыкается на единственном элементе из всей партитуры ценностей и не обрывается вдруг на взлете их романтизма. Наоборот, смысл их жизни может менять центр своего притяжения, и тогда для самосохранения герою становится необходим небесный помощник. И таким помощником для них, как становится ясным из повествования, является автор. Часто одним

лишь ироническим замечанием он отрезвляет и своего героя, и нас с вами, когда вдруг земля уходит у нас из-под ног, а сознание отказывается дать трезвую оценку происходящему.

Примеров сказанному можно найти чуть ли ни на каждой странице, иногда подобное выливается в отвлеченные авторские размышления, увлекающие нас в иной мир фантастического представления действительности.

О счастье Эпикура

«Жизнь — вот главное наслаждение», — сказал Эпикур.

Автор нашего романа как настоящий эпикуреец заставляет страницы романа служить вполне конкретным нуждам: он ищет способ избавления человека от страданий, которые снизошли на него вследствие грехов всего человечества. Но делает это по-своему, своеобразно, заставляя нас сопереживать с его героями, быть в их шкуре.

В отличие от пессимизма классического буддизма, проповедующего полный отказ от желаний, Эпикур предложил миру людей ограничиться теми потребностями, неудовлетворение которых ведет к страданию. От остальных желаний следует отказаться — так проявились в этой философии мудрость и благоразумие. Такой подход напоминает нам теоремы с доказательствами «от противного»: снять противоречие страсти проще всего ее удовлетворением. И хотя так и до наркомании недалеко, мы все равно сочувствуем героям романа, оказавшимся, как Буриданов осел, между двумя охапками сена в раздумье о том, к какой же из них двинуться, чтобы утолить свой голод. Подобное философствование часто заводит наших героев сразу в оба тупика. Автор, чтобы читатель от нерешительности и отсутствия выбора конкретной охапки сена не умер и не отбросил роман в сторону, уверяет нас в наличии некоего третьего варианта существования: в несерьезности всего происходящего вокруг нас и внутри нашего сознания. Наша тщета о вечном существовании позволяет автору всю насмехаться над нашими переживаниями, которые, по его мнению, стоят не более одного анекдота.

Главный интерес для автора как эпикурейца, несмотря на вербальный и быстро убаюкивающий нас характер произведения, представляет чувственный мир как глобальное полотно художника. И как Эпикур, автор уравнивает свое счастье удовольствием окружающего мира, его внутренним благородным спокойствием, в котором его герои понимают и принимают основной этический принцип — при безграничных желаниях человека средства их удовлетворения все-таки сильно ограничены. Отсюда мягкий трагизм ситуаций и легкая нотка пессимизма, когда становится понятно, что достичь желаемого в одной жизни невозможно.

Читая роман, мы видим, мы чувствуем счастливого автора, пребывающего в таком состоянии не от своего «бесконечного сочинительства», а от наслаждения из-за общения его со своими героями, философами жизни по-своему. Ведь философским этот роман стал не столько от подзаголовка, удивившего многих и даже отпугнувшего некоторых читателей от него, сколько от искрящегося интеллекта автора и его героев, делающих попытки проникнуть и в запретное, и в мистическое наряду с трагизмом непонимания таких, казалось бы, простых истин, о которых мало кто за пределами их круга задумывается.

Истинный философ жизни — это человек, во многом оправдывающий проступки других людей и сурово казнящий себя за те же самые проступки, но внушающий веру в призрак счастья у других людей. Все-таки сквозь смех автора над самим собой и над другими, мы замечаем у него и у его героев и слезы какой-то небесной печали, какой-то неясной тенью или прозрачной занавеской отделяющей нас от понимания полного счастья.

О свойствах сознания в литературе

Думаю, что я не открою Америку, если скажу, что меня удивило в стиле Алексея Яшина: пребывание автора как художника в нескольких параллельных мирах одновременно. Именно жизненное пребывание очевидца и действующего героя, а не присутствие в качестве стороннего наблюдателя. Автор подкрашивает своих героев до некоторого стереотипа, выбранного им самим, своей особен-

ной словесной кистью и мягкой модальностью самой ситуации. Отсюда и яркая, пастельная гамма его красок как художника, несущего необычное отличительное качество своего таланта.

Богатейшее предикативное (описательное) мышление автора позволяет не только заиграть роману яркими красками дивной гаммы инструментов из бесчисленного оркестра мастера, но, главное, постоянно подводит нашу мысль под ощущение новизны его взгляда с высоты, доступной одному автору. А нам лишь в пору удивиться таким богатством содержания.

Мы, читатели, могли быть убаюканными медитативными, небывалой красоты, картинами и образами его культуры, если бы не нотки беспокойства о судьбе обычного человека, профессионала, попавшего в капкан мирового и российского кризиса и незнающего, как из него выйти.

Нынче модно стало говорить об измененных состояниях сознания, о коллективном сознании, о гипнозе. У автора романа мы много находим мест, когда переживаемое его героями воспринимается нами как внушение, благодаря чему внушенные мысли полностью отрывают нас от примитива собственного реального состояния психики. Мы начинаем не просто сочувствовать героям романа, мы становимся ими самими, погружаясь в их оценки ситуаций и мыслей.

Талант писателя, по убеждению пишущего эту рецензию, и состоит в том, чтобы преобразовать сознание читателя в направлении внушения автора. Однако часто писатели добиваются положительной реакции читателя тем, что показывают всю глубину негативного погружения своего героя в точное описание какого-нибудь разрушающего действия. А. Яшин не идет по этому пути. Нарисованные им картины отрицательного свойства мира пронизаны яркими ироническими нитями тонкого внутреннего анализа. Отсюда и глубина философского осмысления читателем, происходящая даже независимо от его воли.

Конечно, литература гипнотизирует нас своими оценками. Доброта, которая излучается со страниц рассматриваемого романа,— это главная оценка труда и таланта его автора.

Об оценках

Любое произведение, а тем более литературное художественное, несет в себе отражение оценок автора о тех событиях и героях, о которых он повествует. Интересно коснуться этого вопроса в отношении рассматриваемого нами романа. Ведь в оценках проявляется не только этическая вершина автора, но и более широкое поле критериев современного человека, задержанного постоянными критическими ситуациями жизни и в быту, и на службе.

Ирония автора романа над происходящим — это, пожалуй, главная модуляция книги как части нашего живого сознания. Иронией пропитаны все страницы произведения, все его предложения, весь инструментарий конструктора. Почему вдруг автор выбрал такой метод повествования в отличие от многих других методов и способов изложения литературного материала? Ведь история знает множество примеров, когда авторы произведения буквально были зачарованы, загипнотизированы событиями, о которых они писали, и становились рабами литературного процесса, вплоть до самоубийств, когда причиной их оказывалась малая доля совпадения их внутренней логики с логикой развития реальных событий.

Вспомним хотя бы гения Льва Николаевича Толстого в тот период его жизни, когда он, осознав вдруг через смерть своего младшего сына Ванечки нравственную высоту сознания человека, внезапно до полного омерзения понял смысл своих, уже признанных великими, произведений о глубине падения души человека. Он понял, что ему срочно надо что-то делать с собой такое, что позволило бы ему остаться наедине с Богом, быть прощенным Им за свой литературный грех. Такие состояния толкают людей на крайности, и Л. Н. Толстой замечательно и гениально продемонстрировал нам лучший, может быть, выход из плена человеческого зла и человеческой ненависти, уйдя в высокое пространство человеческого духа.

В романе А. Яшина мы, наоборот, не находим той отупляющей безысходности жизни, стремящейся к смерти, которая так характерна, к сожалению, в сегодняшнее время для многих литературных произведений.

Отторжение авторской фантазии от автора

Человечество уже давно поняло, что руками и мыслями людей создается некая большая суперсистема-организм, с некоторого времени начинающая жить по своим высшим законам, во многом противоречащим законам создавших ее людей. Таков организм государства, таков глобальный мир. И рано или поздно, но у многих людей начинается отторжение создания от создателя, такое, какое бывает при отторжении мозгом отдельных клеток или клеточных агрегатов человеческого организма. Мы знаем, что раковые образования во многом являются результатом таких изменений в сознании. Но и дела благородные, в которые автор вдохнул часть своей души, тоже подчинены этому закону.

Так и в романе Яшина о любви, где он недвусмысленно пытается убедить нас в необычном и прокричать о том, что наши дела, большинство их, разрешаются совсем не на земле. И делает он это мастерски, тонко и смело. И, главное, с юмором, который буквально заливает почти все страницы книги.

Множество людей боятся юмора сильнее смерти. Смех люди всегда приравнивали к самому сильному пси-оружию массового и индивидуального поражения. Некоторые считают юмор грехом и потому даже избегают шутить. Им кажется, что юмор является результатом действия, когда человек что-то передергивает в своем повествовании, обманывает. Однако, настоящий юмор — это всегда игра на парадоксах, если под парадоксами понимать мирное взаимодействие двух крайностей. Ведь в нас те же самые крайности уживаются чисто парадоксальным способом: в одной ситуации необходимо поступить так-то, а в другой — противоположным образом. И не перепутай! Если же такая путаница случается, то в который раз достигается известный исторический итог, провозглашенный нашим бывшим гигантом-хозяйственником: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

В даосизме вышли из положения антагонизма крайностей довольно просто, провозгласив срединный путь: иди посредине между крайностями, и все будет хорошо. Но юмор в том и состоит, что так идти можно, лишь контролируя расстояние до крайностей и

качество самих крайностей. Согласитесь, что это уж слишком для нашего человека, который не на шутку постоянно озабочен выбором варианта жизненного продолжения и, как правило, чаще всего ждет подсказки со стороны. И чаще всего это не выбор, кому служить — Богу или мамоне, — а соединение в себе двух противоположных типов человека, способного как на подвиг, так и подлость. Отсутствие в ком-то из нас главного критерия доброты часто приводит к ситуациям и даже, как показал Яшин, к жизни человека, у которого пустота его смыслов приобретает звенящий характер. А это, согласитесь, является хорошей приманкой для таких талантов литературы, как Алексей Яшин.

И в нашем обществе раздаются голоса о необходимости золотой середины в жизни, срединного пути, как у китайцев в Дао. Однако, Дао требует соблюдения уже известных требований этической чистоты, чтобы в своей серьезности не попасть в зону двойных стандартов. Раздвоенность нашего человека прекрасно и с большой любовью к нему описана в рецензируемом романе.

Как убеждает автор романа, у нас есть лишь один срединный путь — юмор. Мы не знаем крайностей жизни, но юмором мы моделируем их и переносим условия крайности, края, на нашу сегодняшнюю жизнь. И смотрим, к чему это приведет. И смеемся над собой. И не надо обижаться на автора за это — он прекрасно показал нам особый путь нашей жизни, в котором и кроется ее прекрасный смысл.

Ирина Пархоменко
(г. Плавск)

НИЧТО НА ЗЕМЛЕ НЕ СЛУЧАЙНО

(Рецензия на книгу Леонида Ханбекова
«Тульский энциклопедист» *)

Для того чтобы заглянуть в лицо к ним (Гёте и Байрону), для доступа к высотам их не помогут ни ползки, ни прыжки: тут надобны крылья... И крылья орла,— прибавил Грибоедов.— Солнечные лучи играют и в блеске, и в капле, но только масса воды может отразить целое солнце, только высокая душа может обнять полную мысль творца.

А. А. Бестужев-Марлинский
«Знакомство мое с Грибоедовым»

Прочитала книгу Леонида Ханбекова об Алексее Яшине «Тульский энциклопедист». И первые же строки подтвердили непреложную истину: «Ничто на свете не случайно». Думаю, практически каждый может применить к себе эти слова.

«Мне кажется, с каждым из нас, в детстве, в ранней юности, случается событие, которое определяет всю последующую жизнь. Только мы, бывает, не отдаем ему сразу с полным доверием, как материнской или отцовской руке. Или не находимся рядом человека, который «расшифровал» это событие, как пророческий знак судьбы. Судьба-то, она непременно потом, через годы, выведет на ту, указанную дорогу. Но как жаль, если случается это уже запоздало, а то и вовсе поздно, когда ни сил, ни здоровья, ни запаса лет впереди... Наша история оптимистичнее».

* Ханбеков Л. В. «Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина». — М.: «Московский Парнас», 2008. — 90 с. (Серия «Созвездие России»); см. также в Т. 4 Собрания сочинений Л. В. Ханбекова (М., «Московский Парнас», 2009).

Читала дальше с удовольствием и упоением, ибо узнавала новые факты из биографии давнего наставника и хорошего друга, узнавала героев его произведений. Как бы ни старались литераторы «выдумывать», «сочинять», никакие «высасывания из пальца» не заменят реальной жизни, ибо она весьма и весьма непредсказуема. И прав был Булат Окуджава, говоря, что «из собственной судьбы я выдергивал по нитке». Вот эти нити собственной судьбы, влетаясь в характеры персонажей, делают их живыми, близкими и понятными, при этом образуется полный очарования узор произведения.

Творческие натуры могут часами любоваться самым безыскусным, невзрачным на первый взгляд цветком, потому что умеют «видеть». Бажовский Данила раскрыл секрет этого умения: «Засмотрелся я маленько. Букашка по листочку ползла. Сама сизенька, а из-под крылышек у ней желтенько выглядывает, а листок широконый... По краям зубчики, вроде оборочки выгнуты. Тут потемнее показывает, а середка зеленая-презеленая, ровно ее сейчас выкрасили... А букашка-то и ползет...». Потому умный читатель не остается безучастным к метким фразам, точным характеристикам, необычным находкам. Лаконичность, четкость, но отнюдь не сухость изложения, умение анализировать и излагать вроде бы давным-давно известные факты с необычной стороны — все это присуще произведениям А. А. Яшина. Они, на мой неискушенный в рецензиях взгляд, похожи на раковины-жемчужницы: внешне просты и безыскусны, но таят в себе настоящее сокровище человеческого разума. Не все только хотят потрудиться, чтобы извлечь его на свет божий.

Вопрос прихода не только к научному творчеству, но и к литературному, увлекательно раскрывается Леонидом Ханбековым в живой беседе с героем его произведения. Почему сей вопрос интересует не только автора «Тульского энциклопедиста»? Вопрос поистине риторический, поскольку почти каждый человек примеряет на себя другие личины, пытаясь ответить, как другие «докатались до жизни такой», сравнивая себя и свои способности с чужими.

Вот и Леонид Ханбеков справедливо отмечает:

«История» Алексея Яшина куда богаче того, что преподается на кафедрах современных университетов и пединсти-

тупов, тесно ей и во многих академических фолиантах, поскольку кандидаты и доктора привычно молятся на труды своих учителей.

А он совершает дальние экскурсы в XVI—XVII века и по-своему анализирует становление российской государственности, бесконечные поползновения на гигантские православные просторы католической Европы, не чурается поразмышлять о сторонниках и противниках гомосексуализма в России, вчерашней и нынешней; о борьбе Сталина с поднимавшим головы троцкизмом во всех его проявлениях.

Ученый, он вспоминает тщательно замалчиваемый анализ работ Эйнштейна. Его шесть десятков лет назад опубликовал в Штатах Гедель, (автор теоремы о неполноте), в своих заметках о научной теории и идеалистической философии.

Я не большой знаток теории относительности, но мне были страшно интересны яшинские размышления об ее истинных отцах — Лоренце, Пуанкаре, Минковском, Давиде Гильберте...».

Вообще, Алексей Афанасьевич умеет находить в истории различные «изюминки» для любого читателя. Леонид Ханбеков, анализируя роман «Историк и его история», признает, что на отступления лирического свойства «имеет полное право всякий романист. Это, в некотором роде даже и похвально, поскольку автор (или его герой) предстают перед читателем в этом случае куда более объемно и убедительно, демонстрируя свои пристрастия и привязанности, увлечения и круг общения».

Сетует Ханбеков на необоснованность включения в текст романа определенных тем и весьма подробное изложение оных, но нелишне будет заметить, что у всякого автора есть свое видение произведения, своя логика развития событий, а читатель (и рецензент) волен соглашаться или не соглашаться с ними. Ибо, если внести такие «редакторские» правки, это было бы произведением другого человека.

Леонид Ханбеков в «лирических отступлениях» цитирует некоторые моменты переписки с героем своей книги, раскрывая в таких «мелочах» (а ведь наша жизнь и состоит из «мелочей»! Вспомните Аркадия Райкина: «Сто тысяч зрителей по одному рублю... Это

будет, это будет ... Бешеные деньги!») характер человек трудолюбивого, деятельного, в хорошем смысле слова «настырного» в достижении поставленной цели. Поэтесса Е. Николаевская говорила: «Просто некому больше, потому и несу». Вот и Алексей Яшин несет колоссальный груз различных забот, словно сторукий великан-гекатонхейр, успевая все: писать собственные художественные произведения, заниматься научной и административной работой, и новый журнал «Приокские зори» пестовать.

Кстати, о журнале. Может, в силу того, что я сама являюсь «пишущим» человеком, а специального литературного образования нет, стремлюсь учиться у коллег умению работы со словом. Вот почему я с интересом читаю рецензии на книги собратьев по перу. А в каждом номере журнала есть «информация к размышлению». Да и Леонид Ханбеков пишет: «Ох, как понятна мне боль и обида пишущего, когда труд остается незамеченным и падает, словно в пустоту!»

Беда с критикой. В пору сносного бытования «толстых» литературных журналов разделы критики и библиографии во многом были визитной карточкой издания. Журналы, стремясь выделиться и оперативностью, и тематической широтой, и «географией» прочитанного, и хорошей требовательностью, не делали скидок ни на столичность, ни на провинциализм. Нынче критические отделы во многом прекратили свое существование. Современных, так называемых «раскрученных» телевидением и ангажированных СМИ авторов, вроде Марининой, Устиновой, Донцовой, Улицкой, Славниковой, Лимонова, Пелевина, Перумова, Крусанова, даже Проханова, давно не интересуют анализ творчества, глубокое прочтение и выявление каких-то художественных тенденций. Реклама — и только реклама».

Анализируя еще одно масштабное произведение А. Яшина «В час Волка», Леонид Ханбеков справедливо замечает: «Мы должны быть признательны историку за предостережение. Бацилла рвачества и накопительства, поразившая правящую верхушку страны, цинизм и демагогия, парализовавшие ее лучшие умы, могут дорого обойтись всему народу. Охотников обвинить писателя-историка в защите русской общинности, как несостоя-

тельной панацее от всех болезней, найдется и без меня. Если еще не нашлись, в силу достаточно скромного тиража книги. Ее огромный фактологический материал и выверенные политологические соображения хорошо бы иногда выносить на куда более широкую читательскую аудиторию, ведь у нас на современном телевидении, с его уже двумя десятками каналов, лишь на одном решительные антиамериканские, антинатовские и антикальвинистские высказывания позволяет себе обозреватель Михаил Леонтьев. Завсегда же всевозможных «круглых столов» у Владимира Познера и «дуэлянты» у Владимира Соловьева лишь наводят тень на плетень, когда заходит речь о ближайших угрозах современному шаткому после падения СССР мироустройству».

Третью часть книги «Час Волка» Леонид Ханбеков называет произведением по-настоящему художественным, оригинальным по сюжету, ярко самобытным по письму, актуальным до публицистической остроты и выхода на факты, даты, события, объясняющие самую суть того, как был потоплен «Титаник» под названием СССР. Можно принимать или не принимать точку зрения А. Яшина на события «катастрофы», но лично мне как-то не по себе, когда в СМИ начинают огульно критиковать сталинские, да и просто советские времена, восхваляя монархию. Были разные времена, но всегда были люди и ЛЮДИ, совершавшие ошибки и подвиги. Почему же теперь многие забывают о своем крестьянском происхождении, а ищут дворянские корни? Престиж? Мода? Приспособленчество? Советская власть дала возможность праправнукам крепостного, выменанного на собак, получить высшее образование (мне), стать полковником, профессором и академиком, защитить диссертацию (моему брату), стать полковником и защитить диссертацию (моему племяннику). А что ждало бы нас без Октябрьской революции, кем бы мы могли стать?

Название очередной книги А. Яшина «Живые шахматы» сразу наводит мысль о манипулировании людьми, о превращении их в марионеток. «В общении со вчерашним ведущим конструктором, деятельным и разносторонним человеком» Николаем Андреевичем высвечиваются очень интересные типажи. «Едва ли не через

каждого из них, только не хлопай ушами, современник, вслушайся, вдумайся в то, что рассказывают они ему, зачастую alter ego автора, его эху, центру притяжения многих сюжетных веток и веточек, зеркалу типажей и характеров,— и ты откроешь для себя многие потаенные, скрытые от общественного взора, от внятного общественного истолкования вчерашних и нынешних властей... Думай, дорогой читатель, думай. В самом деле, все мы — живые шахматы. И порой нами двигает самый нелепый случай, порой сильная, гигантская натура, тот же Сталин, смешные с точки зрения истории, временщики, вроде шута горохового Хрущева, мелко мстящего поверженному льву, не устоявшего перед гидрой лести и чиновничества Брежнева, серенького и немощного Черненко, пустопорожнего комбайнера на троне Горбачева, трусливого и вероломного Беспалого...»

Весьма поучительна концовка «Кожаной папки Мао Цзедунна», пророчество «великого кормчего»: «Сбылось пророчество Мао по всем статьям. Предали «союзнички» своего спасителя от коричневой чумы по всем статьям. Эстония. Латвия. Польша. Чехия. Венгрия. Румыния. Украина. Молдавия...». Что тут можно еще добавить к словам Л. Ханбекова? Разве не прошла новая граница «суверенных» государств по сердцу каждого человека, разрушив мечты о светлом будущем? Только все же кому-то выгодно ловить рыбку в мутной воде и разыгрывать шахматные баталии с живыми людьми...

Продолжая анализировать дальнейшее творчество А. Яшина, Леонид Ханбеков характеризует так «Подводную лодку «Капитан Старосельцев»:

«Это на сегодня, с точки зрения единства формы и содержания, актуальности звучания и типичности изображенных персонажей — самое удачное произведение писателя.

Из чего я исхожу? Ну посудите сами.

Профессор Олег Васильевич Старосельцев — умница, талантище, разработками которого в медицинских высоких технологиях страна могла бы гордиться и зарабатывать на уступке прав сумасшедшие деньги, сравнимые с деньгами за газ и нефть, стоит часами в университетской сберкассе за скудным

денежным довольствием, которое еще недавно на каждую кафедру получала загодя уполномоченная лаборантка. В пять минут, без всяких очередей, девушка отоваривала страждущих сотрудников! В пять минут!

Новые времена — новые песни. Старинную систему ликвидировали, ввели новую. В связи с заботой о людях ввели. Нехорошо, когда кто-то со стороны знает размер чужой зарплаты. Не жена, не муж, а чужой человек. Изменилась, мол, криминальная ситуация в стране. Надо быть осторожнее. Хотя ученые мужи вполне серьезно решают теперь иную задачу: как прожить очередной месяц на это жалкое пособие по безработице? Можно ли вручаемые им гроши назвать зарплатой?

Профессор решил заняться своим пропитанием самостоятельно. Он создал небольшое закрытое акционерное общество и в короткий срок стал подпольным миллионером. За счет чего? Как? С кем? А вот это и есть совершенно шикарная фабула произведения, которая позволила автору в полной мере раскрыть свои недюжинные способности сатирика и реалиста, философа и историка, краеведа и ученого аналитика».

Далее Л. Ханбеков делает интересное заключение: «Представляю, сколько будет несогласных с горьким выводом профессора Старосельцева: эпидемии, ниспосланные Вселенским разумом на человечество за его преступления, унесли больше человеческих жизней, нежели все пять тысяч войн, известных истории от первобытных времен. Проказа в раннем Средневековье — расплата за крестовые походы; чума — за невежество и феодальную вольницу; холера в XVIII—XIX веках — за колониальные войны; грипп-испанка — за первую мировую войну; эпидемия сифилиса — за свальный грех конца XIX — начала XX веков; вирусный СПИД — за наркоманию и противоестественный природе гомосексуализм...».

Да нет, на мой взгляд, несогласных будет не слишком много. Умные люди понимают, что все в мире закономерно и действие равно противодействию. Понимают, что «за все мы в жизни платим свою цену... А на расплату жизнь дана одна» (И. П.). Так что и Старосельцев, и Яшин, оставили свой след на земле.

И еще одна похвала Ханбекова своему герою: *«Я мало говорил о художественно-изобразительном мастерстве Алексея Яшина, об его язвительном, саркастическом стиле, порой плакатно обнаженном; о слоге, напоминающем в лучших своих образцах и Салтыкова-Щедрина, и Гоголя».*

Да, есть такой сарказм, есть такой слог, но это не злопыхательство, а нечто, подобное скальпелю хирурга, вскрывающему гнойники. И не просто Яшин режет по живому, не из прихоти, а с болью за человека и общество. И роман «Подводная лодка «Капитан Старосельцев», по праву назван патриотическим, как и все творчество, литературное и научное, прекрасного «тульского энциклопедиста».

По простетивии ряда лет начинаешь оценивать людей по иным критериям, и, зачастую, ореол некоторых «личностей» заметно тускнеет, либо исчезает совсем. А в этом человеке выявляются все новые и новые неожиданные грани таланта. Посему, постараюсь показать «тульского энциклопедиста» с той стороны, что в книге Леонида Васильевича совсем не освещена. Итак, снова о роли личности в истории...

Будучи в довольно нежном возрасте, лет много «цать» тому назад, на одной из лекций, в тогда еще пединституте, по малоувлекательной для обычной девушки «электротехнике» познакомилась с новым преподавателем. (Что-что, а вдолбили нам накрепко весьма полезную вещь — учиться нужно всегда, причем, у кого угодно: у хорошего — как «надо» делать, у плохого — как «не надо»). Так вот, на лекциях у Алексея Афанасьевича я поняла, что даже самый нудный предмет можно сделать доступнее и интереснее за счет так называемых «лирических отступлений», (и сама их использую на уроках).

Необычный лектор в «лирических отступлениях» рассказывал о вещах малоизвестных тогдашним провинциалам, из которых «лепили» будущую «сельскую» интеллигенцию. И я поняла великую силу информации, важность становления разносторонней личности, начала, по примеру преподавателя, совмещать на первый мой взгляд, несовместимое: математику и поэзию.

Оказывается, что самые важные открытия в науке делаются

именно на стыке дисциплин, именно эрудированность, энциклопедичность дает возможность человеку не пропасть в любой ситуации и практически всегда быть на высоте положения. (Например, мне приходилось, кроме «родных» математики и физики, преподавать химию и географию, астрономию и музыку, обслуживающий труд и историю искусств в школе, а также некоторые разделы военной психологии в школе прапорщиков). Что же говорить о разнообразии интересов нашего молодого лектора? Поистине, оставалось только завидовать широте и глубине его знаний.

В пору предчувствия любви и приобретения первых крох житейской мудрости, практически все молодые люди начинают «пописывать» стихи и песенки. И я не была исключением из общего правила, а, узнав, что наш обаятельный лектор закончил Литинститут, принесла ему заветную тетрасточку. И сейчас, много лет спустя, с высоты собственного опыта, удивляюсь: что там смог увидеть мой самый первый профессиональный критик? Наверное, лишь семечко. А вот вырастет из него что-либо путное, угадать было трудно. (С мужчинами проще прогнозировать, а тут явно по воле вилами писано, известное дело: «женская поэзия»!.. Но не о ней сейчас речь). Первый отзыв был достаточно положительным: есть над чем работать. Не было разгромной критики очевидных промахов начинающего «бумагомараки», поскольку Алексей Афанасьевич обладал уже к тому времени превосходными знаниями в психологии, особенно, психологии творчества, да и что греха таить, в женской. Мягко, деликатно, чувствуя неуверенность автора, подсказал, о чем следует попытаться писать, что для этого нужно сделать, какие книги почитать. То есть, как мы говорим в педагогике, была создана «ситуация успеха». И я начала работать, получая в интереснейших письмах ценные советы, сделанные с великим тактом. Именно Алексей Афанасьевич дал мне путевку в литературную жизнь, и не его вина, что от этой первой его устной рецензии до моего первого сборника стихов прошло немало лет — труден путь женщины к творчеству. Зато потом именно поэзия помогла выстоять в тяжелые моменты жизни, самовыразиться, самоутвердиться. И всегда Алексей Афанасьевич ненавязчиво, между строк, приучал меня к хорошей, добротной литературе. Его произведения,

его письма помогали прямо или косвенно идти к новым вершинам, не останавливаясь на достигнутом. Он, возможно интуитивно, смог разгадать мой характер, и каждый раз бросал вызов: сумею я справиться с тем-то и тем-то? И, волей-неволей, приходилось «поднимать перчатку», снова и снова доказывая, что у поэзии есть женское лицо.

Вот так, в далекие восьмидесятые годы проявился не только талант ученого, лектора, но и прекрасного, умного ПЕДАГОГА.

Возвращаясь к теме лирических отступлений, целиком и полностью согласна с характеристикой подписей к старинным офортам и гравюрам, служащими иллюстрациями ко многим произведениям А. Яшина, сделанной Леонидом Ханбековым: «...Алексей Яшин изобрел, да, изобрел, своеобразный метод иллюстрации своих произведений выразительнейшими гравюрами, офортами, рисунками из журналов середины XIX века, из «Нивы» и «Отечественных записок», сопроводив их своими подписями. Каждая из подписей — настоящий мини-фельетон или памфлет, обличительный микроочерк о типаже или явлении времени, которое мы нынче переживаем. С одной стороны, эта страница-иллюстрация не имеет прямой связи с рассказом или очерком, текст которого прерывает, а с другого — дает хорошо оцененные дополнительные впечатления о наших временах, трудней которых дни и годы случались, но, как точно подмечено, подлей не было». Каюсь, читала сначала именно эти мини-рассказы, восхищаясь ими за талантливую краткость и емкость, а потом уже все остальное.

Вместо заключения Леонид Ханбеков пишет: «Жизнь и творчество Алексея Яшина, пришедшего в литературу зрелым человеком, когда в науке и изобретательстве он уже состоялся, в настоящее время — пример истинного подвижничества.

В мире, в котором деньги, богатство, комфорт, телесные удовольствия объявлены самоцелью, когда духовная высота, бессеребренничество, самопожертвование, служение благу Отечества не только ни во что не ставятся, не замечаются, но еще оплевываются бесконечной клоунадой и бессмысленными шоу телевизионного монстра, когда откровенное предательство ин-

тересов Родины оплачивается высокими гонорарами и даже должностными портфелями, он поднимает упавшее знамя духовности, престиж знания, истины, справедливости, раскрывая глаза тем, кто юн, и тем, кто сбит с толку лжеучеными и лжеучителями, на многие факты и явления истории нашего многострадального Отечества, которое наш национальный гений, помните? — не хотел бы променять ни на какое другое».

А я в свою очередь позволю себе сформулировать в виде теоремы одно из высказываний Алексея Афанасьевича: «Профессора, как и поэты, на пенсию не выходят, живут долго, потому что живут интересно. Верно и обратное: поскольку профессора и поэты живут интересно, на пенсию не выходят, то живут долго». Долгой, интересной и насыщенной вам жизни, дорогой Алексей Афанасьевич!

Спасибо Леониду Васильевичу Ханбекову за замечательную книгу!

